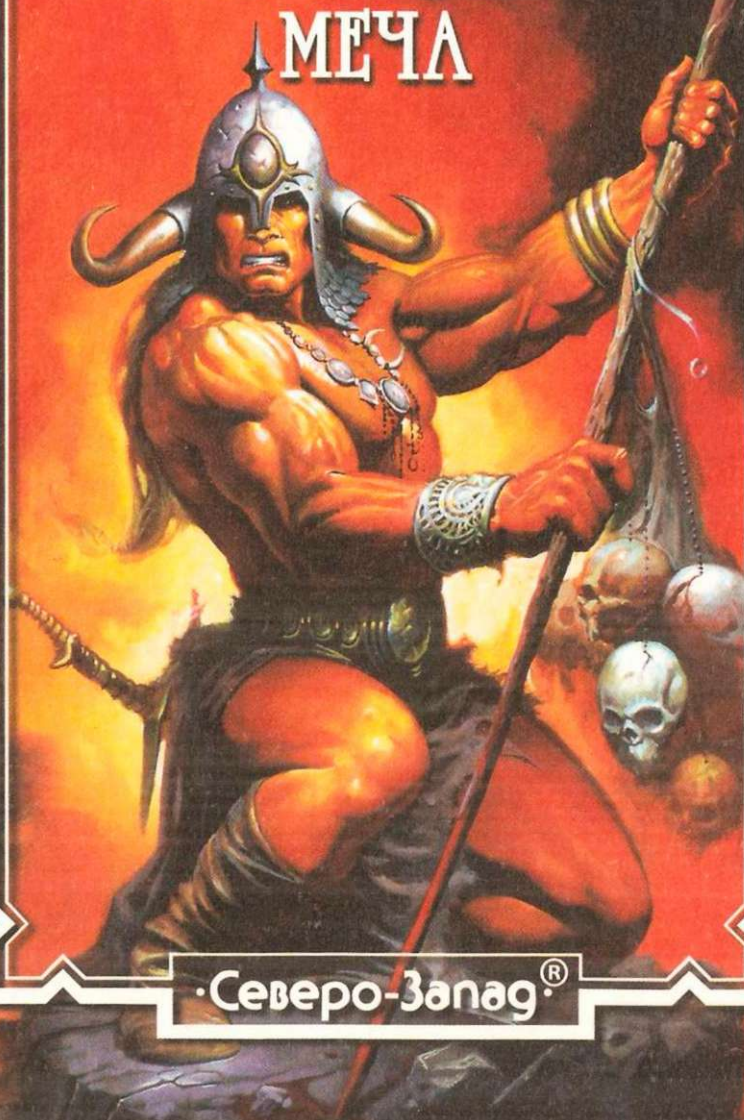

ИЖАА™

КУЛЛ И БРАТСТВО МЕЧА

Северо-Занэг®

ЖУЛА

КУЛЛ
И
БРАТСТВО
МЕЧА

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 90

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

К90 Кулл и братство меча.: Роман и повесть.— СПб.: Северо-Запад, 1999. — 480 с.

ISBN 5-7906-0039-5

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-7906-0039-5

© Ken Kelly, обложка, 1990
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ЖУЛ

ГЛАЗ
СКОРПИОНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стены хижины сотрясались от порывов ветра. Буря, неожиданно налетевшая на Моруанские горы, бесновалась уже вторые сутки. Потoki дождя обрушивались на жалкий домишко у основания скалы. Хилые деревца, чудом выросшие на клочках земли в расселинах, мотались на ветру и распластывались корявыми стволами по камням. Некоторые из них не выдерживали натиска и, оторвавшись от скудной почвы, что дала им жизнь, уносились прочь, оставляя небольшие ямки, которые тут же заливала вода, безостановочно лившаяся из огромных лиловых туч.

В лачуге было темно. Крошечный язычок пламени от фитиля, который плавал в плошке с жиром, колебался и едва мерцал, освещая лишь лицо человека, лежавшего у стены, и ру-

ку женщины, склонившейся над ним. Она осторожно отодвинула прядь волос со лба раненого, пытливо вглядываясь в бледное окаменевшее лицо. Как будто почувствовав ее взгляд, он открыл глаза. Женщина вздрогнула и потупила взор, как всегда делала с тех пор, как стала собственностью этого человека: она не могла вынести его грозного взгляда как раньше, так и теперь.

— Тебе лучше, мой господин? — тихо спросила женщина и убрала руку.

Раненый не ответил. Задержав на мгновение взгляд на ее лице, он опустил веки и какое-то время лежал молча. Дыхание его было частым, прерывистым.

— Румелия, ты должна выполнить мое приказание,— неожиданно раздался низкий голос с хрипотцой.— Посмотри на меня.

Она робко взглянула на своего господина и вновь опустила глаза. Тот спокойно продолжил:

— Я умираю, и ты это знаешь. Жизнь уходит от меня с каждым вздохом. Рана смертельна.— Он судорожно ловил ртом воздух.— Пока еще я могу связно говорить, но завтра, наверное, превращусь в животное, способное только выть и рычать.— Он снова замолчал.

Женщина стиснула руки у груди и прошептала:

— Я ничем не могу тебе помочь, господин. Если бы не буря, я собрала бы целебные травы и приготовила отвар, но...

— Пустое. Никакой отвар мне не поможет. Слушай меня, запоминай и сделай так, как я скажу.— Его голос, как всегда, звучал повелительно. В нем не слышалось даже отзвука тех страданий, которые испытывал человек, получивший рану в живот.— Смерть в этой грязной лачуге унижительна. Я хочу отомстить тому, кто отнял у меня все и по чьей вине я умираю здесь, как собака. Слушай. После моей смерти ты отправишься в Илурат и сделаешь все возможное и невозможное, чтобы проникнуть во дворец кинара. Это будет нелегко. Попробуй воспользоваться моим именем. Только назови его не простому стражнику, который и слушать тебя не станет, а тому, кто вхож во дворец. Думаю, имя Асида, предводителя горских племен, заставит проявить к тебе интерес.

Он замолчал и закрыл глаза, пережидая, видимо, сильный приступ боли. Лицо его застыло, на лбу выступил пот, желваки перекатывались под густой серебристо-черной растительностью на щеках, отчего казалось, что борода шевелится. Женщина с мукой и нежностью пристально смотрела на своего повелителя и возлюбленного. Но вот раненый снова взгля-

нул на нее, и она опустила веки, не в силах выдержать его пронзительный взгляд.

— Ты единственная моя надежда расквитаться с кинаром Тибором. Когда-то мы были достойными противниками. У меня было больше воинов, чем у него, и только стены города спасали его отряды. Но потом все изменилось. Я совершил непростительную ошибку: вместо того чтобы неожиданно напасть из засады, принял открытый бой и потерпел поражение...

Асид снова затих. Он вспоминал свою жизнь, которая состояла из бесконечных стычек с илурами. Долина Илурата, окруженная со всех сторон непроходимыми горами, имела выход во внешний мир через единственный перевал. За обладание этим узким проходом, рассекающим сплошную каменную стену гор, и воевали илуры и горные племена с тех незапамятных времен, как светловолосые пришельцы с севера захватили долину. Они построили селения, возделали землю, возвели и хорошо укрепили город. Когда же возникла необходимость торговать, илуры не стали мириться с тем, что горцы, испокон веку считавшие перевал своим, нападали на каждого, кто проезжал по нему, взимая насильственную дань, и начали войну против горных племен,

которая продолжалась с переменным успехом на протяжении жизни нескольких поколений.

Перед лицом смерти Асид вынужден был признать, что не только стены города помогали Тибору одерживать победы. Илурат славился оружейными мастерами. Войско Тибора, прекрасно экипированное и обученное, совершало дерзкие вылазки в горы. Хотя горцы были смелы и искусны в бою, раз за разом они проигрывали. В конце концов череда неудач привела к тому, что он, потеряв последний отряд, лежит здесь и умирает.

Жизнь в горах была суровой, тяжелой и опасной. Горцы, надежно защищенные от вторжения врагов неприступными скалами, не могли укрыться в них от бурь, снегопадов и летнего жгучего солнца. И все же Асид не променял бы эту долю ни на какую другую.

Он презирал жителей долины. Простолюдин там вынужден проводить жизнь в тяжелом каждодневном труде, торговец — в хлопотах и лукавом обмане, воин — в подчинении и однообразной службе, правитель — в страхе за свою власть. Асид был свободен от всего этого. Он, предводитель горских племен, добился своего положения только благодаря собственной храбрости, уму и умению владеть оружием. Нападение из засады, короткое сражение — и он владеет тем, что другой вынужден по-

купать или добывать тяжким трудом. Впрочем, за добычу горцы платили самую высокую цену — жизни своих детей, братьев, друзей. И он наконец заплатил сполна! Но смерть его не страшит. Он умрет спокойно, если будет отомщен. Тибор должен знать, кто лишил его наследника, а Илурат — покровителя перед грозным богом Сигуроном.

Асид с трудом разлепил запекшиеся губы и попросил пить. Румелия поднесла ему глиняную чашку с водой и обтерла рукавом платья подбородок после того, как он сделал несколько глотков. Горец снова заговорил:

— Два дня назад мы сами попали в засаду. Все мои люди погибли. Началась буря, поэтому мне удалось вырваться.

— Пастухи нашли тебя и принесли сюда.— Румелия провела рукой по влажному лбу Асида.— Я не забыла, что ты любил меня, хотя и выдал замуж за бедного горца. Я сделаю все, что в моих силах.

— Силы твои невелики.— Асид мрачно усмехнулся.— Чтобы проникнуть во дворец, нужны деньги. Ты найдешь их в небольшой пещере на склоне Круглой горы. Знаешь, где это?

— Знаю.

— Вход в пещеру со стороны моря. У основания горы лежат две огромные глыбы. Между

ними в кустах есть лаз. Там начинается тропа, ведущая навверх, к пещере. Прежде чем туда войти, брось несколько камней. Возможно, ее занял горный лев. Будь осторожна. Мешок с монетами зарыт с правой стороны от входа и завален большим валуном.

Асид перевел дух. Время от времени боль затуманивала сознание, к горлу подкатывала тошнота, тело покрывалось потом. Горец чувствовал приближение смерти; как всякий человек, боялся ее, однако так сильно жаждал мести, что страшным усилием воли заставил себя сосредоточиться и рассказать своей бывшей наложнице обо всем, что помогло бы ей выполнить его последнюю волю.

— Теперь запомни то, что ты должна сказать кинару или любому приближенному к нему человеку. Слушай. Я, Асид, заклятый враг Тибора, похитил его сына и продал в рабство купцам, которые шли караваном на Восток. Найти его невозможно, и меня это радует.

Румелия удивленно посмотрела на него:

— Для любого отца потеря сына — большое горе. А потеря наследника — еще большее несчастье. Но ведь все это произошло много лет назад. У Тибора есть дочь. Правда, если старый кинар умрет, право на престол получит ее муж, но в любом случае она станет кинарой, и, если родит сына, он станет наследником.

Асид с трудом улыбнулся. Будь у него силы, он бы злобно рассмеялся.

— Глупая женщина,— сказал он, морщась от боли.— Сын Тибора должен был наследовать не только трон, но и жреческий сан. После смерти кинара в Илурате не останется Верховного жреца. Некому будет служить Сигуруну. Я мог бы убить мальчишку, но не сделал этого, потому что, пока он жив, они не могут выбрать другого Верховного жреца. Надеюсь, могущественный бог разгневется и сотрет ненавистный мне город с лица земли. Именно этого страшится Тибор. Его смерть станет началом гибели государства, народа и его собственной многочисленной семьи. Погибнет его дочь, погибнут все его жены и их дети, а мой сын, когда возмужает, соберет разрозненные горские племена и снова начнет борьбу с илурами. Вот чего я добился, похитив мальчишку!

Лицо Асида вдруг исказила судорога. Он впился пальцами в овечью шкуру, на которой лежал. Вперив взгляд в лицо склонившейся над ним женщины, он с трудом выдавил:

— Поклянись, что ты сделаешь это.

Румелия сложила ладони, прижала их к груди и склонилась перед грозным горцем в низком поклоне:

— Все сделаю, господин. Клянусь. Я люблю тебя и готова умереть вместе с тобой. Я ненавижу Тибора. Твоя месть будет и моей местью.

Асид закрыл глаза, тело его выгнулось, голова замоталась из стороны в сторону, слышались бессвязные слова и стоны — началась агония.

* * *

Кинар Тибор был тяжело болен. Годы, заботы и тоска по похищенному сыну подточили его здоровье. Он давно уже не вставал со своего ложа, и все понимали, что долго ему не протянуть.

В полутемной спальне горели светильники, хотя давно рассвело. Тяжелые занавеси были задернуты: дневной свет раздражал кинара. Слуги неслышно ходили по дворцу, чтобы не потревожить больного.

Кинар Тибор не спал. Его угнетали тяжелые думы. С тех пор как он лишился единственного наследника, мысли о будущем Илурата не давали ему покоя.

После того как сопротивление горцев было сломлено, а перевал освобожден, ничто уже не мешало Илурату процветать и богатеть. Илурат процветал и богател. Могущественные со-

седи тоже не беспокоили его, вернее, попросту не замечали. Для Валузии, лежавшей на севере за грядой Моруанских гор, Илурат был крошечным кинарством, которое затерялось среди таких же, как он, незначительных государств, а от ближайших соседей он был надежно защищен непроходимыми горами. Тибор поддерживал с ними дружеские отношения и в то же время вел хитрую политику, стараясь использовать их постоянную междоусобную вражду.

Хуже обстояло дело с Моруолом — горной страной, которая начиналась сразу за перевалом. В течение долгого времени там шла борьба за престол между двумя знатными родами. В результате интриг, предательств и коварных убийств оба рода были уничтожены, а власть захватил маг Ниттон-Тан, который, говорят, сыграл не последнюю роль в том, чтобы устранить законных наследников. Тибор потратил немало золота, стараясь поставить во главе соседнего кинарства своего человека, но, когда к власти пришел маг, вынужден был его признать и поддерживать с ним добрососедские отношения. Мало того, он обещал ему руку своей любимой дочери Ровены, прекрасно понимая, какой это для нее удар. Но что оставалось делать? Илурат и Моруол связаны друг с другом, как близнецы-братья. Их правители издавна заключали династические браки. Ро-

вена должна стать женой правителя Моруола, даже если бы на его троне оказался простой пастух. Илурат полностью зависел от соседней страны, ведь через нее проходили торговые пути, и Моруол, перекрыв перевал, может не пустить к илурам ни одного купца.

С другой стороны, илуры, более сильные и сплоченные, представляли для своего соседа постоянную угрозу, поэтому моруолцы старались не обострять отношений и всегда пропускали купцов и караваны в долину Илурата. Родственные связи, соединявшие оба престола, сглаживали возникающие противоречия. Но после кровавой междоусобной войны, которая унесла жизни всех мужчин из обоих родов, имевших право на трон, снова возникла необходимость укреплять дружеские отношения с соседним государством. Брак Ровены с черно-книжником, служителем Темных Сил, унижен, но жизненно необходим. Такую уж судьбу предначертали боги и для Ровены, и для илуров. Муж кинны станет правителем Илурата, а законный наследник, похищенный сын Тибора, где-то мучается и страдает. Где он? Жрецы Сигулона утверждали, что мальчик жив. Лучше бы он умер! Тогда, по крайней мере, можно было бы выбрать нового Верховного жреца и спокойно отправиться в Страну Теней.

Бог Сигурон давно не гневался на илу ров. Прошло больше двадцати лет со времени последнего землетрясения. Кинар хорошо его помнил. Оно было таким сильным, что почти полностью разрушило Нижний город. Тогда многие его жители погибли, погребенные под развалинами своих жилищ. В Верхнем городе целыми остались лишь храм, возведенный в честь грозного бога, и кинарский дворец. И тот и другой были построены из огромных гранитных плит. Существовала легенда, что когда-то очень давно, когда илуры после долгих скитаний пришли в долину и построили небольшое поселение на горе, молния ударила в скалу и расколола ее на множество обломков. Жители восприняли это как знамение и построили Сигурону храм. Обломки скалы пошли на его облицовку. По окончании строительства остались две огромные гранитные глыбы, из которых искусные камнерезы выточили двух львов и поставили их как стражей у ворот дворца. С тех пор ни одна буря не наносила большого ущерба ни святилищу, ни дворцу, а во время землетрясений рушилось все, кроме этих двух сооружений. Что сделает Сигурон с Илуратом после смерти Тибора? Разгневанный, он не пощадит ни город, ни его жителей.

Кинар поднял тяжелые веки и увидел мрачное, постное лицо советника Марга, который терпеливо ждал его распоряжений.

— Приветствую тебя, мой господин. Надеюсь, ты хорошо почивал.

— Здравствуй, Марг. Я почти не спал. Все думаю о том, что будет после моей смерти.

— Ты поправишься, мой господин.

Марг произнес дежурную фразу без всякого выражения. Впрочем, он никогда не проявлял своих чувств. Кинар Тибор ценил советника не за вежливые фразы и сочувствие, а за острый, гибкий ум, хладнокровие и преданность.

— С потерей наследника нужно смириться, мой господин,— сказал Марг.

— Я смирился бы, если б не опасность для Илурата. После моей смерти государство погибнет. Все будет уничтожено. Все, что создавали мои предки, все, что сумел создать я.

Марг опустил голову и глубоко задумался. Положение действительно было тяжелым. Изогранный ум советника не мог найти никакой уловки, зацепки, чтобы что-либо изменить. Марг любил город не меньше кинара Тибора. Рожденный в самой бедной семье, он своим умом, хитростью и верностью тем, кому служил, добился высшего поста в чиновничьей иерархии государства. Последние десять лет

кинар Тибор шагу не мог ступить без его совета, но сейчас и он ничего не мог придумать.

Восемь лет назад во время охоты на горного льва был похищен наследник Робад. Марг лично провел расследование, опросив всех участников охоты — от мальчишек-служек до кинара, и пришел к неутешительному выводу: мальчика похитили горцы. Советника не было на охоте, но рассказы участников помогли ему представить все, что там произошло, так полно и зримо, как будто он все видел и слышал сам. Пожалуй, он был единственным человеком, который имел полное представление о том, что же случилось в то жаркое летнее утро.

За несколько дней до охоты загонщики отыскали льва и обложили его со всех сторон. В день рождения наследника (Робаду исполнилось семь лет, и охота на горного льва символизировала переход мальчика из-под женской опеки к истинно мужскому воспитанию) огромная процессия, возглавляемая кинаром, вышла из города и двинулась в горы. Казалось, чтобы защититься от нападения горцев, все было продумано. Марг сам наставлял начальника охраны и всех сотников, которые, в свою очередь, должны были снарядить и подготовить сопроводительные отряды.

Но причиной сумятицы и страшной неразберихи, в результате которой наследник был

похищен, а его мать убита ударом кинжала в грудь, стало не нападение горцев, а нерадивость загонщиков, вовремя не обнаруживших двух львиц. Разъяренные самки бросились выручать своего повелителя, разметали охотников и вызвали такую панику, что охрана растерялась. Солдаты, натянув луки, боялись стрелять, чтобы не убить кого-нибудь из многочисленного семейства кинара, и только беспомощно смотрели на обезумевших животных. Львицы, не замечая многочисленных ран, довольно долго метались среди испуганных людей, одних обращая в бегство, других повергая на землю ударами мощных лап.

Когда же наконец их прикончили и стали искать наследника, чтобы он, согласно обычаю, наступил царственной ножкой на голову поверженного льва, обнаружили лишь его убитую мать. Никто ничего не мог сказать вразумительного. Все женщины, которые были с кинарой, стонали и рвали на себе волосы и одежду, с ужасом что-то лепеча о львах, но никто из них не видел похитителя.

Марг, узнав все подробности, не сомневался, что горцы просто воспользовались суматохой. Возможно, они знали об охоте и ждали подходящего случая, чтобы осуществить свой замысел.

Советник изложил свои соображения кина-ру, когда у того прошел первый приступ горя, ярости и отчаяния, и Тибор согласился с его выводами. Его ненависть к горцам усилилась во сто крат, и война с ними разгорелась с новой силой. Каждого пленного подвергали изощренным пыткам, чтобы заставить рассказать все, что он знает о похищенном мальчике, но никто так ничего и не сказал. Предводитель горских племен Асид ускользнул, хотя весь его отряд был уничтожен. Вот кто, скорее всего, знал о похищении!

— О чем задумался, Марг? — Слабый голос кинара заставил советника поднять голову.

— Мой господин, думаю, у нас остается единственный выход — выдать кинну Ровену замуж за Ниттон-Тана, — сказал Марг бесстрастно, но во взгляде его мелькнуло сочувствие.

— Бедное дитя! Я знаю, Марг, что только с помощью этого брака можно спасти Илурат. Впрочем, разве может волшебство мага противостоять гневу Сигурана?

— Нет, властелин, конечно, нет. Но государство не может оставаться без правителя. Этот брак позволит избежать смуты, в результате которой ваши многочисленные враги могут уничтожить вашу семью и погубить Илурат. Борьба за власть ведет лишь к разорению и ослабляет государство. А этим непременно

воспользуется Ниттон-Тан и все равно захватит Илурат.

— Горе мне, горе...— простонал Тибор, но, усилием воли совладав со своими чувствами, слабым движением руки подал советнику знак, чтобы тот приблизился.— Марг,— сказал он тихо,— обещаю тебе, что позаботишься о Ровене. Она так молода. Ей будет необходим твой ум и опыт. В награду проси все, что пожелаешь.

Советник почтительно склонился перед умирающим кинаром:

— Властелин, я сделаю все, о чем ты просишь, клянусь Сигуроном! Награды мне не нужно.

Кинар Тибор кивнул, отпуская Марга, и устало закрыл глаза.

* * *

На одном из постоянных дворов Нижнего города появилась странная пара. Мужчина со смуглым лицом, заросшим черной бородой, внимательно и настороженно оглядывал все, что попадало в поле зрения. Тюрбан, длинный полосатый халат из дорогой ткани, подпоясанный красным кушаком, и добротные сапоги с загнутыми носками не оставляли сомнений в

том, что этот чужеземец богат и, скорее всего, занимается торговлей. С ним была женщина, закутанная с головы до ног в шелковое черное покрывало. Из-под белого платка, который закрывал лоб до бровей, поблескивали огромные темные глаза, опущенные густыми черными ресницами. Она спросила у хозяина постоялого двора, нет ли у него отдельной комнаты, и тот, хитрый, но глуповатый толстяк, почуяв, что можно поживиться, заломил самую высокую цену. Женщина согласилась, не торгуясь.

Когда они остались наконец одни, Румелия обратилась к мужу:

— Боюсь, тебя могут узнать.

— Пусть. Я просто так им в руки не дам-ся,— буркнул тот в ответ, откинув полу халата и привычным жестом кладя ладонь на рукоять кинжала.— Пока я молчу, никто не поймет, что я горец. Как я их всех ненавижу! Илуры — ублюдки Тога!

— Мы отомстим! Я не забыла, что Тибор разорил мой дом, лишил меня родителей и продал в рабство.

— Это правда, что ты из богатой семьи?

— Да, мой отец был сотником. Когда Асид похитил наследника, всех военачальников казнили, их имущество пошло в казну, а семьи продали.

— Тогда во всех твоих несчастьях виноват Асид.

— Нет, ведь не он срывал зло на невинных женах и детях.

— Как ты попала к нему?

— Разве ты не участвовал в нападении на торговца, который купил меня на невольничьем рынке?

— Нет, я был слишком молод.

— Асид взял меня в наложницы.

— Ты никогда не полюбишь меня так, как любила его.

— Я твоя жена, Зейнад, и этим все сказано.

Горец подошел к открытому окну, выглянул наружу, затем повернулся к Румелии.

— Здесь я как в клетке.— Он вышел на середину комнаты, засунул большие пальцы за пояс и нахмурился: — У меня предчувствие, что мы попадем в ловушку. Даже если ты сумеешь пробраться во дворец и порадовать кинара известием о его сыне, как мы выберемся из города?

— Положись на меня, Зейнад. Я хорошо знаю Илурат, ведь я здесь выросла. И у нас есть деньги. Много денег.

Румелия подошла к постели, где лежал большой узел, и развязала его. Кроме одежды там было множество небольших сухо шуршавших мешочков.

— Вот мое оружие,— сказала она, вытащив и показав горцу один из них.— Я проникну во дворец с помощью моих снадобий.

* * *

В тот же день вечером к хозяину постоянного двора пришел человек, которого тот всегда принимал подчеркнуто любезно, но, как только он уходил, злобно смотрел вслед, бормоча ругательства.

Незванный гость был соглядатаем советника Марга, а южный квартал Нижнего города, где находился постоянный двор,— полем его деятельности. Люди Марга обращали особое внимание на постоянные дворы и харчевни, впрочем, как и на все места, где толпился народ.

— Добрый вечер, господин Артавер. Отведай моего вина,— залебезил толстяк, усаживая за стол маленького невзрачного посетителя и наполняя серебряный кубок доверху.

— Как дела, Хатани? — спросил тот вежливо и, пригубив вино, кивком выразил одобрение.— Хорошее вино. Слушаю тебя.

— За последние два дня у меня поселились восемь человек. Четверо — крестьяне, приехавшие торговать на базаре. Я разместил их под навесом, рядом с конюшней. Два купца

приехали надолго, возможно на месяц. Говорят, что были в Валузии, а куда отправятся от нас, неизвестно. Как пойдут дела. И еще двое сегодня поселились. Муж и жена. Богатые, видать, люди. Откуда и зачем приехали, не сказали. Гордые очень.

— Подозрительные?

— Да нет. Перевидал я всяких. Обычные люди,— легко солгал Хатани. Уж очень не хотелось ему терять выгодных постояльцев. Он, разумеется, заметил многое, что могло заинтересовать проныру Артавера, но не собирался ничего ему говорить.

— С каким акцентом они говорили? — спросил Артавер и пристально взглянул в добродушное лицо толстяка.

— Женщина говорила по-нашему, как будто родилась здесь.

— А мужчина?

— Мужчина молчал,— сказал Хатани и тут же понял, что попался.

— Женщина договаривалась о жилье, а мужчина молчал? И ты называешь их обычными людьми? Играешь с огнем.

— Не подумал, господин Артавер, прости меня, недотепу. Как-то не обратил внимания,— испуганно залепетал Хатани, у которого душа ушла в пятки.— Они сказали, что проживут месяц,— добавил он.

Тщедушный гость встал и подошел вплотную к хозяину постоялого двора.

— Не хитри, Хатани. Я тебя насквозь вижу. Ты должен все о них разузнать. Откуда прибыли, зачем, к кому. Не мне тебя учить.

— Да, мой господин, постараюсь. Все для тебя сделаю. А позволь спросить, правду говорят, что кинар Тибор очень болен?

— Может быть, не знаю точно.— Артавер подозрительно прищурился: — А тебе зачем?

— Ну а как же? Ведь я живу здесь. Что с нами будет, если кинар умрет? Сгинет наш город! Наследника нет, Верховного жреца не будет, бог Сигурон превратит Илурат в груды камней.

Гость ошарашенно посмотрел на Хатани.

— И давно ты ведешь такие разговоры? — прошипел он, опасливо озираясь по сторонам.

Бедный Хатани, уразумев, что снова попал впросак, потерял дар речи.

— Отвечай, отродье Тога! — крикнул Артавер.

— Нет, нет, я только у тебя спросил, господин,— испуганно прошептал Хатани.— Многие в городе об этом говорят, а если не говорят, так думают.

— Советую тебе держать язык за зубами,— грозно сказал соглядатай, направляясь к двери.— Не забудь о тех двоих. Наведаюсь завтра.

Расстроенный Хатани проводил Артавера сердитым взглядом, а когда за ним закрылась дверь, в сердцах плюнул ему вслед.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Базарная площадь Аграпутара шумела и бурлила с самого раннего утра. Солнце ослепительно сверкало в ярко-голубом небе, воздух был свеж и прозрачен, и яркие краски восточного базара переливались в нем всеми цветами радуги.

Город стоял на пересечении караванных путей, и торговля в нем процветала с давних времен. Жители близлежащих мест привозили для продажи прекрасно выделанные кожи, великолепный овечий сыр, чудесный горный мед, шерстяные ткани. С плодородных равнин сюда доставляли заботливо выращенные фрукты и овощи, а также превосходные виноградные вина. Караванщики везли предметы роскоши: шелка, благовония, пряности,— приоб-

ретая взамен искусно выделанное дорогое оружие, украшения из самоцветов и знаменитые туранийские ковры. Кроме того, на огромной базарной площади города в специально отведенных местах издавна торговали рабами и лошадьми. Для лошадей были устроены загоны, а для рабов — загородки, каждая из которых принадлежала кому-нибудь из торговцев.

Толпа рабов состояла из мужчин, женщин и детей всех оттенков кожи — от белого до почти черного, их одежда пестрела лохмотьями всевозможных цветов (впрочем, молодых девушек, которых содержали отдельно, одевали очень красиво), но объединяло их одинаково тупое выражение лиц. Равнодушный, безжизненный взгляд отличал тех, кто волей судьбы потерял свободу, а главное — надежду обрести ее вновь.

Среди них выделялся один юноша лет пятнадцати, не столько своим внешним видом, хотя, если приглядеться, он был весьма хорош собой, а тем, что взгляд его темно-серых глаз был живым и дерзким, а сосредоточенное выражение лица указывало на то, что он о чем-то постоянно размышляет.

Он был худощав, но ловок, подвижен и очень хорошо сложен. Как в жеребенке опытный глаз может увидеть стать чистокровного

скакуна, так и в мальчике угадывалась хорошая порода. Темно-коричневый загар покрывал его тело, но это был именно загар, а не смуглость, свойственная многим южным и восточным народам,— полосы светлой кожи виднелись под живописными лохмотьями. Черты его лица были правильными, но заостренными от постоянного недоедания. Выгоревшие на солнце светлые волосы волнистыми неровными прядями падали на прямые плечи. Этот юный раб, дерзко, в упор смотревший на каждого, кто обращался к нему, будь то хозяин или товарищ по несчастью, день и ночь думал только об одном — о побеге.

Он не хотел мириться со своей участью, решив для себя уже давно: либо он сумеет удрать, либо вообще не будет жить.

* * *

На другой стороне базарной площади, где торговали лошадьми, в середине дня появился человек, который выглядел настолько необычно, что привлек внимание всех, кто находился поблизости. Это был молодой мужчина высокого роста и крепкого телосложения. Накинутый на одно плечо плащ не скрывал смуглого мускулистого тела. Женщины, мимо которых

он проходил, опускали глаза, но нет-нет да и поглядывали из-под длинных ресниц на перекатывавшиеся под гладкой кожей мускулы.

Все в нем изобличало чужестранца: серые, со стальным отблеском узкие глаза, смотревшие из-под густых бровей прямо и жестко, темные волосы до плеч, перехваченные ремешком, который, словно обруч, стягивал высокий лоб. На широком кожаном поясе висел тяжелый меч в ножнах. Запыленные сапоги со стоптанными каблуками свидетельствовали о том, что их владелец исходил немало дорог.

Чужеземец подошел к загону, где на привязи стояли в ряд кони и кобылы различных пород и мастей, и медленно двинулся вдоль него, внимательно оглядывая каждую лошадь и не обращая внимания на вьющихся возле него продавцов, которые на все лады расхваливали свой товар. Судя по всему, он прекрасно мог обойтись без советчиков. Наконец, остановившись возле вороного коня, который бешено грыз удила и дико косил налитым кровью глазом, он хлопнул его по крупу так, что тот присел на задние ноги и напрягся, готовый, если бы не короткий повод, взвиться на дыбы. Владелец коня, угодливо улыбаясь, обратился к возможному покупателю:

— Сразу видно знатока. Ты сделал прекрасный выбор, чужестранец. Великолепный конь! Будет хорошо тебе служить.

— Надеюсь,— коротко сказал тот и достал из-за пояса кожаный кошель, не слишком туго набитый монетами.— Сколько ты за него просишь?

Продавец прищурил глаз, соображая, из какой страны прибыл этот молодец. Говорил он с каким-то необычным акцентом, какого торговец никогда не слышал, хотя немало поездил по свету. Он медленно провел ладонью по спине коня от холки до хвоста и назвал цену вдвое больше той, за которую намеревался продать вороного.

Высокий мужчина, откинув голову назад, разразился громким смехом.

— Ты, я вижу, принял меня за дурака, купец,— сказал он, успокоившись.— Я бывал во многих странах, но о таких ценах и не слышал. Может быть, у твоего коня золотые зубы?

Торговец понял, что попал впросак, но, поскольку первое правило торга, которому он всегда следовал, состояло в том, чтобы заговорить покупателя, заулыбался и щелкнул языком:

— Это редкий конь. Сильный, быстрый — тебе под стать! Сдается мне, ты знаешь толк в лошадях.

— Да, я из Атлантиды и хорошо разбираюсь в лошадях. И в ценах на них тоже.

Торговец закивал, соображая тем временем, как обвести вокруг пальца северянина, который непонятно зачем забрел в их края.

— Только ради тебя и в ущерб себе я готов уменьшить цену на четверть. Что скажешь?

— На две четверти. Итого, половина той цены, которую ты назвал,— твердо сказал атлант.— По рукам? — И протянул широкую ладонь.

Торговец замялся. Здравый смысл говорил, что надо продавать, жадность заставляла медлить. Он попробовал продолжить торг:

— Нигде ты не найдешь такого коня, чужеземец. Правду тебе говорю...

Атлант круто развернулся, собираясь уйти.

— Согласен, согласен, по рукам! — крикнул купец и схватил великана за край плаща.

— Давно бы так,— добродушно сказал тот и подошел к коню.

Вскоре он уже шел по базару, ведя вороного под уздцы. Поглядывая по сторонам и не обращая внимания на любопытные взгляды, молодой атлант пробирался сквозь толпу, высматривая оружейный ряд. Неожиданно он остановился и пристально посмотрел туда, где, по всей видимости, продавали рабов. Оттуда доносились громкие ругательства и свист кну-

та, который резко опускался на спину ребенка, и без того уже покрытую кровавыми полосами. Не рассуждая, атлант сунул повод первому попавшемуся прохожему и бросился к торговцу, который орудовал кнутом так, будто вознамерился убить своего раба.

Рука негодяя словно попала в клещи, стиснутая железными пальцами невесть откуда взявшегося незнакомца. Изумление его было столь велико, что несколько мгновений он стоял неподвижно с открытым ртом, выпученными глазами и поднятой рукой, из которой вывалилась плеть.

— Ты убьешь его, клянусь Валкой,— сказал сероглазый гигант и разжал пальцы.

Работорговец опустил руку, потряс ею и злобно взглянул на непрошеного защитника.

— Этот раб мой, и я могу делать с ним все, что захочу,— прошипел он.

Вокруг них уже собралась большая толпа. Одни молча с любопытством смотрели на необычное зрелище, другие оживленно обсуждали странный поступок чужеземца, третьи, а их было немало, выкрикивали угрозы. Не было никакого сомнения, что они собирались проучить чужака, дерзнувшего напасть на представителя их клана.

Работорговец, почувствовав поддержку, нагло посмотрел на чужеземца и сказал не столько ему, сколько окружающим:

— Этот мальчишка хотел сбежать. Причем делает это не в первый раз. Я его предупредил, что забью до смерти, если он сделает еще одну попытку.

— Неужели ты так на него зол, что готов понести убыток? — спросил атлант.

Торговец наклонился над мальчиком, схватил за волосы и поднял его голову. Увидев, что тот без сознания, он ткнул его лицом в пыль.

— Этот шакалий ублюдок ни на что не годен. Зачем только я его купил?

— Теперь уже действительно ни на что не годен,— зло улыбнулся атлант.

Он с презрением посмотрел на подступавших к нему людей, положил руку на рукоять меча, сделал шаг вперед, встал над мальчиком и громко сказал:

— Только суньтесь, уроды, я выпущу вам кишки, клянусь Валкой!

Но живое кольцо продолжало сужаться. Оно состояло, по крайней мере, из семи человек, в руках которых уже сверкали ножи.

Еще мгновение, и все семеро бросились вперед. Молодой гигант молниеносным движением выхватил меч из ножен, слегка наклонился и, быстро повернувшись на пятке вокруг

себя, сделал им круговое движение. Несколько нападавших, получив резаные раны кто по груди, кто по шее, повалились на землю, но двоим удалось избежать удара: они отпрыгнули назад, когда он завершал круг. С яростными криками они снова бросились на северянина, но тот с ловкостью ягуара отпрянул в сторону, и ножи его противников пронзили воздух. Один, потеряв равновесие, упал, другой, не сумев остановиться, пролетел несколько шагов.

Атлант выпрямился, спокойно оглядел столпившихся людей и вложил меч в ножны. Подойдя к распростертому на земле рабу, он легко, словно пушинку, поднял его на руки и направился к человеку, который держал его коня. Не обращая внимания на глухой ропот толпы, он положил безжизненное тело поперек спины вороного.

— Это мой раб! — Послышался голос за его спиной.

Северянин с удивлением оглянулся, посмотрел на торговца и сказал с презрением:

— Ведь ты, отродье Тога, хотел его убить! Тогда он тебе был не нужен.

— Это мой раб,— твердил тот, размахивая руками и обращаясь к толпе.— Он украл у меня раба!

Атлант вытащил из-за пояса кошель и, достав из него несколько золотых монет, бросил их торговцу под ноги:

— Подавись, ослиная задница. Я покупаю его,— И тронул коня.

* * *

В полутемной комнате было прохладно. Тонкие лучи заходящего солнца пробивались сквозь задернутые занавески. На широком, покрытом ковром ложе лежал ничком выкупленный атлантом раб, а сам он сидел рядом и задумчиво глядел на истерзанную спину юноши.

Послышались тихие шаги, заскрипела открываемая дверь, и в комнату вошла молоденькая служанка, неся глиняную плошку с водой. Атлант вытащил из-за пояса кинжал и наклонился над мальчиком, чтобы срезать присохшие к спине окровавленные лохмотья. От этого прикосновения мальчик очнулся. Открыв глаза, он приподнялся на руках, обернулся, увидел склонившегося над ним огромного полуголого человека с кинжалом, дико закричал, спрыгнул с ложа и метнулся в сторону.

— Не бойся,— послышался низкий голос.— А ты живучий, парень!

— Кто ты? — спросил юноша, прижимаясь спиной к стене. Он так был изумлен, что забыл о боли.

— Не бойся,— повторил незнакомец. Затем посмотрел на кинжал и широко улыбнулся, сверкнув в полумраке белыми зубами.— Ты подумал, что я буду тебя свежевать, как барашка? Я — Кулл. А тебя как зовут?

Мальчик не ответил. Удивленно оглядывая комнату, он поинтересовался:

— Где я?

— Мы на постоялом дворе. Я тут остановился ненадолго. Этот ублюдок Тога, твой хозяин, чуть не забил тебя до смерти. Уж мне-то очень хорошо известно, каково это, когда плетка гуляет по спине. Я два года был рабом на галере. Ну вот, пришлось вмешаться. Как тебя зовут, поросенок?

— Ахсур. Значит, ты мой новый хозяин?

— Нет. Я тебя купил, но ты свободен. Мне раб не нужен. Ложись-ка, нужно промыть твои раны.

Кулл взял мальчика за руку и указал на постель. Тот покорно лег на живот, подставляя спину, и атлант срезал окровавленные лохмотья. Девушка поставила плошку с теплой водой на ложе и, намочив лоскут белой ткани, стала осторожно смывать запекшуюся кровь.

— Тебе не больно? — спросила она, удивляясь тому, что Ахсур не издал ни звука, хотя она проводила тряпицей по открытой ране.

Тот не ответил, хотя Кулл видел его зажмуренные глаза, пальцы, впившиеся в ворс ковра, на котором он лежал, и невольно проникся уважением. У этого мальчишки был характер!

Атлант задумчиво смотрел на спину, исполосованную плетью, худые руки и ноги, кудлатую голову и размышлял, куда его пристроить. Взять мальчика с собой он не мог. Не в его привычках обременять себя спутниками, а тем более такими. Может быть, оставить его здесь, на постоялом дворе? Но ведь парень может снова попасть в лапы какого-нибудь негодяя.

Так ничего и не решив, он встал и направился к двери.

* * *

Через несколько дней, когда полосы на спине Ахсура затянулись, Кулл решил покинуть Аграпутар и сказал об этом юноше.

— Возьми меня с собой, Кулл,— попросил Ахсур,— Я не буду для тебя обузой.

— Нет, ты останешься здесь. Я отправляюсь в Зарфхаану. Путь туда неблизкий и опасный. Я не могу тебя взять..

— А как же я?

— Я договорился с хозяином постоянного двора. Он берет тебя в услужение.

— В услужение? Я никому не собираюсь служить! — воскликнул Ахсур, сверкнув глазами.

Атлант посмотрел на него с нескрываемым интересом. За эти дни парнишка словно преобразился. Это был уже не грязный заморыш в лохмотьях. В новой, купленной специально для него одежде он выглядел совсем другим человеком. На нем была длинная, доходившая почти до колен желтая рубаша, подпоясанная красным кушаком, темно-синие штаны заправлены в красные сапоги с загнутыми носами, светлые, чисто вымытые волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб. Взгляд серых глаз из-под темных, сросшихся на переносице бровей был тверд и решителен.

— Я уверен, Ахсур, ты не был рожден рабом. Скажи, как ты влип в это дерьмо? — спросил Кулл.

Мальчик пожал плечами и опустил голову:

— Не знаю. Я несколько лет жил у купца Зерхана. Он любил меня и заботился обо мне, но я слышал, что он меня купил. Не от пего

слышал, от других купцов. Когда Зерхан умер, они сказали, что я раб, и снова меня продали. Караванщики присвоили имущество Зерхана, хотя перед смертью он все завещал мне.

— Разрази их Валка! А ты не помнишь своих родителей?

— Нет. В караване говорили, что я два года был немым. Ничего не говорил, ни слова.— Ахсур поднял голову и с гордостью сказал: — *Я* побывал во многих странах. Наш караван дошел до самого Восточного океана! *Я* вырос на верблюде. Мне часто снится, что я качаюсь, как будто на волнах. Никакой путь мне не страшен. Возьми меня с собой, Кулл!

Северянин посмотрел на него с сомнением. «Дернул меня Тог с ним связаться»,— подумал он, но, встретив серьезный недетский взгляд, неожиданно для себя сказал:

— Ладно! Моя охромевшая лошадь снова на четырех копытах. Ты поедешь на ней. Завтра тронемся в путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Госпожа Карпатурия последнее время постоянно пребывала в плохом настроении. И виной этому были не внешние обстоятельства. С точки зрения людей одного с ней круга ее жизнь представлялась вполне благополучной, а для простолюдинов она вообще могла бы показаться сказкой. Нет, что касается богатства, положения в обществе, все у госпожи Карпатурии было прекрасно, ведь она была женой главного казначея двора, который считался третьим лицом в государстве после кинара и советника Марга.

Сама госпожа Карпатурия часто бывала во дворце, и особенно с тех пор, как рано лишившаяся матери кинна Ровена подросла и стала нуждаться в советах и надзоре опытной женщины. Пожалуй, никто, кроме нее, не мог рассказать Ровене о каждом, кто имел хоть какое-

нибудь отношение к дворцовой жизни, так подробно. Госпожа Карпатурия знала все про всех и в этом была просто незаменима. Кроме того, она принимала живейшее участие во всем, что касалось лечения кинара Тибора. В течение многих месяцев, пока длилась его болезнь, придворная дама упорно искала новых врачей-лечителей, новые снадобья и новые способы лечения, чтобы поставить кинара на ноги. К сожалению, все ее усилия ни к чему не приводили.

Однако удручала ее не столько болезнь кинара, сколько состояние собственного здоровья. Явных признаков недомогания госпожа Карпатурия не испытывала, но с некоторых пор стала катастрофически быстро дурнеть. Она уже смирилась с тем, что молодость прошла (ей недавно исполнилось тридцать шесть лет), но спокойно смотреть, как тает ее красота, никак не могла. Изменения в ее лице и фигуре начались очень быстро и неожиданно. Голубые глаза стали мутными, блестящие темно-каштановые волосы потускнели и вылезли так сильно, что вместо толстых кос остались жалкие крысиные хвосты, кожа увяла, сморщилась и покрылась на шее и груди маленькими желтовато-коричневыми бляшками. Она сильно похудела, грудь обвисла, руки и ноги стали жилистыми, как у какой-нибудь крестьянки,

работавшей всю жизнь без отдыха. Все это произошло примерно за три года. Из красавицы, что вызывала трепет и желание у каждого мужчины, смотревшего на нее, госпожа Карпатурия превратилась в уродину, к которой можно было испытывать разве что жалость.

Разумеется, все лекари, которые пользовали кинара, пытались лечить и госпожу казначейшу, но все было напрасно. Каждый из них очень быстро признавался в своем бессилии, и все они сходились в одном: тут не обошлось без колдовства.

Впрочем, первой сказала об этом несчастной ее служанка, разбитная толстушка Клементия, которая обладала многими весьма полезными качествами: безграничным любопытством, желанием и умением добывать всевозможные сведения, а также незаурядным умом, который позволял ей из множества сплетен, полученных на базаре, от слуг, от любовников и просто от прохожих, составить ежедневный доклад для своей госпожи.

Вот и в это утро Клементия, пристраивая на макушке хозяйки накладку из каштановых волос, изложила ей все городские новости, а под конец заявила:

— Ради своей госпожи я готова пожертвовать всем, что у меня есть...

Озадаченная казначейша посмотрела в зеркало, перед которым сидела, и встретилась взглядом со служанкой, искусно переплетавшей пряди ее волос:

— Что же ты имеешь такое, чего у меня нет?

Клементия быстро отвернулась и не ответила. Но госпожа Карпатурия была достаточно умна. Она помрачнела и, сверкнув глазами, сказала:

— Что за манера у тебя, Клементия, начинать издалека. Ну, продолжай, тащи рыбку, раз уж закинула сеть.

— Прости, госпожа. Помнишь, я говорила, что сглазили тебя. Никак не обошлось без этого. Только не могу я взять в толк, кому это надо и для чего.— Она заколола накладку золотыми шпильками и принялась за локоны.— Вчера на базаре разговорила я с одной женщиной. Если судить по ее одежде, приехала она с Востока, а говорит по-нашему, как будто здесь родилась. Она сама ко мне подошла и назвала меня по имени. Можешь представить мое удивление? Я всех в городе знаю, но не встречала еще таких, кто знает меня, а я о них ни сном ни духом.

Казначейша нетерпеливо повела худыми плечами:

— Ты скажешь наконец, в чем дело?

— Эта женщина, госпожа, не иначе как гадалка или пророчица,— затараторила Клементия.— Глазищи у нее темные, бездонные, так и сверкают. Ну, слово за слово, сказала я о твоей болезни, уж ты меня прости. Она сразу поняла, в чем дело. Говорит, сглаз это. И я так думаю.— Клементия поджала пухлые губы и со значением посмотрела в зеркало, где снова встретилась взглядом с хозяйкой.— Никакие лекари тебя не вылечат. Против сглаза может быть только заговор. Вот эта женщина и предложила сказать тебе, что она может помочь.

— Так что же ты молчала, дурища! — Госпожа Карпатурия в волнении вскочила со стула.— Где она?

— Она сказала, что остановилась на постоялом дворе у Хатани. Я знаю, где это. Мне ли не знать толстяка Хатани! Он не раз пытался за мной приударить тайком от жены, только я на таких уродов не смотрю, и вообще, я предпочитаю стройных мужчин...

— Не трещи, пожалуйста. Отправляйся к Хатани, найди эту женщину и приведи сюда как можно быстрее.— Казначейша стиснула руки у тощей груди, чувствуя, что не в силах справиться с охватившим ее нетерпением,— Скажи, что я озолочу ее, если она что-нибудь сумеет сделать.— Карпатурия подошла к слу-

жанке, умоляюще посмотрела на нее и добавила: — И тебя тоже, Клементия.

* * *

Кинна Ровена стояла у окна своей спальни. Начинало светать. На востоке появилась алая полоска, вокруг которой густая лиловая тьма постепенно превращалась в изумрудно-золотистое сияние, сменившееся затем лимонно-желтым ослепительным светом. Заря разгоралась, и, когда появились первые лучи солнца, Ровена вздохнула, с трудом оторвала взгляд от постоянно менявшейся на небе феерии красок, повернулась и подошла к постели. Было еще слишком рано, и она решила снова прилечь.

Но сон не шел к ней. Какое-то странное оцепенение охватило девушку. Мысли, воспоминания, мечты переплелись, перед глазами мелькали знакомые и незнакомые лица, в ушах звучали обрывки фраз, отдельные слова и звуки. Постепенно все исчезло, и перед глазами возникла густая пелена. Вдруг Ровена увидела перед собой бескрайнюю зеленую равнину, покрытую, словно островками, купами деревьев. На горизонте показались два всадника. Они быстро приближались, и вот можно уже разли-

чить, что один из них — молодой мужчина. Темные волосы, перехваченные на лбу ремешком, развеваются на ветру, серые со стальным отблеском глаза пристально смотрят прямо на нее. Рядом с ним едет светловолосый юноша, почти мальчик, и о чем-то оживленно говорит. Но вот он поворачивает голову... Это ее брат!

Кинна вздрогнула, открыла глаза и села. Что это было? Сон? Как явственно она видела Роба да и его спутника! Ее охватило страшное волнение. Вещие сны, которые она иногда видела, всегда сбывались. Способность видеть их появилась у нее с того дня, когда убили ее мать и похитили брата. Она никому не рассказывала, как время от времени ее посещают видения и все, что она в них видит, потом случается наяву. Так, она увидела во сне умирающего киннара Тибора, когда тот был еще здоров, полон сил, деятелен и жестоко расправлялся со своими врагами.

Двери спальни отворились, и четыре служанки вошли одна за другой. Первая несла кувшин с водой для умывания, вторая — зеркало и гребень, третья — платье, четвертая — поднос с завтраком. Когда обычная утренняя церемония одевания и причесывания закончилась, в спальне кинны появился советник Марг. Лицо его, как обычно, было суровым, взгляд маленьких холодных глаз бесстраст-

ным, и весь вид его как будто говорил, что он делает одолжение тем, к кому обращается. Ровена боялась и не любила его, хотя понимала, что это единственный человек, которому она может доверять.

— Ты, как всегда, прекрасна, кинна,— сказал Марг почти искренне, низким поклоном приветствуя Ровену.

— Благодарю, советник.— Девушка невольно приняла его тон, при котором все слова, выражавшие какие-либо чувства, обесцвечивались и теряли значение, становясь пустым звуком.

— Кинар Тибор пожелал тебя видеть.

— Как его здоровье?

— По-прежнему. Ты можешь сейчас пройти к нему, госпожа. Он ждет тебя.

Ровена с радостью повернулась, чтобы не смотреть на Марга, и отправилась по длинным путаным коридорам дворца в спальню кинара.

В большой комнате с окнами, закрытыми тяжелыми занавесями, царил полумрак. Кинар Тибор полусидел-полулежал, прислонясь спиной к шелковой подушке. Его обритая голова блестела в свете двух оплывших свечей, горевших в канделябрах по обеим сторонам ложа. Глаза были закрыты. Ровена, подойдя к отцу, поцеловала его в лоб и сказала:

— Доброе утро, отец.

Кинар открыл глаза и улыбнулся:

— Доброе утро. Ты свежа, как роза, дитя мое, прекрасна, как утренняя заря.

Ровена еще раз поцеловала отца, на этот раз с благодарностью.

Тибор указал рукой на стул, стоявший рядом с ложем, предлагая ей сесть:

— Ровена, я пригласил тебя, чтобы поговорить. Я чувствую приближение смерти и должен успеть сказать тебе нечто важное.

Кинна знала, что отец умирает, но сознавать это было настолько мучительно, что она с трудом сдерживала слезы.

— Дочь моя, я не раз говорил тебе, что власть помимо благ и преимуществ, которые она дает, требует самопожертвования и накладывает определенные обязательства.— Кинар пристально посмотрел на Ровену. Лицо его помрачнело.— Мне очень жаль, дочь, но тебе придется выйти замуж за Ниттон-Тана. Я знаю, что для тебя это ужасно, но этого требуют государственные интересы. Илурат нуждается в защите. Такой защитой, возможно, станет твой брак с могущественным магом. Кроме того, нам необходим союз с Моруолом. Нерушимость его всегда обеспечивалась брачными узами.— Тибор замолчал, ожидая, что скажет дочь.

Девушка сидела опустив голову и в волнении теребила пояс платья. Наконец она выдавила:

— Я сделаю так, как ты желаешь, отец.

— Дитя мое, поверь, будь хоть малейшая возможность этого избежать, я никогда не согласился бы на подобный брак. Но у нас нет выхода. Итак, решено.— Тибор протянул руку. Ровена подала ему свою, и он сжал ее пальцы — Теперь о другом. Видишь ли, несмотря на то что власть кинара дана нам по праву рождения, за нее постоянно приходится бороться. Я не знаю такого правления ни до меня, ни при мне, когда не нужно было отстаивать свое право. Ты наследуешь престол, дитя мое, так знай, что всю жизнь тебе не будет покоя. Неважно, что по нашим законом правителем Илурата станет твой муж. Ты и твои дети разделите его участь, если он лишится трона. Запомни мои слова. Не доверяй никому. У правителей друзей нет, есть только подданные. Даже самые лучшие из них преданны до поры до времени, пока гладишь их по шерстке. Однако без верных людей не обойтись. Думаю, ты можешь положиться на советника Марга. Не пренебрегай его знаниями. Он не слишком приятный человек, но во всем, что касается государственных дел, нет ему равных. — Кинар замолчал и прикрыл глаза. Затем вновь взглянул на

дочь и заговорил: — Ровена, поверь, мне очень тяжело оставлять тебя одну, такую юную, в этом жестоком мире. Я знаю, в моем государстве, как и в моем семействе, нет согласия. Многие будут завидовать тебе, возможно, ненавидеть. Опасайся заклятых врагов и мнимых друзей. Суди о людях не по словам, а по их поступкам. Приближай к себе только тех, кто делом доказал свою верность. Будь сильной, дитя мое. Странное пожелание юной девушке, но необходимое будущей кинаре.— Тибор усмехнулся и ласково посмотрел на дочь.

Ровена заставила себя улыбнуться и сказала то, что он ждал от нее, и то, чего она сама хотела:

— Я буду сильной, отец.

* * *

Мысли о власти посещали Ровену, когда она была еще ребенком. Но мечтала она, разумеется, не об управлении Илуратом, а о том времени, когда одного ее слова будет достаточно, чтобы избавиться от госпожи Карпатурии.

Наставления казначейши, ее бесконечные разглагольствования по поводу светских приличий, надоедливые напоминания об этикете, постоянное навязывание своего мнения делали

ее совершенно невыносимой и вызывали у Ровены даже не злость, а самую настоящую ненависть. Когда казначейша стала быстро дурнеть, у кинны возникла злорадная мысль, что бог Сигурон наказал придворную даму за скверный нрав и острый язык. Ровена была совсем не злой девочкой. Просто казначейша до смерти замучила ее показным вниманием и преувеличенной заботливостью. И вот что было странно. Чем больше она их проявляла, тем некрасивее становилась, и маленькая Ровена со страхом думала: «Неужели Сигурон угадывает мои мысли и выполняет мою волю?».

С каждым днем госпожа Карпатурия старела, покрываясь морщинами и бородавками. Став немного старше, Ровена поняла, что бог тут ни при чем, а, скорее всего, казначейшу точит какая-нибудь болезнь, и даже иногда ей сочувствовала.

Каково же было ее удивление, когда однажды она заметила, что госпожа Карпатурия стала выглядеть немного лучше. Она пополнила, взгляд ее оживился, глаза приобрели прежний голубой цвет, кожа стала чище. Ровена так привыкла думать, что казначейша потеряла красоту из-за своего скверного нрава, что очень удивилась, заметив перемены в ее облике, но не в характере.

Заинтригованная, она все же не решалась спросить о причине столь разительных перемен. Госпожа Карпатурия заговорила об этом сама:

— Я не верила в чудеса, кинна.— Казначейша, приставив указательные пальцы к нижним векам, оттянула их и выкатила глаза.— Посмотри, они голубеют. Разве это не чудо?

Ровену очень позабавили гримасы придворной дамы, но, сдерживая улыбку, она лишь сказала:

— Да, действительно.

— Румелия вылечит меня, и я снова стану красивой.

— Кто эта Румелия? И почему ты прежде подумала о своей красоте, а не о здоровье кинара? — Девушка гневно сверкнула глазами.— Если тебе удалось найти хорошую знахарку, почему же ты молчала?

Госпожа Карпатурия вскинула редкие брови:

— Какое ты еще дитя, Ровена! Для женщины ее внешность важнее всего на свете! — Затем поспешно добавила: — Я сама не ожидала, что снадобья Румелии мне помогут. Это произошло на удивление быстро. Впрочем, ты права! Румелия может вылечить кинара. Если позволишь, я приведу ее во дворец.

— Да, и побыстрее.

* * *

В тот же день во дворце появилась женщина, закутанная в черное шелковое покрывало, с небольшим узелком в руках. Стоило Ровене взглянуть в ее темные глаза, как она сразу же прониклась к ней доверием. В этих глазах светились такое спокойствие и сила, что юная кинна, забыв сон, в котором видела умирающего отца, почти уверилась в том, что он выздоровеет.

Знахарка пожелала увидеть кинара, чтобы определить, чем он болен, и Ровена провела ее в опочивальню отца. Кинар Тибор лежал с закрытыми глазами. Возможно, он спал, возможно, находился в забытии, что часто с ним бывало в последнее время. Как бы там ни было, тревожить его не осмелились. Румелия поговорила с лекарем, а затем попросила отвести ей комнату, где она смогла бы сварить снадобье, потребовала кувшин воды, большую сковороду, ступку с пестиком, а также цветок мака. Ей предоставили все необходимое, и она велела не беспокоить ее до утра, ибо приготовление лекарства займет много времени.

Как только закрылась дверь, Румелия принялась готовить отвар. Этому искусству она научилась в горах у матери Зейнада. Старая

горянка знала о травах все: какими свойствами они обладают, когда их надо собирать и в каком сочетании готовить, чтобы вырвать человека из объятий смерти или же, наоборот, отправить его к предкам.

Румелия не собиралась убивать Тибора. Если бы кинар умер, ее месть потеряла бы всякий смысл. Она хотела, чтобы он, безгласный и недвижимый, походил на живой труп и мучился от сознания своего бессилия.

Молодая женщина развязала узел, достала из него мешочки с травами и приступила к самому важному: надо было подобрать растения и определить, сколько их нужно. Затем, бросив все необходимое в кувшин, она поставила его на жаровню и приготовилась ждать. Отвар кипел довольно долго, но Румелия не замечала времени: месть, о которой она так страстно мечтала, вот-вот должна была свершиться.

Наконец снадобье было готово. Румелия сняла с жаровни кувшин, поставила на его место сковороду и принялась понемногу наливать на нее густой отвар. Образовавшуюся после выпаривания сухую зеленоватую пленку она соскребала ножом и ссыпала в маленькую медную ступку. Когда сосуд наполнился на четверть, знахарка начала толочь его содержимое, превращая в мельчайший порошок. Она удовлетворенно улыбнулась, когда из накло-

ненной над ладонью ступки посыпалась темная пыль, и наполнила два кулечка из лоскутов тончайшей кожи. Остатки она вытряхнула на цветок и заткнула его за пояс платья. Все было готово.

Теперь оставалось самое сложное — незаметно проникнуть в спальню кинара. Румелия прекрасно запомнила дорогу. Днем там дежурил лекарь, а снаружи возле двери стояли два стражника. Вероятно, ночью в спальне тоже кто-то остается. На всякий случай молодая женщина прихватила с собой склянку с отваром, одной капли которого было достаточно, чтобы надолго усыпить человека, а также спрятала на груди маленький кинжал. Пользоваться им она не хотела, но если ее замысел провалится, собиралась убить себя.

Накинув черное покрывало, она выскользнула за дверь и бесшумной тенью устремилась в спальню Тибора. Стояла глубокая ночь. Во дворце царила тишина, толстые стены гасили все звуки извне, в коридорах не было ни души, и вскоре Румелия благополучно добралась до спальни.

Выглянув из-за угла, она, как и предполагала, увидела двух стражников, которые, положив руки на рукояти мечей, стояли по обеим сторонам двери и таращили глаза в темноту. Неровный свет факелов освещал небольшое

пространство вокруг них, а дальше пляшущие тени сливались с непроглядной тьмой коридора. Румелия, в своем черном одеянии похожая на одну из теней, осторожно шагнула вперед и положила цветок мака на пол, затем бросила под ноги кинжал, звонко брякнувший о камень, и, быстро схватив его, метнулась за угол. Стражники посмотрели друг на друга и пошли на странный звук. Остановившись там, где явно что-то упало, они внимательно огляделись, и один из них, почувствовав под ногой что-то мягкое, наклонился.

— Цветок,— сказал стражник удивленно, поднял его и понюхал.— Как пахнет! Какому это дурню пришло в голову устраивать свидание у спальни кинара?

Второй стражник взял у него мак и тоже вдохнул нежный аромат.

— Хотел бы я увидеть красотку, которой он предназначался,— хмыкнул он.

Они повернулись, чтобы отправиться на свой пост, но, сделав несколько шагов, оба покачнулись, словно пьяные, и одновременно рухнули на пол. Румелия уже без опаски подошла к неподвижным телам, выхватила из ослабевших пальцев стражника цветок, сунула его за пазуху и проскользнула в спальню кинара.

Большая комната утопала в темноте. Возле ложа на небольшом столике горела свеча, вставленная в тяжелый подсвечник. Кинар лежал с закрытыми глазами. Возле двери, справа от входа, сидел запрокинув голову лысый старик. Это был лекарь. Он крепко спал, приоткрыв рот и сладко похрапывая. Румелия неслышно скользнула внутрь, подошла к старику и, достав склянку с отваром, капнула жидкость ему в рот. Лекарь глотнул, поднял голову и, открыв глаза, бессмысленно посмотрел перед собой, затем переменил позу и заснул еще крепче.

Румелия повернулась и неожиданно встретила пристальный взгляд кинара.

— Кто ты? — спросил он спокойно.— Что ты сделала со стариком?

— Он должен спать, пока мы с тобой говорим, властелин.— Румелия подошла к ложу, села на стул и расправила складки своего покрывала.— Ты меня не знаешь, кинар, хотя причинил мне много зла. Я дочь одного из тех сотников, которых ты приказал казнить после похищения твоего сына. Может быть, сами они и достойны были кары, но никак не их дети и жены. А ты велел продать семьи сотников в рабство. По твоей милости я лишилась отца и матери, братьев и сестер, стала рабыней, а потом и наложницей горца Ленда.

Румелия замолчала, переводя дух. Она говорила с трудом, волнение сжимало ей горло, хотя мысленно она сотни раз произносила эти слова перед грозным кинаром.

— Продолжай,— сказал Тибор.

— Я пришла к тебе по просьбе Асида. Но не только. Я и сама хотела отомстить.

— Где Асид?

— Он умер.

— Меня это радует.

— погоди радоваться. Он умер, но перед смертью обратился ко мне с просьбой, и я выполняю ее. Асид просил сказать тебе, что это он убил твою жену, похитил сына и продал его купцам, караван которых шел на Восток. Для тебя он потерян навсегда!

Кинар закрыл глаза. Только желваки, перекатывавшиеся на скулах, и пот, выступивший на лбу, свидетельствовали о том, что происходило в его душе. Румелия продолжала:

— Я могла бы убить тебя, властелин, но не хочу этого. Ты должен страдать как можно дольше, чтобы своими муками искупить зло, которое принес множеству людей за время своего правления.

Тибор сделал движение рукой, показывая, чтобы она замолчала:

— Я не собираюсь оправдываться перед тобой, только хочу заметить, что нельзя управ-

лять государством, не причиняя зла отдельным людям. Я скоро умру без твоих жалких усилий, глупая женщина. Я давно готов к смерти.

— Ты не умрешь, кинар Тибор. Я сделаю так, чтобы ты жил долго и каждое мгновение своей жизни мечтал о смерти. Ты не сможешь пошевелиться, не произнесешь ни слова. Отныне твой удел — лишь думать о наказании, которое все же настигло тебя за этими толстыми стенами в твоей собственной постели. Но я не остановлюсь на этом. Я уничтожу кинну Ровену, а затем и всю твою семью.

При этих словах лицо кинара исказилось и побагровело. Он попробовал сесть, но усилия его были напрасны. Он только беспомощно протягивал руки, пальцы его шевелились в бессильной попытке схватить и задушить ненавистную женщину. Наконец, зря потратив остатки сил, он снова откинулся на подушку и закрыл глаза. Тогда Румелия встала, вытащила из-за пазухи два кожаных кулечка, наклонилась над кинаром и быстро вставила их ему в ноздри. Тибор вздохнул, дернулся и словно окаменел.

Румелия вынула кулечки, метнулась к двери и бесшумно выскользнула из спальни. Она не видела, что кинар, глядевший ей вслед, недолго мучился. Вскоре его лицо стало мертвенно-

бледным, а глаза остекленели. Сердце кинара Тибора не выдержало горя и остановилось.

* * *

Хатани никак не ожидал увидеть Клементию у себя. На постоялом дворе и в первое мгновение даже не поверил своим глазам. Однако это была она. Разве могли быть у кого-нибудь еще такие искрящиеся весельем глаза, ямочки на щеках, сочные губы и пухлый подбородок? Сердце трактирщика сильно забилося, когда он зашагал через весь двор к своей старой приятельнице, которая остановилась в воротах и нерешительно оглядывалась по сторонам.

Хатани давно был к ней равнодушен. Он любил, что называется, женщин в теле. В молодости его угораздило жениться на стройной и красивой дочке соседа — владельца шорной мастерской. Брак этот был удачен во всех отношениях, кроме одного: его жена из тоненькой девушки с годами, после рождения пятерых детей, превратилась в изможденную костлявую женщину с плоской грудью и узкими бедрами.

Идя навстречу Клементии, трактирщик буквально поедал глазами великолепную фигуру

разбитной служанки казначейши. Все в ней было пухлым: шея, плечи, грудь, а при взгляде на необъятные бедра, которые плавно покачивались при ходьбе, у бедолаги захватывало дух. Хатани расплылся в улыбке:

— Кого я вижу? Клементия! Неужели ты решила навестить меня? Как я рад тебя видеть!

Клементия заулыбалась толстяку, играя ямочками на щеках.

— Считай, что я соскучилась по тебе, Хатани,— сказала она игриво.— Только у меня еще и дельце есть.

— Ради тебя, моя радость, я готов забросить все свои дела, чтобы заняться одним твоим дельцем.

— Ты, кажется, не так меня понял, баловник.

Клементия поплыла к дому в сопровождении хозяина постоянного двора, семенившего рядом с ней то с одного бока, то с другого. Он попытался на ходу приобнять ее, но кокетка недвусмысленно дала ему понять, что пришла не за этим.

Когда они зашли в дом и трактирщик предложил выпить по кружечке пива, служанка не отказалась. С удовольствием отпив чуть-чуть густого темного напитка, она начала с похвалы:

— Хороший ты хозяин, Хатани. Двор у тебя просто загляденье.

— Спасибо на добром слове.— Хатани осторожно протянул руку и коснулся пухлого плеча Клементии: — Не томи, скажи, зачем пришла?

Она улыбнулась и, отстранившись, весело сказала:

— Пришла к постояльцу твоему, Зейнаду.

Толстяк посмотрел на нее с удивлением:

— Зачем он тебе?

— Он нужен не мне, а Румелии. Теперь они оба будут жить во дворце.

— Вот те на!

От изумления Хатани не нашел слов. Маленькие его глазки, заплывшие жиром, заблестели. Он радостно потер руки, предвкушая интересную беседу, во время которой предполагал выведать у сведущей служанки все новости, чтобы потом доложить их настырному Артаверу. А Клементия рада была почесать языком за кружкой пива.

— Представь себе, Хатани, я знакомлюсь на базаре с неизвестной женщиной, а через какой-то месяц ее приглашают во дворец лечить кинара!

— Но ведь кинар Тибор умер!

— Да потому что поздно ее позвали! Она даже не успела дать ему лекарство. Но Руме-

лия так приглянулась кинне, что та решила оставить ее во дворце. Ну а муженек должен быть при жене. Вот меня и послали за ним.

Хатани заволновался:

— Странно, странно все это. Они подозрительные люди. Я сразу это заметил. Ну посуди сама, какой он купец, если ни слова не говорит? А если не купец, то на что они живут? Деньги у них есть, это точно. Нутром чую.

Клементия беспечно пожала плечами:

— А нам какое дело? Господа всегда готовы приютить у себя в доме любого проходимца, лишь бы здоровье поправить. Но надо отдать должное этой Румелии. Мою хозяйку не узнать. Вернее, сейчас-то как раз и можно узнать в ней прежнюю госпожу казначейшу. Какая она была красotka!

— А по мне, так никто с тобой не сравнится, Клементия.

— Да будет тебе, Хатани. Лучше скажи, где твой постоялец?

Хатани встал:

— Пойдем, провожу тебя к нему.— На его лице отразилось такое разочарование, что кокетка даже пожалела толстяка.

* * *

Советник Марг внимательно выслушал Артавера. Была середина ночи, и во дворце царила тишина, нарушаемая лишь мерными шагами стражи и приглушенными голосами, называвшими пароль.

— Значит, ты считаешь, что они опасны? — Марг остановился перед своим помощником.

— Да, я слежу за ними с тех пор, как они появились в городе.

— Кинна Ровена приблизила к себе Румелию. Не понимаю, почему она прониклась к ней таким доверием. Чтобы устранить эту знахарку из ее окружения, придется приложить немало усилий. Ровена своенравна и простодушна, как дитя. Ее не насторожило, что кинар Тибор умер в тот день, когда Румелия вызвалась лечить его. Даже одного подозрения достаточно, чтобы подвергнуть пытке эту проходимку. Но кинна и слышать не хочет об ее виновности. Твердит, что Румелия не выходила из своей комнаты. Смерть кинара мне кажется очень странной. Почему стражники валялись в коридоре, а когда их растолкали, они заявили, что ничего не помнят? Даже пытки не заставили их сказать что-нибудь вразумительное. Почему они отошли от двери? Лекарь утверждает, что кинар умер во сне. Но на лице кинара

было какое-то странное выражение. Что он увидел перед смертью? Или кого? Что за видение могло исказить такой ненавистью его черты?

— Неужели Румелия проникла в спальню кинара? — прерывающимся голосом спросил Артавер.— Надо ее допросить!

— Я хотел это сделать, но кинна встала на защиту знахарки, будто она ее родная сестра! А у меня не было никаких доказательств. Что нам известно о ней и ее муже? Откуда они прибыли? Зачем? Даже этого ты не смог выяснить! — Марг презрительно оттопырил нижнюю губу и с осуждением посмотрел на Артавера.

— Очень трудно было что-либо разузнать. Румелия хитра, ни с кем ни о чем не говорила, а ее муж вообще нем как рыба.

— Приложил бы каленый камень ему к заднице, вот и развязал бы ему язык,— огрызнулся Марг.— Но теперь уже поздно. Его взяли во дворец, и он состоит при Румелии в качестве ее личного стража. Кинна пожелала включить их в свою свиту.

Подойдя к жаровне, Марг протянул руки к теплу и, не мигая уставившись на голубоватое сияние над раскаленными углями, глубоко задумался.

Кинар Тибор, которому он верно служил так много лет, умер, оставив наследницей не-
смышленную девчонку. Что ж, он готов быть
при ней регентом, но долго ведь это не про-
длится. Кинна выйдет замуж за правителя со-
седнего Моруола, а что ждет его после этого?
Неизвестно. Захочет ли Ниттон-Тан сам пра-
вить Илуратом или оставит Марга вместо се-
бя? Где маг будет жить? Здесь или в своем
замке, который, говорят, появился на скали-
стом острове посреди острова Мору за одну
ночь. Хорошо бы так. Тогда он спокойно будет
заниматься тем, чем занимался на протяжении
последних десяти лет. Глупцы думают, что
Илуратом правил Тибор. Если бы! Тибор умел
только махать мечом! Это он, Марг, сын гор-
шечника и кухарки, сделал Илурат процве-
тающим городом. Благодаря его уму, чутью и
хитрости слабое, разрушенное землетрясением
кинарство стало сильным государством, с ко-
торым вынуждены считаться соседи, в том
числе и Моруол. Не потому ли Ниттон-Тан
стремится прибрать его к рукам, женившись на
кинне?

Решение пришло само собой. Ровена долж-
на поехать к магу, чтобы предупредить его
приезд сюда, а Марг тем временем зайдет в
Моруол своих людей и поднимет там восста-
ние против мага, захватившего власть вопреки

всем законам и обычаям этой страны. Даже если это ни к чему не приведет, Ниттон-Тан вынужден будет сидеть в Моруоле и заниматься своим кинарством, а не лезть в Илурат.

Артавер терпеливо ждал. Наконец советник поднял голову, повернулся к нему и сказал:

— За Румелией необходимо следить. При первой возможности от нее нужно избавиться. Кинну, разумеется, посвящать во все это не следует. В ближайшее время она отправится в Моруол, в замок Ниттон-Тана.

Артавер поклонился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В Аграпутаре Кулл оказался совсем не случайно. Валузийская армия, в которой он служил сотником, пройдя через всю Зарфхаану и растеряв силы в многочисленных боях, подошла к границе с Туранией, где встретила ожесточенное сопротивление и вынуждена была отступить. Отряд Кулла попал в окружение и принял неравный бой. Многие погибли в том жестоком сражении. Куллу с горсткой всадников удалось уцелеть и скрыться в предгорье. Они прятались там несколько дней, но затем голод заставил их спуститься в долину, где туранийцы их сразу же обнаружили. Снова началась погоня. Кулл ушел, растеряв всех товарищей. Оторвавшись от преследователей, он бросил коня, скинул плащ, явно обозначающий

его принадлежность к валузийской армии, и, надев плащ на голое тело, отправился в глубь Турании, рассудив, что это безопаснее, чем скитаться у границы, где повсюду сновали отряды неприятеля, или идти по следу отступавшей армии. Со временем он приобрел в одной из деревень гнедую кобылу, благо деньги у него были, и добирался до Аграпутара уже верхом. Там он смешался с разноязыкой толпой чужеземцев, съехавшихся в этот торговый город со всего мира. Переждав некоторое время, купив хорошего коня и припасов на дорогу, он решил ехать в Зарфхаану, чтобы присоединиться к валузийцам, но, зная, что граница перекрыта, предпочел отправиться более трудным, но менее опасным путем — через горы.

Ахсур, конечно, был для него обузой, поэтому он решил по дороге куда-нибудь пристроить мальчишку. Во всяком случае, в любом месте Ахсур будет в большей безопасности, чем в Аграпутаре, где бывший хозяин может снова прибрать его к рукам.

Итак, навьючив на лошадей переметные сумы, набитые припасами, они рано утром покинули город и двинулись на север. Ахсур впервые ехал верхом и поначалу едва держался в седле. Кулл не мог без смеха смотреть, как он, с трудом забравшись на спину лошади, стал мотаться взад и вперед, словно сидел на верб-

люде. Но скоро дело пошло на лад. Гнедая кобыла, которую северянин дал Ахсуру, обладала покладистым нравом и стоически переносила странные телодвижения седока. Он вскоре приноровился к лошади и уже не отставал от Кулла, которому приходилось сдерживать своего горячего вороного, чтобы ехать медленнее.

Атлант недаром предупреждал мальчика, что путь будет очень трудным. Им предстояло переправиться через две реки, а затем пересечь высокую горную гряду, отделявшую Зарфхаану от Турании. Первая половина пути прошла без особых приключений, поскольку они ехали через обжитые области. Кулл со временем отказался от своего намерения избавиться от Ахсура. Он привык к парнишке, а проведя с ним несколько дней в дороге, деля пищу и кров или, если не было крыши над головой, ночуя у костра под открытым небом, почувствовал, что, пожалуй, не захотел бы с ним расстаться, даже если бы представился удобный случай. Ахсур был немногословен и покладист, стойко переносил все трудности пути, к тому же во время привалов не сидел без дела, а ухаживал за лошадьми, собирал топливо для костра, готовил пищу. В общем, был Куллу не в тягость.

Через первую реку они переправились у города Унгмара по плавучему мосту и, проведя там ночь, двинулись дальше. Через несколько

дней они добрались до Истры, переправа через которую оказалась довольно тяжелой из-за бурного течения. По мере продвижения на север местность становилась все более пустынной и дикой. Благополучно миновав обширную равнину, простиравшуюся между Истрой и Ветлусскими горами, путники достигли наконец предгорья. Отсюда начинался самый опасный отрезок пути.

Весь этот край был заселен племенами, часть которых жила в долинах среди гор, а часть — на равнинах, примыкавших к предгорью. Эти племена говорили на одном и том же языке, верили в одних и тех же богов, имели схожие обычаи, однако постоянно воевали друг с другом. Небольшие отряды из пяти-шести человек неустанно рыскали по горам в надежде, встретив врага, утолить свою жажду крови и захватить добычу: оружие, коней и одежду убитых. Горцы также выслеживали путников и устраивали засады, так что встреча с ними не сулила ничего хорошего.

Племя астридиев, очень сильное и воинственное, постоянно наблюдало за перевалом, через который удобнее всего было пересечь горную гряду и попасть в Зарфхаану. Кулл рассчитывал нанять проводника из этого племени. Вот почему он купил в Аграпутаре несколько кинжалов с широкими загнутыми лез-

виями, которые так ценили горцы, а также отличную саблю, которую намеревался подарить вождю. Покупка оружия окончательно опустошила его кошель, но, по крайней мере, у Кулла была надежда, что они благополучно перейдут горы.

Суровая природа этого края делала их путешествие отнюдь не приятной прогулкой. Днем палило солнце, обжигая лица и заставляя обливаться потом, а ночью становилось так холодно, что не спасал даже костер, который они поддерживали до утра.

В течение целого дня путники ехали по обширному предгорью. Тропа неуклонно шла вверх, и покрытые лесами холмы постепенно сменялись голыми скалами. До сих пор им удавалось избегать нежелательных встреч с горцами. Ночь они провели у подножия скал, где можно было еще найти топливо для костра, а утром двинулись дальше. Теперь их окружали только камни. Лошади уставали от постоянного подъема и с трудом несли седоков. Приходилось часто спешиваться, а иногда долго идти по узкой тропе, ведя за собой коней.

Кулл хорошо помнил дорогу, потому что однажды уже проделывал этот путь. Он был знаком с вождем и рассчитывал, что тот в благодарность за подарок даст им проводника и пустит через перевал. Им нужно было только

добраться до долины Адар, в которой находилась самая большая деревня астридиев.

* * *

Долина предстала перед ними совсем неожиданно. Горы расступились, как по волшебству, синее небо стало огромной опрокинутой чашей, далеко внизу на зеленом ковре светлыми пятнышками виднелись плоские крыши селения. Путники повеселели, и хотя спуск в долину оказался еще труднее, чем подъем в горы, они бодро устремились к человеческому жилью. Когда до деревни было уже рукой подать, Кулл приостановил коня и, подождав Ахсура, спросил:

— Ты чувствуешь запах?

Мальчик кивнул и, сощурив глаза, пристально посмотрел в сторону деревни.

— Клянусь Валкой, пахнет войной,— сказал Кулл мрачно,— Это запах мертвечины.

Они спешили и осторожно двинулись вперед, тревожно оглядываясь и ожидая нападения из-за каждого валуна. Однако все было спокойно, только запах усилился. Подойдя к селению совсем близко, они удивились еще больше: оттуда не доносилось ни единого звука. Ни возгласов женщин, ни криков ребятишек, ни блеяния овец, ни ржания лошадей — ничего. Стояла мертвая тишина.

Кулл нахмурился. Он знал, что это неспроста, и, когда увидел возле первого дома неподвижно лежавшего человека, понял, что ожидал этого. Страшное зрелище представилось им. Между небольшими глинобитными домами с плоскими крышами, беспорядочно разбросанными в распадке, в самых разнообразных позах лежали мертвые люди. Их тела уже разлагались, тучи мух облепили гниющие лица и руки, но ни на одном из них не было видно признаков насилия: ни ран, ни раздробленных голов или отсеченных конечностей. Казалось, люди просто падали там, где шли или стояли. У стен домов сидели скрестив ноги старики. Смерть не заставила их переменить позы — только головы свесились на грудь или набок.

Атлант, зажав нос, толкнул первую попавшуюся дверь, заглянул внутрь и увидел в полумраке старуху, сидевшую возле очага, ребенка в люльке, подвешенной к потолку, мужчину, раскинувшегося на овечьей шкуре. Все они были мертвы. Поспешно шагнув назад, Кулл сделал знак Ахсуру следовать за ним и быстро пошел через деревню, ведя за собой коня. Везде они видели одно и то же: неожиданная и непонятная смерть застала людей врасплох.

— Ты ничего странного не заметил? — спросил Кулл, когда они наконец покинули страшное место.

— Там все странно. Деревня мертвецов. Кто мог их убить? — Ахсур был бледен, но держался молодцом и старался не показывать, как напуган.

— Разве ты не заметил, что среди мертвецов не было молодых женщин? Ни одной.— Кулл остановился и посмотрел на гряду гор, темневших вдалеке.— До гор мы сегодня не успеем добраться. Нужно искать убежище на ночь. Клянусь Валкой, я не хочу уснуть, а потом не проснуться, как те в деревне!

Ахсур взглянул на него и, крепко сжимая поводья, чтобы скрыть, как дрожат руки, тихо пробормотал:

— Я тоже.

* * *

— Видимо, придется обойтись без проводника,— сказал Кулл, когда они ехали по широкому ущелью, разыскивая тропу, ведущую наверх.

Вдруг он остановил коня и поднял согнутую в локте руку. Ахсур придержал гнедую. Атлант пристально глядел на скалистый отрог,

возвышающийся справа от них. Затем, быстро прыгнув на землю, выхватил меч из ножен и, бросив на ходу: «Стой здесь», устремился к расселине, едва видневшейся между скалами.

Послышался стук камня о камень, и небольшой валун запрыгал по каменистому отрогу. Кулл уже точно знал, что там кто-то есть. Недаром он заметил какое-то движение наверху, еще когда они въезжали в ущелье. Атлант быстро взбирался по крутой тропе. Вдруг что-то метнулось ему навстречу, и он рубанул мечом, но рассек лишь воздух, потому что неведомый противник стремительно распластался на камне, подняв над собой какой-то предмет, похожий на два скрепленных вместе изогнутых бычьих рога. Кулл снова занес меч и тут же опустил его: бить лежачего было не в его правилах. К тому же человек, испуганно смотревший на него снизу вверх, никакой опасности не представлял. Это был тщедушный паренек, одетый в лохмотья, со спутанными грязными лохмами, которые почти закрывали смуглое лицо, и дико блуждающими глазами. Он медленно поднялся и, выставив перед собой свое оружие, начал удивительно быстро и ловко вращать им так, что вокруг него образовался темный круг. Кулл с интересом смотрел на чудака. Тот наконец перестал показывать свое необычное умение и остановился. Он

простодушно посмотрел на Кулла, заулыбался и что-то промычал. Атлант понял, что перед ним безумец, повернулся и пошел по тропе назад. Ахсур поднимался ему навстречу.

— Погнался за дураком,— усмехнулся Кулл, махнув рукой в сторону незнакомца, который стоял со своей рогулиной и улыбался во весь рот.

Поняв, что речь идет о нем, парень принялся быстро махать руками и мычать.

— Он говорит, что его не надо бояться, он нам ничего плохого не сделает,— сказал Ахсур.

— Вот нахал! — засмеялся Кулл.— Но как ты понял его?

— Я почти два года не мог говорить, мычал и объяснялся жестами, как он. Только я не был таким придурком.

— Спроси у него, кто он такой.

Ахсур сделал несколько движений руками. Немой радостно заулыбался и ответил ему так же.

— Он говорит, что живет в деревне, но часто уходит в горы, потому что над ним смеются.

— Спроси, что там случилось.

Юноша и немой снова обменялись жестами.

— Деревню наказал демон гор. Сам он долго был в горах, а когда возвращался домой, увидел, что над селением висит черный туман.

Он испугался и убежал. Потом захотел есть и пошел в деревню, а там уже все умерли.

— Спроси про демона,— попросил Кулл.— Что за нечисть такая?

— Демон появился несколько лет назад и стал требовать дань — красивую девушку каждый год. В деревне бросали жребий, и та семья, на которую он выпадал, должна была отдать девушку. В этом году жребий пал на дочь вождя, но он отказался ее отдать. И никто не захотел пожертвовать своей дочерью ради дочери вождя. Демон разгневался и убил всех.

Атлант непроизвольно сжал рукоять меча:

— Разрази его Валка! Чувствую я, прогулка наша через горы будет не из веселых. Спроси немного, знает ли он дорогу через перевал?

Когда Ахсур перевел вопрос на язык жестов, немой радостно закивал и показал рукой вверх вдоль тропы, на которой они стояли.

Кулл, засмеявшись, воскликнул:

— Что наделал один камешек!

Но вдруг он замолчал и удивленно уставился на немного, который неожиданно вскочил как ужаленный и стал кружиться на месте, вращая перед собой свое примитивное оружие. Лицо дурачка исказилось, словно от боли, в глазах вспыхнул ужас, мычание становилось все громче, а движения — все более неловкими. Наконец он застыл на месте с выпученными

ми глазами, лицо его посинело, как от удушья, рогулина выпала из рук. Все тело парня оказалось скручено самым невероятным образом: обе руки повернуты в одну сторону, ноги заплетены одна за другую, голова откинута назад. Вдруг щуплое тело немого приподнялось над землей и полетело по воздуху прямо к пропасти. Лохматая голова мелькнула над краем площадки и скрылась.

Все это произошло настолько быстро, что его спутники и охнуть не успели. Когда дурачок исчез в пропасти, Кулл крикнул: «Это демон!» — и подбежал к краю выступа. Наклонившись вперед, он увидел человека, плавно парившего в воздухе, как будто его несла в когтях огромная птица, потом бросился к коню и стал лихорадочно его отвязывать. Ахсур последовал примеру северянина, и они заспешили вниз по тропе, тянувшейся вдоль узкого карниза, который нависал над ущельем.

Кулл, не однажды вступавший в схватку с демонами, на этот раз был озадачен. Как сражаться против невидимого врага? Как узнать, что он уже здесь? Не снимая ладони с рукояти меча, он оглядывался по сторонам и прислушивался, но, кроме звука их собственных шагов, цоканья лошадиных копыт и шума реки, ничего не слышал.

Ахсур шел позади вороного, таща на поводу свою лошадь. Тревожные мысли не давали ему покоя. Что за неизвестная сила удушила немого и унесла его в пропасть? Неужели лавина, так неосторожно вызванная Куллом, потревожила демона, который решил наказать людей за то, что они бесцеремонно вторглись в его владения? И достаточно ли ему одной жертвы? Кто следующий: он или Кулл?

Атлант посмотрел назад и остановился, поджидая Ахсура, который едва поспевал за ним.

— До равнины не так уж далеко,— сказал он.— Тропа идет все время вниз. Не бойся, стоит нам покинуть горы, и мы будем в безопасности.

Ахсур через силу произнес:

— Я не боюсь. Мне жалко немого.

— Страшная, конечно, смерть, но лучше он, чем ты.

— Но ведь и ты мог оказаться на его месте.

Кулл засмеялся:

— Думаешь, меня так легко взять? Этому демону пришлось бы здорово попотеть...

Атлант замолчал на полуслове, выхватил меч и приготовился защищаться, почувствовав возле себя что-то невидимое, какую-то плотную субстанцию, которая время от времени касалась его, заставляя поспешно уклоняться.

Северянин взмахнул мечом и ударил, но меч лишь со свистом рассек воздух. Стремительно повернувшись на пятке, Кулл обрисовал возле себя круг мечом и снова рассек воздух. Теперь его движения стали походить на движения немого: борьба неизвестно с кем, танец бесноватого, который наносит удары по пустоте.

Ахсур вжался спиной в широкую трещину между камнями и с ужасом следил, как Кулл бьется с невидимым врагом, прыгая то в одну, то в другую сторону, стараясь наносить удары во всех направлениях, чтобы не подпустить невидимку близко. Только сверху он оставался уязвимым. Его густые темные волосы вдруг поднялись, как будто рука демона схватила их и потянула вверх, ноги оторвались от земли, и Кулл повис в воздухе. Боль была такой ужасной, что атлант взревел, как разъяренный бык, но уже через мгновение поднял меч и попытался отсечь невидимую лапу, державшую его за волосы. Это ему удалось. Он упал на ноги, но потерял равновесие и качнулся к краю пропасти.

Воспользовавшись этим, враг поймал Кулла в удушающие объятия. Глаза атланта вылезли из орбит, изо рта вылетел слабый хрип, но он напряг все мышцы, отдирая от себя невидимое чудовище, которое сдавило его с огромной силой, и все-таки сумел ослабить хватку, взмах-

нул мечом и ударил наугад. Он освободился, но вокруг него возник какой-то беспорядочный вихрь, который сбил его с ног и потащил к пропасти.

Напрасно Кулл пытался удержаться, изо всех сил цепляясь руками за край каменного карниза. Непонятная сила дернула его вниз, пальцы разжались, и он полетел в пропасть.

Ахсур, с ужасом наблюдавший за схваткой, метнулся к краю и, взглянув вниз, увидел, как атлант упал в бурный поток. Над ним парило черное облако, очертаниями напоминавшее огромного змея. Демон полетел над рекой, сопровождая ускользавшую от него жертву.

* * *

Кулл, упав с огромной высоты, рассек ногами поверхность воды и погрузился в нее с головой.

На его счастье, река в этом месте была достаточно глубокой. Вода немного погасила скорость падения, но он все же сильно ударился ногами о валуны, которыми было усеяно дно.

Оттолкнувшись от него, атлант всплыл на поверхность и посмотрел вверх. Над ним парило черное зловещее облако, постоянно менявшее очертания. Несмотря на то что река

стремительно влекла Кулла вниз по течению, облако следовало за ним, не отставая.

Кулл погрузился в воду и задержал дыхание, рассчитывая пробыть там как можно дольше, но вскоре вынырнул, понимая, что скрыться от демона все равно не сможет. Тем более дно стало выше, и теперь он не столько плыл, сколько его волочило по камням силой потока. Река играла им, как тряпичной куклой, мотая от одного берега к другому, ударяя о валуны, окатывая фонтанами брызг, и стремительно тащила на равнину.

Неожиданно стены ущелья расступились, яркий свет брызнул с голубого неба, и пловец понял, что наконец оказался за пределами гор. Взглянув вверх, он не увидел ничего, кроме чистого неба. Тогда, взмахнув могучими руками, атлант направился к берегу, пересекая наискось быстрый поток.

Он долго старался избавиться от ледяных объятий горной реки, цепляясь за скользкие камни, пока не натолкнулся на большую черную скалу, торчавшую у самого берега. Ухватившись за острый конусообразный выступ, он немного отдохнул, собираясь с силами, а потом одним рывком выбрался на сушу.

Лежа на берегу, он невидящим взглядом смотрел в небо, не в силах пальцем пошевелить от усталости. Но еще не потерявшее жар,

хоть и клонившееся к горизонту, солнце вскоре согрело его, усталость прошла. Кулл встал и побрел вдоль берега к горам, надеясь на смекалку Ахсура, который, должно быть, сообразит, где его надо искать.

Атлант ничуть не удивился, когда ветер донес до него мальчишеский голос, что есть силы крикнул в ответ и вскоре разглядел Лхсура, который ехал вдоль берега на своей лошади. Вороной, привязанный к седлу Ахсура, трусил рядом.

— Кулл! — воскликнул Ахсур, увидев атланта, и пустил лошадь вскачь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ровена приблизила к себе Румелию, как ей казалось, вполне сознательно. Она очень хорошо помнила наставления отца, и особенно одно из них: не приближать к себе людей, не доказавших свою верность делом, но к Румелии это совсем не относилось. Кинна чувствовала в ней какую-то скрытую силу, а когда смотрела знахарке в глаза, часть этой силы как бы переходила к ней самой, и она обретала уверенность в себе.

У Румелии были удивительные глаза. Темно-серая радужная оболочка почти никогда не была видна, а большой черный зрачок притягивал, поглощал взгляд. Казалось, будто смотришь в глубокий омут. Удивительнее всего, что Ровене хотелось этого. Она чувствовала в

Румелии человека, способного помочь ей в общении с Ниттон-Таном, которого она панически боялась. Кинна не сомневалась, что ее новая подруга черпала свою силу отнюдь не в вере в Сигулона или других богов, а значит, лучше кого бы то ни было могла поддержать ее, дать совет или научить, как вести себя с могущественным повелителем Темных Сил. Она думала, что использует знахарку, не подозревая о том, что легко может оказаться игрушкой в ее руках и станет полностью зависеть от нее.

Через три дня после смерти кинара в Илурат прибыл гонец от мага и передал Ровене соболезнования по поводу кончины ее отца. Кинна лишняя раз убедилась, что от него ничего нельзя скрыть. Как Ниттон-Тан узнал о смерти кинара Тибора? Ровно три дня требовалось на то, чтобы преодолеть расстояние между Илуратом и его замком. Значит, он узнал о смерти ее отца в то мгновение, когда сердце Тибора остановилось.

Гонец передал письмо, в котором говорилось, что Ниттон-Тан приглашает Ровену к себе, предлагая время траура провести у него. Он поможет ей справиться с горем, и, кроме того, они лучше узнают друг друга до свадьбы. Ему не хотелось бы, чтобы Ровена испытывала страх или ненависть, выходя за него замуж.

Прочитав послание, кинна в который раз внутренне ужаснулась: маг знал обо всем, даже о том, какие чувства терзают ее.

Девушка показала письмо Маргу, ожидая от него мудрого совета, и Марг убедил ее принять приглашение, объяснив при этом, что нигде нельзя так хорошо узнать человека, как у него дома.

— Что толку в том, что я его узнаю! — воскликнула Ровена раздраженно. — Хороший он или плохой, мне все равно придется выйти за него замуж.

— Да, — сказал Марг сухо, — свадьба неизбежна, моя госпожа. Но у тебя будет время заложить фундамент своей будущей семейной жизни. Ниттон-Тан, судя по всему, хочет, чтобы вас ссылали нормальные человеческие отношения.

Кинна пожала плечами:

— Разве могут быть нормальные отношения с тем, кто обладает сверхчеловеческой силой, кто видит на расстоянии, кто читает твои мысли, знает твои чувства?

— И все же, кинна, я советую тебе поехать к Ниттон-Тану. Не надо раздражать его отказом. Кроме того, твои страхи могут и в самом деле оказаться напрасными. Что, если тебе удастся направить его сверхъестественную силу во благо людей, во благо Илурата? Попробуй

женским обаянием, а оно у тебя есть, покорить его, заставить выполнять твои желания.

Девушка посмотрела в глаза Маргу:

— Советник, ты сам веришь тому, о чем говоришь?

Марг, не выдержав ее взгляда, отвел глаза и пробормотал:

— Я хотел бы в это верить.

Ровена долго колебалась. Склонила ее к поездке Румелия, у которой она также попросила совета. Удивительно, что знахарка привела те же доводы, что и советник Марг.

— Госпожа, ты должна заставить его полюбить тебя, тогда он будет плясать под твою дудку,— сказала она.— Влюбленным мужчиной управлять легко. Я уверена, тебе это удастся.

* * *

Румелия вынашивала планы разделаться с кинной с тех пор, как узнала, что кинар Тибор умер. Ее жажда мести вспыхнула с новой силой. Она хотела заставить кинара мучиться и считала, что он слишком легко отделался, так быстро покинув этот мир. Теперь все ее помыслы были направлены на то, чтобы убить кинну. Румелия очень хорошо сознавала, что

имеет над ней определенную власть, и в душе смеялась над ее доверчивостью. Однако в стенах дворца умертвить Ровену оказалось не так-то просто.

Румелия обнаружила, что за ней постоянно наблюдают. Куда бы она ни пошла, что бы ни делала, всегда кто-нибудь не спускал с нее глаз. Кроме того, по давно заведенной традиции все, что ели и пили члены семьи кинара, пробовали специальные люди перед тем, как блюдо или питье подавалось на стол. Поэтому отравить девушку было нельзя, а любой другой способ был слишком опасен. Румелия не хотела жертвовать собой. Ей удалось остаться безнаказанной после смерти кинара Тибора, и теперь она решила не рисковать понапрасну. Если бы Ровена внезапно умерла, подозрение неизбежно пало бы на нее, и тогда ей пришлось бы ответить за все. А она хотела жить!

Вот почему Румелия обрадовалась, когда кинна приняла ее совет и решила ехать к Ниттон-Тану. Она не сомневалась, что найдет способ погубить кинну по дороге в замок мага, и с нетерпением ждала ее отъезда из Илурата.

* * *

Рано утром кинна Ровена в сопровождении кавалькады всадников выступила из города и

направилась по долине к горам, синей грядой видневшимся вдаль. Большой отряд конных лучников скакал впереди, а позади следовали также верхом ее служанки, и среди них Румелия, рядом с которой ехал Зейнад, настороженно оглядывавшийся по сторонам. Несколько телег с припасами, сложенными шатрами, вещами кинны, подарками магу и прочим скарбом поскрипывали колесами по укатанной дороге. За обозом гарцевал еще один отряд, состоявший из отборных воинов.

Дорога шла через несколько небольших селений, жители которых от мала до велика, высыпав из домов, с любопытством глазели на кинну и ее эскорт. Но в одной из деревень никто не обратил на них внимания. Люди перекрыли дорогу, не давая проехать всадникам и обозу, но смотрели не на них, а на выступление бродячих комедиантов. Ровена, узнав, что им мешает, остановила начальника охраны, который собирался разогнать народ. Ей самой захотелось посмотреть представление. Толпа расступилась, пропуская кинну вперед.

Комедиантов было четверо. Огромного роста силач, обнаженный до пояса и состоявший, казалось, из одних мускулов, гнул подковы и подбрасывал в воздух тяжелые гири; худой высокий старик в цветастом балахоне пронзительным голосом выкрикивал сальные шутки;

худенькая и гибкая девочка в шелковых шароварах ходила на руках. Но взоры всех привлекал молодой человек, который был красив, светловолос, как все илуры, очень хорошо сложен и будто излучал жизненную силу. Он не ходил, а носился, не прыгал, а взлетал, он не просто шел по веревке, натянутой между двумя деревянными козлами, а танцевал на ней и проделывал такие трюки, что все ахали от восторга. Казалось, этот комедиант умел все: подбрасывая в воздух несколько предметов, ловко их ловил, изгибал свое тело, словно у него не было костей, стоя на спине бегущей по кругу лошади, умудрялся жонглировать горящими факелами. Всадники из свиты кинны, то и дело восторженно вскрикивая, откровенно восхищались его искусством. Под конец юноша, подбежал к коню Ровены, начал вынимать из его уха бесконечно длинную ленту. Кинна, с огромным удовольствием смотревшая представление, смеялась и хлопала вместе со всеми в ладоши, а когда молодой человек согнулся в почтительном поклоне, милостиво ему улыбнулась и сказала:

— Ты очень искусен во всем, что делаешь, комедиант. Ты очень порадовал меня. Проси награды.

Юноша снова поклонился:

— Моя госпожа, несколько монет нам, конечно, не помешают, но позволь обратиться к тебе с просьбой. Разреши поехать за твоим обозом. Нам не хочется встречаться с лихими людьми, которые, говорят, промышляют на этой дороге.

Говоря это, он смотрел веселыми искрящимися глазами прямо в лицо Ровене, и она поймала себя на мысли, что никогда еще не видела таких красивых и умных глаз.

— Хорошо,— кивнула она.— Я распоряжусь, чтобы вам заплатили, и разрешаю следовать за нами.

Юноша склонился почти до земли, потом вдруг резко выпрямился, подпрыгнул, перевернулся в воздухе и снова крепко встал на ноги лицом к Ровене. Кинна звонко захлопала в ладоши.

* * *

Румелия хорошо продумала, как расправится с Ровен ой, еще во дворце. Все было очень просто. Если нельзя, не вызывая подозрений, отравить кинну, то можно запросто подложить в корм ее коню такую травку, от которой животное взбесится, понесет и сбросит всадницу под копыта.

Рано утром под предлогом, что ей нужно осмотреть ногу своей лошади, пораненную в дороге о камень, Румелия подошла к коню кинны и быстро подбросила в торбу с зерном, висевшую у него на шее, пучок травы.

Немного позже коня подвели к Ровене, и она заметила, что тот, обычно такой послушный, упирается и шарахается из стороны в сторону, глаза его налиты кровью, кожа на груди и крупе подергивалась. Кинна погладила коня по морде и выгнутой белой шее, а он, выкатив огромный лиловый глаз, настороженно на нее смотрел и беспокойно перебирал ногами. Как только девушка села в седло, конь рванулся, но она удержала его, и он покорно пошел шагом. Однако Ровена чувствовала, что ее скакун нервничает и подчиняется крайне неохотно. Думая, что конь застоялся и ему не терпится пуститься рысью, она отпустила поводья и даже на миг зажмурилась от удовольствия, подставив лицо свежему утреннему ветерку.

Но вскоре ее конь догнал отряд конных лучников, ехавших впереди, а когда она пожелала его приостановить, не послушался и полетел дальше. Солдаты с удивлением посмотрели на кинну, которая стремительно промчалась мимо, едва не сбив нескольких всадников, попавшихся на пути. Только увидев, что белый

конь кинны, взметая клубы пыли, понесся стрелой по дороге, они поняли, что дело неладно, и пустились следом.

Ровена тщетно старалась остановить коня. Что есть силы натянув поводья, она добилась только того, что он, задрав голову с оскаленными зубами, взвился на дыбы и, сделав огромный прыжок, снова пустился галопом. Бедняжка едва удержалась в седле. Ее охватил ужас. Пригнувшись к шее скакуна и отпустив поводья, она уповала лишь на то, что он рано или поздно выбьется из сил и сам остановится. Дорога стремительно неслась навстречу, ветер свистел в ушах, перестук копыт по земле становился все быстрее. Впереди показалась синяя лента широкой реки, и Ровена безотчетно дернула левый повод, стараясь повернуть коня. На удивление, он послушался. Не уменьшая скорости, конь подался влево, сошел с дороги и понесся по равнине, делая огромную дугу.

Ровена краем глаза видела, что всадники, также свернув с дороги, бросились ей наперерез. Она еще сильнее натянула левый повод, заставляя коня сворачивать все больше и больше. Всадники приближались. Впереди всех скакал юноша со светлыми, развевающимися на ветру волосами. Он пригнулся к луке седла и привстал на стремянах. Его стройное легкое тело словно парило над конем, покачи-

ваясь в такт его движениям. Ровена с надеждой смотрела на юношу, прилагая последние силы, чтобы удержаться на взбесившемся жеребце. Наконец их кони сблизились и поскакали бок о бок. Юноша протянул руку и крикнул: «Вожжи!» Ровена бросила ему поводья. Конь юноши чуть обогнал белого жеребца, а умелый наездник вдруг стремительным броском кинулся плашмя на холку мчавшегося во весь опор скакуна кинны. От толчка и тяжести неожиданно навалившегося на него человека тот замедлил бег, а юноша тем временем умудрился сесть перед кинной.

Конь постепенно начал переходить на рысь. Он тяжело поводил боками, хлопья розовой пены падали из разодранного удилами рта. Он бежал все медленнее и наконец встал. Юноша спрыгнул и протянул Ровене руки. Как только она оказалась на земле, конь зашатался и рухнул как подкошенный. Огромное тело задержалось, забилося в предсмертной агонии, из глотки вырвалось жалобное ржание, и через несколько мгновений великолепное животное испустило дух. Ровена мягко осела на землю, ноги ее не держали, все косточки ныли, ладони, натертые поводьями, распухли. От пережитого потрясения она не могла говорить, и, когда всадники приблизились к ним, кинна толь-

ко кивала и показывала пальцем на юношу, который стоял рядом и весело улыбался.

* * *

На следующий день, когда они почти приблизились к горной гряде, им навстречу попался большой табор бродячих сигани. Лучники, заметив их издалека, поскакали вперед и заставили освободить дорогу, а затем вернулись и доложили, что можно продолжать путь.

Проезжая мимо табора, Ровена с любопытством смотрела на пеструю толпу. Кочующее племя передвигалось на больших крытых повозках, забитых рухлядью, среди которой сидело множество смуглых черноволосых ребятшек в невообразимых лохмотьях. Взрослые сигани, как мужчины, так и женщины, а также подростки шли пешком. Старики важно восседали на козлах и правили лошадьми. Мужчины были лохматы, с большими черными бородами, а женщины, одетые в выгоревшие грязные длинные юбки и пестрые блузки, большей частью были некрасивы, но необыкновенно подвижны и дерзки.

Ровену оглушили их резкие гортанные голоса и громкий смех, ослепили их белозубые улыбки. Что-то лопоча на своем диком языке,

блестя большими черными глазами, они чуть ли не бросались под ноги коней обоза кинны. Зная о вороватости этого племени, возницы угрожающе замахивались кнутами, но нахальные сигани ничуть не боялись их красноречивых жестов и только заливисто хохотали. Наконец последняя лошадь обоза прошла мимо табора, и все вздохнули с облегчением. Долго еще до ушей Ровены доносился гомон их голосов.

Снова пошла однообразная дорога, по обе стороны которой простиралась зеленая равнина, покрытая чахлым кустарником.

Кинна заметила, что один из всадников пустил свою лошадь вскачь. Вернувшись, он что-то сказал начальнику охраны, но тот безразлично махнул рукой. Вскоре девушка увидела на обочине дороги какую-то темную фигуру. Подъехав ближе, она рассмотрела, что это была старуха, сидевшая в пыли скрестив ноги и опершись локтями в колени. Она была такой старой, что едва держала голову. Серые грязные лохмы, стянутые на лбу бурым платком, покрывали сутулые плечи, глубокие морщины избороздили темно-коричневое лицо, беззубый рот провалился, над ним нависал крупный нос истинной сигани, один глаз был закрыт черной повязкой, другой, сизый от старости и слезя-

щий, жалобно смотрел на подъезжавшую кинну.

Неожиданно старуха метнулась под ноги ее лошади, и Ровена вынуждена была придержать скакуна. Тут же подлетел начальник охраны и замахнулся на старуху плетью, но кинна жестом заставила его остановиться. Древняя сигани благодарно закивала головой, на ее лице показалось подобие улыбки.

— Спасибо, госпожа, что не задавила старуху. Разве я могу тебе причинить какой-нибудь вред? — Голос ее был хриплым, надтреснутым, но, что удивительно, говорила она на илурском языке с чуть заметным акцентом.

На лице Ровены отразилось удивление. Старуха поспешно заговорила снова:

— Госпожа, не хочешь ли узнать свою судьбу? Я умею гадать по руке. Не побрезгуй подать ручку. Скажу все, что было, что есть и что будет в твоей жизни.

Девушка заколебалась. Ей хотелось узнать, что ее ожидает, но она побаивалась старухи: больно та походила на ведьму.

Начальник охраны вплотную приблизился к сигани и брезгливо поморщился:

— Проваливай, старая, нечего надоедать кинне.

Старуха только зыркнула на его коня сизым глазом, и тот захрапел, отшатнулся и встал на

дыбы. Тогда она повернулась к Ровене и, шамкая беззубым ртом, снова заканючила:

— Дай ручку, госпожа, всю правду скажу.

Румелия тихо проговорила из-за спины кинны:

— Не надо гадать, госпожа, она тебя сглазит.

Однако любопытство взяло вверх, и Ровена, наклонившись, опустила левую руку. Старуха потянулась к ней заскорузлыми черными пальцами, но не взяла ее, а только приблизила свое лицо и внимательно стала вглядываться в розовую ладонь кинны единственным глазом. Затем заговорила совсем другим тоном, в котором звучала такая уверенность, что Ровена невольно верила каждому ее слову:

— Ты покинула свой дом, кинна, с отчаянием и страхом в душе. Ты боишься будущего, не хочешь замужества и ненавидишь человека, за которого тебя заставляют выйти замуж. Тебе и невдомек, что ждет тебя впереди. Ты не только полюбишь его, но будешь боготворить, потому что поймешь: нет ему равных ни в чем. Он обладает такой властью, что может одарить тебя всем, что бы ты ни пожелала. Он вознесет тебя высоко над остальными людьми, дарует тебе премудрость жизни и власть над смертью.— Старуха закивала седой головой.— Верь мне, верь, кинна.

Ровена молча выслушала предсказание, и на сердце ее словно лег камень. Самым страшным было для нее то, что она ехала не к обычному человеку, а к магу, который общался с Темными Силами. И не нужно ей было никакой премудрости жизни, а тем более власти над смертью.

Старуха, как зачарованная, смотрела на прекрасное лицо девушки. Ровена заметила ее пристальный взгляд и гордо выпрямилась в седле.

— Чем тебя отблагодарить? — спросила она.

Старуха печально вздохнула:

— Табор бросил меня подыхать на дороге. Я такая старая — никому не нужна. Позволь, госпожа, доехать с твоим обозом до какого-нибудь жилья. Я никого не обременю, а кто хочет узнать свою судьбу, всем погадаю.

Ровена кивнула ей, приказала начальнику стражи пристроить куда-нибудь старуху и тронула коня.

* * *

Румелия, накинув черное покрывало, неслышной тенью прокралась к шатру кинны. Она решила разделаться с ней этой же ночью,

хотя и понимала, как рискует. Они приближались к замку Ниттон-Тана, а ей совсем не хотелось оказаться в его стенах: магу не составит труда узнать ее намерения.

Возле входа в шатер стоял стражник и дремал, держась руками за древко воткнутого в землю копья. Время от времени он, пытаясь стряхнуть оцепенение, вскидывал голову и смотрел в черную непроглядную темень, а затем снова закрывал глаза и свешивал голову на грудь. Невдалеке возле потухшего костра сидели несколько человек из охраны, но, видимо, тоже спали. Оттуда не доносилось ни звука. Румелия коснулась рукой ткани, занавешивавшей вход, намереваясь нырнуть внутрь, как вдруг услышала:

— Стой!

Она замерла, вглядываясь в темноту.

— Стой! — Донеслось от костра, и она вспомнила, кому принадлежал этот надтреснутый старческий голос.

На фоне тлеющих углей показалась темная фигурка. Румелия с трудом различила в темноте неспешно ковылявшую старуху, и ее охватил панический страх. Она бросилась назад, но сигани с необыкновенным для ее возраста проворством подскочила к ней. Румелия, выхватив кинжал, круто обернулась и занесла руку для удара... Старуха отпрянула, резко сдернула по-

вязку с больного глаза, и молодую женщину пронзил такой взгляд, который она долго потом вспоминала с содроганием. Из черной глубины глазницы исходил слепящий луч, который заставил ее замереть с поднятой вверх рукой и сковал все движения.

Старуха подошла ближе и заговорила. Ее голос по-прежнему дребезжал, но интонации были повелительными.

— Ровену не трогай. Если причинишь ей вред, достану тебя из-под земли. *Я* тебя не наказываю, потому что ты мне нужна. Помни это!

Произнеся последнее слово, старуха исчезла. Румелия, охваченная ужасом, стояла как статуя, боясь шевельнуться, но, когда все же попробовала опустить руку, обнаружила, что оцепенение прошло. Пряча за пазуху кинжал, она едва слышно прошептала дрожащими губами:

— Ниттон-Тан...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жара навалилась на путников с самого утра. Над песчано-каменистой равниной, по которой ехали Кулл и Ахсур, стояло марево. От жгучих лучей скрылось все живое, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. К полудню, изнывая от жажды, они добрались до крошечного оазиса, где подземные воды, подходившие близко к поверхности земли, питали влагой несколько пирамидальных тополей, кусты тамариска и саксаула, а также наполняли неглубокий колодец.

— Я знаю этот оазис,— сказал Кулл.— Отсюда довольно далеко до Талунина.

Ахсур кивнул:

— Я тоже помню это место. Мой караван здесь раньше проходил.— Он махнул рукой

направо.— Через день пути на верблюде есть еще один колодец, а дальше, через два дня пути, большой караван-сарай.

— Надо добраться до караван-сарая, а оттуда ехать к Талунину. Но прежде мне нужно вооружиться.— Кулл достал из ножен саблю, которую купил в подарок вождю астридиев и которую вынужден был повесить на пояс после того, как потерял меч. Сабля в его могучей руке казалась игрушечной.— Мне нужен хороший меч. Разбойники, шайки которых здесь повсюду снуют, уважают только силу, а какая сила с таким оружием?

Глаза у Ахсура заблестели.

— А эту саблю ты отдашь мне?

Кулл засмеялся:

— Могу отдать. Только сначала научись ею пользоваться. Вот смотри. Этой саблей можно и рубить, и колоть, потому что у нее конец клинка заточен с обеих сторон. Но зато сила удара не такая, как у сабли с широким концом, которой колоть нельзя.— Он взмахнул саблей. Клинок сверкнул и со свистом рассек воздух.— Всю силу надо сосредоточить в кисти руки, а при ударе оттянуть на себя. Тогда можно снести человеку голову или рассечь его от плеча до пояса.

Он передал Ахсуру саблю. Тот сжал ее рукоять, поднес клинок к лицу, внимательно гля-

дя на острое лезвие, несущее смерть, потом взмахнул им в воздухе:

— Я научусь ею владеть!

— Конечно, иначе в этом мире не проживешь.

* * *

На следующий день с вершины холма они увидели далеко впереди растянувшийся по желто-бурой равнине караван, который изда-лека казался длинной, медленно ползущей ниткой бус. Насколько можно было судить с такого расстояния, караван насчитывал не больше ста верблюдов. Пустив коней крупной рысью, путники вскоре приблизились к нему настолько, что могли уже отличить двугорбых верблюдов от дромадеров, а к вечеру догнали караван и решили к нему присоединиться. С караванщиками ехать было безопаснее. Кроме того, у них кончились все припасы, и они рассчитывали раздобыть еду.

Они старались ехать немного в стороне, чтобы не дышать пылью, которая обволакивала всю мерно шагавших верблюдов с гордо поднятыми горбоносими головами. Мохнатую красновато-бурую, длинную на груди, шее и горбах шерсть покрывал слой песка и пыли,

горбы свисали у кого на одну сторону, у кого — на другую, по бокам были приторочены большие тюки с товаром, метелки хвостов покачивались в такт неторопливым шагам. Купцы, ехавшие на дромадерах рядом со своей партией верблюдов, наблюдали за погонщиками и беспокойно оглядывали равнину, опасаясь нападения разбойников, которые постоянно рыскали вдоль караванной дороги. И хотя каждый караван всегда сопровождали вооруженные до зубов воины, специально нанятые для защиты, купцы боялись грабителей. Сколько раз в стычках с разбойниками гибли их товарищи, пропадали товары, которые так и не удавалось отстоять, потому что бандиты просто хватали первых верблюдов, стоявших в связке с другими пятью-шестью, и уводили всех, пока остальная шайка отвлекала на себя охрану.

Вот почему, когда Кулл с Ахсуром догнали караван, к ним сразу же с копьями наперевес направились несколько всадников. Подозрение, которое они вызвали, было небезосновательным. Атлант выглядел устрашающе. Тело его, обнаженное до пояса, покрывали кровоподтеки и заживающие ссадины, кожаные разорванные штаны обнажали разбитые в кровь и покрытые темными корками спекшейся крови колени, сапоги были разодраны вдрызг. Си-

дел он на великолепном вороном коне, положив руку на эфес сабли, и холодно смотрел на приближавшихся охранников. Один из них привстал на стремянах и крикнул:

— Кто такие?

Атлант шевельнул поводом и направил коня им навстречу:

— Нас только двое. Мы ничего худого не замыслиаем. Хотим вместе с вами доехать до караван-сарая.

Всадники с интересом разглядывали гиганта, а тот, кто вел с ним переговоры, сказал:

— Чтобы ехать вместе с караваном, нужно разрешение караван-баши.

— Ну так води меня к нему.

Разыскать караван-баши оказалось непросто. Кулл и Ахсур, окруженные отрядом всадников, долго ехали вдоль вереницы верблюдов, глотая пыль. Юноша оживленно смотрел по сторонам. Караван напомнил ему детство, и он, видя качавшиеся горбы, вдыхая густую пыль и особый острый запах, который всегда сопровождал скопище животных, слыша глухое шарканье сотен ног и звон колокольчиков, улыбался. Несколько лет он странствовал с караваном, разделяя вместе со всеми трудности кочевой жизни, мучаясь от жажды в течение длинного перехода, страдая от жары днем, от холода ночью. Он вспомнил ту особую уста-

лость и ломоту во всем теле после целого дня мотания и качки на спине верблюда, огни костров на ночной стоянке и особый запах горящего сушеного верблюжьего помета. Он вспомнил удивительные восходы, когда солнце желтым диском быстро выкатывалось на небо, превращаясь постепенно в палящий огненный шар, от жара которого некуда было скрыться, и сказочные закаты, когда оно, став оранжево-красным и расцветив полнеба в огненно-алый цвет, постепенно исчезало за горизонтом. Тогда на землю падала тьма, небо искрилось множеством звезд, и пустыню заливал серебристый призрачный свет луны, белой с темными разводами.

Ахсур так задумался, что не заметил, как его лошадь заступила дорогу одному из дромадеров. Сидевший на нем человек резко крикнул. Юноша поднял глаза и замер. Он узнал его. Это был один из тех караванщиков, которые позарились на имущество Зерхана и продали мальчика в рабство. Поводья выпали у него из рук, и лошадь замедлила шаг. Кулл обернулся и, заметив, что Ахсур отстал, придержал коня и крикнул:

— Эй, не отставай!

Когда тот догнал его, он спросил:

— Что случилось? У тебя такой вид, как будто верблюжья колючка попала тебе под зад.

Ахсур был сам не свой. Он опустил голову и даже на шутку не обратил внимания. Кулл рассердился:

— Да что такое? Говори.

— Я видел купца, который вместе с другими караванщиками присвоил верблюдов и товары Зерхана. А от меня они отделались в первом же встретившемся на пути городе.

— Где он? Покажи.

— Вон тот, на одnogорбом верблюде с красноватой шерстью. Зеленую чалму видишь? Его зовут Илвис.

— Да, я запомнил его. Не расстраивайся, Ахсур, он расплатится за все зло, что тебе причинил.

* * *

Когда они разыскали наконец караван-баши, тот приказал ехать рядом с ним до первой стоянки, где обещал огласить свое решение. Это был грузный тураниец в богатой чалме, сидевший на отличном верблюде. Власть над всем этим скопищем людей и животных сделала его гордым, самонадеянным и чванливым.

Кулл про себя послал его к Тогу, но вынужден был ехать рядом как привязанный, под прищмотром нескольких хорошо вооруженных всадников. Ахсур трусил следом.

На ночлег остановились, когда пала тьма. Быстро расставили походные шатры, образовавшие огромный круг, в середине которого поместили верблюдов и тюки с товарами. Зажгли костры, над которыми вскоре поплыл соблазнительный запах приготовляемой пищи. Кулл голодными глазами следил, как у костра, где расположились конники, сопровождавшие караван, дежурный раздавал лепешки и наливал похлебку. Охранники оказались достаточно гостеприимны и позвали своих пленников разделить трапезу. Кулл не заставил себя долго упрашивать и с жадностью набросился на еду.

Вскоре к ним подошел человек, посланный от костра караван-баши, и сказал, что тот приглашает их к себе.

Когда Кулл рассказал, в какую переделку попал в горах, тураинец раскрыл рот от изумления. Не верить атланту он не мог, ибо раны и ссадины на его теле красноречиво свидетельствовали, что ему пришлось перенести. Подозрение, что они подосланы разбойниками, отпало само собой.

Получив разрешение следовать вместе с караваном, Кулл снова обратился к караван-баши:

— Позволь, достопочтенный купец, поговорить с тобой о деле, которое касается моего друга Ахсура. Парнишку ты видел. Мы вместе с ним едем в Талуни. Скажу тебе правду: я купил его в Аграпутаре. Он был рабом, а в рабство его продал один купец, которого мы видели у тебя в караване. Ахсур утверждает, что его усыновил купец Зерхан. Перед смертью он завещал все, что имел, Ахсуру. Но товарищи Зерхана решили воспользоваться беспомощностью мальчишки и избавились от него, а сами присвоили себе то, что ему принадлежало по праву, и разделили между собой.

— Я знал Зерхана. Хороший был купец. А как имя того, кого признал твой раб?

— Он не раб. А имя купца — Илвис. Вызови его к себе и разбери это дело.

Караван-баши покачал головой:

— Я такой же купец, как и другие. Меня выбрали начальником, чтобы я вел караван и следил за порядком. Я могу приказывать и судить только в этом караване, а что было в другом, к тому же много лет назад, мне неподсудно.

Кулл сжал рукоять сабли:

— Тогда я сам разберусь с ним.

Караван-баши нахмурил брови:

— Нет! В караване не должно быть свары, а тем более драки. Если ты собираешься пустить в ход саблю, то вон отсюда, к Тогу!

— Тогда реши наше дело.— Кулл в упор посмотрел на караван-баши.

Тураниец задумался:

— Попробую. Я хочу это сделать не ради тебя или какого-то там Ахсура, а потому, что

Илвис нарушил наш основной закон — не обманывать собрата. Одно дело обмануть покупателя, но купца... Ладно, в караван-сарая мы соберемся и обсудим это дело. Если подтвердится то, что ты сказал, я заставлю Илвиса отдать наследство. А если откажется, выгоню из каравана и ославлю на весь мир!

* * *

В середине ночи стоянка огласилась криками людей, ревом верблюдов и ржанием лошадей. Нападение разбойников не было неожиданным, хотя они, конечно, рассчитывали именно на внезапность. Но охрана вовремя обнаружила грабителей и встретила их градом стрел. Однако в темноте стрелы не нанесли им никакого урона, и орда головорезов, сбив несколько шатров, проникла в середину стоянки,

посеяв невообразимую сумятицу среди людей и животных. Потревоженные верблюды, недоуменно оглядываясь, вставали на ноги, а затем, увидев вокруг себя кричащих и бегающих людей, сами начинали носиться между шатрами, сбивая всех, кто им попадался на пути, и порываясь убежать от ожесточенного сражения. Повсюду сверкали сабли и большие изогнутые кинжалы, раздавались злобные возгласы и стоны раненых.

Атлант вскочил на ноги при первом звуке тревоги и бился возле шатра караван-баши. В одной руке он держал саблю, ударяя наотмашь ею направо и налево, а в другой — дротик, которым он колол в промежутке между ударами. Будь у него меч, вот тогда бы он показал всю свою силу. Впрочем, ловкости и увертливости северянину было не занимать. Возле шатра туранийца валялись трупы, да тихо стонали еще живые, но уже поверженные враги. Караван-баши стоял спиной к Кулле и отбивал нападение сзади, довольно ловко для купца орудуя длинной и тяжелой саблей. Ахсур дрался справа от Кулла, немного сзади. Он был в безопасности, потому что атлант убивал всякого, кто попадал ему под руку, однако и без дела не оставался. Подобрал большой кистень у одного из погибших грабителей, юноша, ухватив его двумя руками, время от времени ловко посы-

лал висевший на цепи увесистый снаряд и раз-
мозжил или задел им не одну бедовую голову.

Разбойники, натолкнувшись на такое отча-
янное сопротивление, наконец дрогнули и на-
чали потихоньку отступать. Многие, забыв об
опасности, все же не хотели уходить без добы-
чи и тащили на себе тюки, ожесточенно отби-
ваясь от разъяренных купцов, которые бес-
страшно защищали свое добро.

Кулл, разметав нападавших на него голово-
резов, бросился вслед одной такой группке,
состоявшей из четырех человек. Возглавлял ее
огромный детина, широкоплечий, очень лов-
кий, искусно орудующий ятаганом. Он при-
крывал своих товарищей, которые, взвалив
тюки на двух верблюдов, тянули их за собой.
Атлант подскочил к верзиле и занес саблю, но
тот успел выставить ятаган. Клинки зазвенели.
Оба великана, разгоряченные сражением, ру-
бились с такой яростью, что, казалось, не будь
у них оружия, в ход пошли бы не только кула-
ки, но и зубы. Противник атланта оказался
храбрым воином, и ятаганом он орудовал мас-
терски, вкладывая в удары всю свою чудовищ-
ную силу.

Клинки скрестились снова, и лезвие сабли
отломилось у рукояти. Кулл остался с одним
дротиком. Разбойник оскалился и легким дви-
жением срубил древко короткого копья. Ат-

лант стоял расставив ноги и наклонившись вперед, вперив во врага яростный взгляд; в одной руке он сжимал рукоять обломанной сабли, в другой — древко дротика. Он был безоружен. Разбойник шагнул вперед, держа ятаган перед собой, и улыбнулся, предвкушая удовольствие от расправы над беспомощным противником. Неожиданно что-то взвилось у него над головой, послышался тупой стук удара, лицо громалы исказилось от боли, и он, не выпуская оружия из рук, медленно повалился сначала на колени, а потом лицом в землю. За ним стоял Ахсур, держа двумя руками кистень, гирька которого мерно покачивалась. С его лица еще не сошло ожесточенное выражение. Кулл с удивлением посмотрел на него, затем рассмеялся и воскликнул:

— Клянусь Валкой, парень, ты спас мне жизнь!

* * *

На следующий день вечером, когда багровое солнце уже клонилось к горизонту, они подошли к небольшому селению, несколько глинобитных домишек которого притулились рядом с большим караван-сараем. Это было квадратное в плане двухэтажное здание из

сырцового кирпича, похожее на крепость, с обширным двором посередине, в котором находился колодец. На четырех углах возвышались башенки с узкими бойницами, построенные специально для того, чтобы отражать нападения разбойников. Их сразу же заняла охрана. Просторный двор, где обычно размещали животных и товары, закрывался на ночь тяжелыми воротами. Высокие стены без окон были неприступны. Небольшие помещения для людей открывались во двор. На верхнем этаже расположились купцы, на нижнем — погонщики и охранники. Кулл с Ахсуром заняли небольшую каморку возле самых ворот. У них не было с собой ни ковров, ни бараньих шкур для постели, поэтому им пришлось спать на голом глиняном полу. Впрочем, они так устали, что заснули и так сразу же после ужина у караванбаши, который в благодарность за свое спасение пригласил их к себе и поделился припасами.

Караванщики намеревались отдохнуть сами и дать отдых животным в течение двух дней. С самого раннего утра двор наполнился шумом и суетой. Поили и кормили верблюдов, чинили упряжь, пересчитывали тюки и проверяли товар, изрядно попорченный разбойниками. Лишь к полудню купцы собрались под навесом, уселись на большой ковер и, попивая зе-

ленный чай, принялись обсуждать свои дела. Зашла речь и о наследстве Зерхана. Караванбаши послал за Куллою и Ахсуром и, когда те пришли, изложил суть дела. Под конец он сказал:

— Я хорошо знал Зерхана. Мне не раз приходилось иметь с ним дело. Это был честный купец и хороший человек. Что же мы узнаем теперь? Зерхан перед смертью, надеясь на порядочность своих товарищей, взял с них слово признать своего приемного сына наследником, а они, нарушив законы купеческого братства, присвоили его имущество, а мальчика продали. Один из этих недостойных сейчас здесь. Разве можем мы быть уверены в том, что он не обманет кого-нибудь из нас, как обманул покойного Зерхана? Итак, уважаемые, что скажете?

Все взоры обратились на Илвиса. Тот, потупившись, отставил в сторону чашку с чаем и глухо заговорил:

— Вы считаете только меня виновным в обмане. Но это не так. Среди нас есть еще несколько человек, которые разделили между собой имущество Зерхана. Причина, по которой мы это сделали, была достаточно веской. Зерхан купил Ахсура в Илурате у одного горца. Конечно, он любил его, но мальчишка считался его рабом. А раб и должен оставаться

рабом. Пусть те, кто принимал такое решение, сами скажут об этом.

Наступило тяжелое молчание. Никто не хотел признаваться в нечестном поступке. Кулл переводил взгляд с одного бесстрастного лица на другое и наконец сказал:

— Ахсур знает всех, кто был в том караване, и может назвать их по именам. Илвиса он увидел первым, поэтому и сказал о нем караван-баши. Но мы здесь не для того, чтобы стыдить кого-то из вас за прошлые поступки. Отдайте Ахсуру все, что взяли у него, и дело с концом.

Караван-баши не ожидал, что ему придется выводить на чистую воду не одного Илвиса. Увидев насупленные каменные лица купцов, он решил не дразнить гусей, ибо знал, что прилюдно каяться не очень-то приятно. Во всяком случае, он сам постарался бы избежать этого, и посчитал, что глупо требовать от других того, чего он сам не стал бы делать.

— Предлагаю это дело решить так,— сказал он.— Илвис соберет со всех, кто нарушил волю Зерхана, долю, которую тот присвоил, и отдаст мальчику. Я не буду настаивать на дальнейшем разбирательстве. Мне кажется, того, что здесь произошло, достаточно, чтобы каждый понял: обман рано или поздно обнаруживается.

В конце дня Ахсур получил возмещение за товар и верблюдов своего приемного отца в звонкой монете и мгновенно стал богатым человеком.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Услышав от купца, что Зерхан купил его в Илурате, юноша сразу решил ехать туда, чтобы разыскать свою семью, но боялся сказать о своем намерении Куллу. Атлант сам заговорил с ним об этом.

— Теперь ты знаешь, где тебя продали. Не мешает съездить туда и узнать, кому это понадобилось. Детей просто так не похищают, а тем более не продают. Кто-то сделал это, чтобы получить деньги или отомстить.— Кулл посмотрел на Ахсура.— Я всегда чувствовал в тебе что-то такое... Ну, в общем, это нельзя приобрести, это передается из рода в род, от отца к сыну.

— Один я туда не доберусь.— Мальчик с надеждой взглянул на атланта.

— Я хотел ехать в Зальгару, куда отступила валузийская армия.— Кулл задумался.— Ладно, поедem в Илурат. Тебе туда одному, конечно, не добраться. Никто лучше меня не знает, как быстро можно потерять денежки, да и голову тоже.

— Мои деньги — это твои деньги, Кулл. Если бы не ты, их у меня вообще не было бы.

Северянин хмыкнул:

— Мне твоих денег не надо. Договоримся, что я буду получать у тебя жалованье за охрану. Служу я честно, если, конечно, на это соглашаюсь.

Ахсур обрадовался:

— Ты соглашаешься?

Атлант хлопнул его по плечу:

— Я же сказал, клянусь Валкой! Если уж я берусь тебя охранять, будь спокоен, твои деньги останутся при тебе, а тебя никто пальцем не тронет.

* * *

Прошло несколько лун, прежде чем они добрались до гряды гор, которая каменным кольцом окружала Илурат и надежно защищала его от воинственных соседей. Им пришлось преодолеть много трудностей, привычных для

Кулла — вечного бродяги, который исходил пешком и объездил на коне полмира. Ахсура же они закалили, он заметно повзрослел, возмужал и окреп. Это был уже не худенький мальчик, а высокий, стройный юноша с красивым, свежим, еще безусым лицом и открытым смелым взглядом серых глаз.

Проехав перевал — длинное ущелье с отвесными каменными стенами, путники остановились у большой сторожевой башни, которая преграждала въезд в ущелье. Ответив на несколько вопросов, кто такие и зачем держат путь в Илурат, они проследовали дальше и увидели раскинувшуюся впереди большую долину, противоположная сторона которой таяла в синеватой дымке, а затем двинулись вниз, оставляя позади себя скалы и каменистые отроги. Холмы, поросшие густым лесом, постепенно становились ниже, и вскоре с одного из них открылась травянистая равнина, где были разбросаны несколько деревень. С востока на запад ее пересекала река, казавшаяся издали голубой лентой, за ней смутно проглядывалась высокая гора, на пологих склонах которой раскинулся город.

Кулл, как опытный путешественник, прикинул, что им осталось не больше двух дней пути. За день они пересекли предгорье, огибая лесистые холмы, и ближе к вечеру стали ис-

кать место ночевки. Их внимание привлек холм, густо поросший орешником. У его подошвы в россыпи мелких камней и гальки протекал ручей, который брал свое начало в горах. Он весело журчал в середине широкого русла, в другое время года, вероятно, заполняемого водой до краев.

Путники выбрали небольшую лужайку, окруженную со всех сторон зарослями кустов, распрягли коней и пустили их пастись. Кулл отправился на вершину холма, чтобы проверить, насколько безопасен их тыл, а Ахсур принялся устраивать лагерь. Он развел костер и, пока тот разгорался, пошел к ручью за водой. Балансируя на небольших валунах, усеивавших русло, он пробрался к воде, и, когда присел, чтобы наполнить котелок, у него возникло неприятное чувство, что в спину ему кто-то смотрит. Зачерпнув воды, юноша встал, резко обернулся и замер. На берегу стоял львица.

Это была крупная кошка песочного цвета с маленькими круглыми ушами и широкими передними лапами. Она стояла как изваяние, только губа у нее чуть подрагивала, открывая желтые клыки. Ахсур слегка покачнулся на камне, и она тут же издала тихое утробное рычание. Юноша замер: ужас сковал его. Он ста-

рался не смотреть на львицу, чтобы случайно не встретиться с ней взглядом.

Дикая кошка пришла на водопой и не собиралась отступать: человек стоял на том месте, с которого она обычно пила. Раздражение ее все более усиливалось, а он словно прирос к камню и не мог даже шевельнуться. Наконец измученный жаждой зверь громко зарычал и медленно пошел к воде, но не туда, где был человек, а немного в сторону. Ахсур, увидев, что хищница уже совсем близко, дико вскрикнул и бросился к берегу. Навстречу ему из зарослей вышел Кулл.

Львица бросилась за человеком и почти настигла его, но в это мгновение перед ней оказался другой. Она прыгнула на него, но наткнулась на что-то острое. Это ее остановило лишь на миг. Она издала яростный рев и прыгнула снова, стремясь вцепиться зубами человеку в горло.

Атлант увидел, что кинжал, который он успел выхватить и вонзить львице в грудь, натолкнувшись на кость, не причинил зверю никакого вреда. Он отпрянул, и большая кошка пролетела мимо него, однако тут же развернулась и снова изготовилась к прыжку. Кулл за это время успел схватить большой камень и метнул его в львицу именно в тот миг, когда она взвилась в воздух. Камень попал ей в пле-

чо, рассек его и заставил отклониться в сторону. Лъвица снова промахнулась. Но атлант не дремал. Он бросился навстречу зверю и, схватив его одной рукой за горло, другой нанес мощный удар в шею. Клинок вошел по рукоятку, хлынула алая кровь. Лъвица обхватила его передними лапами за плечи, царапая их, а задними сильно ударила по ногам. Острые когти пропороли глубокие борозды на бедрах и коленях Кулла, разорвав в клочья его кожаные штаны. Рука, державшая лъвицу за горло, постепенно сгибалась под ее напором, и пасть разъяренной хищницы неуклонно приближалась к лицу атланта. Он уже чувствовал смрадное дыхание и видел огромные влажные клыки, слышал надсадный хрип и прерывистое рычание. Кулл еще сильнее сжал ей горло и отвел руку для последнего удара. Если он будет неточен, ему конец. Лъвица еще раз взбрыкнула задними лапами, стараясь разорвать противнику живот. Боль была невыносимой, атлант взревел и нанес удар ей в грудь. Клинок, пройдя между ребрами, задел сердце, и злобная кошка вдруг ослабела, задержалась, лапы, которыми она обхватывала человека, разжались, и лъвица рухнула к его ногам.

Кулл оглянулся, высматривая Ахсура. Сначала он подумал, что парень испугался и убежал в лес, но вскоре заметил его, распростер-

того на берегу среди камней, и бросился туда. Ахсур лежал лицом вниз. Кулл перевернул его на спину. Лицо юноши было бледным, глаза закрыты. Атлант осмотрел его — ни царапины. Он похлопал мальчика по щеке, потом по другой. Это не помогло. Потряс за плечи. Ахсур по-прежнему не подавал признаков жизни. Кулл прижал ухо к его груди и услышал тихое и мерное биение сердца. Тогда он пошел к ручью, подхватив по дороге брошенный котелок, и набрал в него воды, а затем плеснул ею Ахсуру в лицо. Это тоже не возымело действия. Кулл взял его на руки и отнес на лужайку.

Он долго сидел рядом, смывая с себя кровь, которая сочилась из глубоких царапин, оставленных львицей, с надеждой посматривая на лицо юноши. Ахсур открыл глаза, когда атлант на мгновение отвернулся.

— Где львица? — спросил он.

— Я убил ее. Ну, как ты, оклемался? — Кулл обрадованно улыбнулся.

— Ты снова меня спас, Кулл.

Атлант хмыкнул и пожал плечами:

— И себя тоже.

— Я вспомнил, — сказал Ахсур.

— Что вспомнил?

— Я вспомнил свою мать. Я видел, как ее убили...

— Кто убил? Говори толком, парень. Постарайся ничего не пропустить.

Юноша провел ладонями по щекам и, уставившись в одну точку, заговорил:

— Тогда был солнечный день. Я видел много веселых, ярко одетых людей вокруг нас. Они скакали верхом, а мы ехали в повозке. Моя мать, удивительно красивая, все время улыбалась. Рядом болтали и смеялись еще какие-то молодые женщины. Вдруг все вокруг закричали, и я увидел львицу — она бежала к нам. Пасть у нее была красная, из нее торчали огромные клыки. Вдруг появился какой-то черный человек...

Ахсур замолчал. От волнения он не мог говорить.

Северянин не торопил его, понимая, что пережитое потрясение помогло мальчику вспомнить то, что выпало из памяти тоже из-за какого-то происшествия, которое напугало его и надолго лишило дара речи.

Через некоторое время Ахсур снова заговорил:

— Этот человек с заросшим черной бородой зверским лицом схватил меня. Мать уцепилась за мою одежду и не хотела ему меня отдавать. Тогда он ударил ее ножом в грудь, и она упала. После этого я ничего не помню.

— Думаю, того, что ты вспомнил, хватит, чтобы отыскать твоего отца и других родственников. Такое не забывается. И, клянусь Валкой, если судить по твоему рассказу, они люди совсем не бедные!

— Скорей бы добраться до города. Мне не терпится все разузнать.

— Завтра будем там.

* * *

Город предстал перед ними на следующий день после полудня. На вершине большой горы даже издали хорошо были видны мощные стены дворца и храма. Чуть ниже теснились высокие каменные здания, а у подножия горы рассыпались маленькие домишки попроще перемежку с зелеными садами. Город с трех сторон был обнесен высокой стеной, сложенной из сырцового кирпича, которая заканчивалась там, где гора круто обрывалась. Дорога вела к воротам, обращенным на юг, которые, когда путники подъехали к городу, закрылись прямо у них перед носом.

Кулл страшно разозлился и принялся дубасить огромным кулаком по деревянной створке, обшитой железом, с такой силой, что выпало несколько заклепок.

— Эй, откройте! — рявкнул он — Мы не собираемся ночевать тут, как собаки!

За воротами слышались голоса. Несколько человек спорили, стоит открывать или нет. Наконец чей-то грубый голос пророкотал:

— Он развалит нам ворота, если мы не откроем. Эй,— крикнул он,— потише, а то будешь ночевать в тюрьме!

Створка чуть приоткрылась, из-за нее выглянула голова с большими висячими усами, и обладатель пропитого баса спросил недовольно:

— Кого это Тог принес? Сейчас так тебе заеду, что полетишь туда, откуда приперся! — Он со злостью уставился на Кулла.

— Ты не очень-то грози, усатый.

Кулл понизил голос, не желая обострять отношения, а сам незаметно поставил ногу в проем между створками. Усатый стражник заметил это, но его больше интересовало другое. Стоявший перед ним верзила был весь в лохмотьях, сквозь которые виднелось располосованное длинными красными царапинами тело.

— Кто это тебя так разукрасил? — спросил он удивленно.

Кулл усмехнулся:

— Львица приласкала. Соскучилась, видно, по мужскому обществу. Обняла так крепко, что насилиу от нее избавился.

— Ты что, убил ее?

— Конечно. Или, думаешь, я бы стоял сейчас перед тобой, зануда усатая? Открывай!

Стражник вышел из ворот и еще раз оглядел садины и царапины, украшавшие крепкого, широкоплечего молодца, который, судя по всему, не собирался отступать. Понимая, что открыть все равно придется, он решил не упустить свою выгоду.

— Гони золотой, тогда пропущу,— заявил он грубо.

— Это за что же? — Кулл недобро ухмыльнулся.

Стражник выставил копье вперед и грозно сдвинул брови:

— Не хочешь платить — оставайся за воротами, а будешь их ломать, очень быстро в тюрьме окажешься. У нас порядки строгие.

— Ты со всех берешь по золотой монете за въезд?

— Ворота были закрыты, когда ты подъехал,— раздраженно буркнул стражник.

— Значит, ты берешь золотой за то, что створку приоткрыл? Дорого ценишь свой груд.— Атлант просунул голову между створками и крикнул: — Эй, кто там на страже? Идите сюда.

Из ворот один за другим вышли еще три стражника. Кулл обратился к ним:

— Вот этот усатый требует золотой за то, чтобы пропустить нас. Как вы считаете, дать ему?

Стражники возмущенно заговорили наперебой:

— Вот еще! Плати всем! Он тут не один.

Кулл согласно закивал:

— И я так думаю. Всем понемножку, и никому не обидно. Держите!

Он вытащил кошель и, достав оттуда четыре мелкие серебряные монеты, раздал их каждому.

Довольные стражники открыли ворота и пропустили путников. Усатый шел позади и сердито ворчал. Этот верзила-чужестранец обошел их, заплатив четверым вдвое меньше, чем он запрашивал.

Кулл обернулся к нему и спросил:

— Где тут постоянный двор?

Стражник махнул рукой:

— Езжай туда. Хозяина зовут Хатани.

* * *

Услышав стук в ворота, Хатани очень удивился: обычно в это время никто не приезжал, потому что городские ворота закрывались, как только заходило солнце. «Кого это нелегкая

несет?» — подумал он и послал слугу узнать, кто там ломится. Услышав о двух всадниках подозрительного вида, трактирщик решил не открывать. Но не тут-то было. Ворота загрохотали так, что могли вот-вот рухнуть. Делать было нечего. Хатани сам пошел посмотреть, кто к нему рвется на постой.

Выглянув за ворота, он увидел двух спешившихся всадников: одного — высокого, полуголого и лохматого — он-то и стучал огромным кулаком, как молотом, так что доски трещали, и второго — совсем юнца, одетого вполне прилично. Оба были вооружены, и коней они держали на поводу очень хороших.

— Где хозяин? — крикнул верзила, немилосердно коверкая слова. — Долго нам здесь стоять?

Хатани пришлось ответить:

— Я хозяин. Не стучи так, чужестранец, ворота проломишь. Сейчас открою.

Когда они вошли, ведя за собой лошадей, он, забежав вперед, обеспокоенно спросил:

— Надолго пожаловали?

Высокий, сверкнув в темноте белыми зубами, улыбнулся:

— Поживем — увидим. А ты, хозяин, распорядись-ка насчет наших лошадей. Да и нам поужинать не мешало бы.

Хатани поспешил отдать распоряжения. Гости эти были ему совсем не по душе. Несмотря на темноту, он сумел разглядеть, что приехали они издалека и выглядели очень подозрительно. Здоровяк, чуть не разбивший ему ворота, видно, бродяга какой-то, потому что одет в немыслимую рвань. А с мальчишки что возьмешь? Тоже, наверное, не больно богат. Он решил предложить им самую плохонькую комнату, где обычно селил крестьян, которые приезжали из деревень на базар.

Трактирщик еще более утвердился в своем мнении, когда при свете свечи разглядел обоих. Верзила был в драных кожаных штанах и весь покрыт ссадинами и длинными царапинами, а на парне одежда выглядела потертой и запыленной, а значит, путь они проделали немалый. Каково же было его удивление, когда гости потребовали лучшую комнату и хороший ужин.

Видя, что хозяин замялся, полуголый гигант достал из переметной сумы кожаный мешочек и выразительно его потряхнул. Звон монет настолько убедил толстяка, что он расплылся в улыбке и забегал, стараясь угодить новым постояльцам.

Утолив первый голод, они позвали Хатани к себе за стол и стали его расспрашивать. Удивило его то, что юноша, почти мальчик, чисто

говорил на илурском, да и похож был на илура — светловолосый, сероглазый, светлокожий, хотя и очень загорелый. Его спутник, назвавшийся Куллом, походил на воинственного дикаря, но изъяснялся на илурском довольно сносно, хотя и сильно коверкал слова.

— Скажи-ка, хозяин, кто правит вашим кинарством? Ну и вообще какая тут обстановка?

Хатани еще раз оглядел своих подозрительных постояльцев и уклончиво ответил:

— Все зависит от того, зачем вы сюда пожаловали. Если торговать или покупать, то милости просим. Город у нас торговый. Но порядки строгие. Советник Марг, который сейчас правит вместо кинны Ровены, держит народ в узде, как и раньше при кинаре Тиборе.

Кулл налил вина в большой стакан и поставил перед Хатани:

— Позволь тебя угостить, хозяин. Мы сюда приехали не воровать и не разбойничать. Бояться нам нечего, но все же хочется узнать, что здесь за жизнь. Расскажи, будь добр.

Хатани благосклонно принял угощение, сделал несколько хороших глотков и тяжело вздохнул:

— Если честно, то паршивая жизнь.— Он пугливо оглянулся на темные окна.— Шагу нельзя ступить и лишнего слова сказать — кругом соглядатаи. Когда там,— он показал

пальцем вверх,— развал и разброд, то начинаются всякие строгости, несправедливость и преследования.

Кулл переглянулся с Ахсуром:

— Ты не бойся, Хатани, мы люди приезжие и не побежим на тебя доносить. Расскажи подробнее, что здесь делается, чтобы нам знать, как себя вести.

Трактирщик наклонился над столом, приблизив лицо к гостям, и, понизив голос, заговорил:

— Говорят, советник Марг нарочно сплавил кинну Ровену из города, чтобы самому править. А еще народ говорит, что кинар Тибор не умер, а его убили. Вот и получается, что мы перед Сигуоном беззащитны. Все ждут гибели. Сигурон разрушит город, как двадцать лет назад.

— Кто этот Сигурон?

Толстяк удивленно поднял брови и хотел ответить, но его опередил Ахсур:

— Это грозный бог Илурата, который может и карать, и миловать. Помнишь, мы видели храм, посвященный ему, на вершине горы? Это храм Сигуона.

— Помню,— сказал Кулл,— но откуда ты это знаешь?

Юноша пожал плечами:

— Знаю, и, кажется, всегда знал. Я был в храме.

Хатани с интересом посмотрел на него:

— Значит, ты жил здесь?

Ахсур с невозмутимым видом кивнул:

— Да, давно.

Кулл снова стал расспрашивать:

— Ты лучше расскажи нам поподробнее, кто такой Марг и почему он захватил власть.

Трактирщик опять пугливо оглянулся:

— Не говори так, чужестранец. И потише, не рыкай своим голосищем. Тут и стены имеют уши. Советник Марг не захватил власть. Он сделал умнее. Устранил кинара. Уж не знаю как — убил, отравил или еще что-то придумал. У кинара был сын, которого еще ребенком похитили. Он должен был наследовать трон и жреческий сан. Но, как я сказал, его похитили во время охоты на львов, а мать его убили. Кто это сделал, неизвестно. Скорее всего, горцы. По нашим законам правителем Илурата должен стать муж кинны Ровены. Она дочь Тибора, совсем молоденькая и неопытная в государственных делах. Пока она не замужем, Илуратом правит советник Марг.— Хатани остановился и значительно посмотрел на постояльцев.

Кулл подался вперед и буквально бура-кил его взглядом. Ахсур тоже не сводил с него

глаз. Хатани показалось, что юноша побледнел.

— Так.— Атлант отодвинулся от стола.— Значит, ты говоришь, что наследника похитили. Разве его не искали?

— Искали, конечно. За несколько лет всех горцев извели под корень. Только все без тол-
у.

— Но, может быть, горцы его убили? Такое ведь можно допустить?

Трактирщик усмехнулся:

— А вот и нельзя. Наследник жив. Об этом все время говорят служители Сигурона, а они-то уж знают. Если бы его убили или он умер сам, вместо него можно было бы выбрать другого Верховного жреца. А так — нельзя.— Хатани повесил голову.— Мой отец построил этот постоянный двор на руинах старого. Весь Нижний город был уничтожен. Дома разваливались на глазах, когда тряслась земля. Гнев Сигурона был ужасен. Людей тогда много погибло. Теперь нас ждет то же самое.

Кулл хлопнул толстяка по плечу:

— Не вешай носа, Хатани! Скажи вот еще что. Где кинна Ровена?

— Марг отправил ее к магу Ниттон-Тану. Никто не знает зачем. Но в народе говорят, что он решил от нее избавиться. А еще поговоари-

вают, что кинар Тибор давно хотел выдать ее замуж за этого чернокнижника.

— Разве это достойный муж для кинны?

— Конечно, нет. А что делать? Наверное, правители наши решили, что маг, который и так может взять город голыми руками, получив кинну в жены, станет рачительным хозяином. Ну а я лично считаю,— Хатани снова наклонился к гостям и понизил голос,— что советник Марг просто захотел отделаться от кинны.

Атлант хмыкнул:

— Интересные у вас дела творятся. Ну спасибо тебе, Хатани. Мы тут тоже кое-что хотим выяснить. Затем и приехали.

— Что выяснить? — Глаза у толстяка загорелись.

Кулл засмеялся:

— Позволь пока тебе этого не говорить. Мы не такие болтливые, как ты.

Хатани обиженно засопел.

* * *

На следующий день рано утром Ахсур пошел проверить лошадей и столкнулся в дверях с каким-то маленьким невзрачным человеком. Быстро и уверенно направляясь в дом Хатани,

тот смотрел прямо и несколько свысока. Как это у него получалось, трудно сказать, но, несмотря на малый рост, он выглядел внушительно.

Ахсур посторонился, низенький щуплый незнакомец, так по-хозяйски открывавший дверь, вдруг встал, словно споткнулся, и пристально посмотрел на юношу, который шагнул ему навстречу. На лице коротышки отразилось величайшее недоумение, он так впился блеклыми маленькими глазками в лицо Ахсура, что тот, гневно нахмурясь, схватился за рукоять кинжала. Тогда маленький человек, словно опомнившись, прошмыгнул в дом. Ахсур не торопясь пошел в конюшню, где стояли их лошади, и придирчиво проверил содержимое яслей, из которых они кормились.

* * *

— Так ты говоришь, он похож на кинну Ровену? — Советник Марг, стараясь скрыть волнение, вышагивал по небольшой комнате, которая находилась рядом с залом приемов. Здесь он обычно встречался со своими верными людьми.

Артавер не скрывал своих чувств; он был в большом недоумении.

— Да, господин советник, одно лицо. Вначале я подумал, что это сама кинна Ровена, одетая в мужское платье. Но когда я на него очень пристально взглянул, он расвирепел и схватился за кинжал. Так девушка не сделает. Кроме того, лицо у него очень загорелое.

— А лет сколько?

— Уже не мальчик, но еще не мужчина. Безусый юнец лет шестнадцати.

Марг задумчиво посмотрел на своего помощника:

— Артавер, неужели он так похож на кинну?

— Да, господин советник, те же глаза, те же черты лица, брови, сросшиеся на переносице, светлые волосы, а главное — взгляд. Взгляд кинара Тибора!

— Ты выяснил, кто он?

— Хозяин постоялого двора сказал, что они прибыли в город вчера вечером, этот юноша и некто Кулл, силач огромного роста и варварского обличья. Они почти ничего не сказали о цели своего приезда. Вроде что-то хотят узнать или кого-то разыскать.

Марг нахмурился и нетерпеливо поднял руку:

— Ну вот что, Артавер. Этого мальчишку немедленно доставь сюда! Немедленно.

— Как доставить? — растерялся тот.

— Как? Я тебе должен объяснять как? — Марг, обычно такой бесстрастный, вспылил. — Можешь любезно пригласить его посетить дворец, а можешь заманить хитростью, похитить, оглушить и принести в мешке. Как хочешь, но только чтобы к концу дня он был во дворце и стоял в этой комнате передо мной! Ты понял, Артавер?

* * *

После завтрака Кулл решил выйти в город — осмотреться, сходить на базар, порасспросить людей. Ахсуру он предложил остаться дома, так как считал, что он сам как чужестранец вызовет меньше подозрений своими расспросами.

Разговор с Хатани кое-что для него прояснил, но догадки, которые у него появились, требовали подтверждения. Он и раньше не сомневался, что Ахсур происходил из богатой и, возможно, знатной семьи, и если мальчика похитили, значит, у его семьи были кровные враги. Как знать, не станет ли появление парнишки в городе костью у них в горле? Вот это он и хотел выяснить.

Вернувшись на постоянный двор после целого дня, проведенного в расспросах, Кулл очень удивился, не застав там Ахсура. Он терпеливо ждал его до вечера, так как Хатани сказал, что юноша вышел за ворота после полудня. Однако когда на город спустилась тьма, атлант заподозрил неладное. Перехватив взгляд хозяина, который, проходя мимо, искоса посмотрел на него, Кулл совершенно уверился, что дело тут нечисто. Он поманил Хатани пальцем, а когда тот подошел, взял его за шкурку и хорошенько тряхнул:

— Говори, овечий курдюк, где парень?

Трактирщик перепугался, заплывшие жиром глазки его забегали.

— Не знаю, клянусь Сигуроном, не знаю,— пролепетал он.

Еще раз тряхнув толстяка, северянин поднес к его носу огромный кулак:

— Я ведь вижу, что ты что-то знаешь. Если не скажешь, расколю твою голову, как орех. Где Ахсур?

Бедолага пребывал на грани обморока. Он находился меж двух огней. Молчать было так же опасно, как говорить, и он с трудом выдавил:

— Прости, Кулл, что я не сказал тебе сразу. Ахсура схватили люди Артавера.

Атлант изумленно уставился на толстяка.

— Как схватили? За что? Кто такой Артавер? — засыпал он вопросами Хатани и при каждом вопросе встряхивал его за воротник, так что ноги толстяка отрывались от пола, а он, как мешок с требухой, повисал в воздухе.

— Отпусти,— взмолился Хатани,— я тебе все расскажу.

Когда Кулл ослабил хватку, он торопливо начал рассказывать:

— Сразу после твоего ухода пришел Артавер со стражниками. Они быстро скрутили твоего приятеля, он и пикнуть не успел. А мне приказано было молчать. Что я мог сделать? Я и молчал, чтобы самому не оказаться в тюрьме. Как я могу послушаться помощника советника Марга?

Кулл изумился:

— Парня схватили по приказу Марга?

— Думаю, да. Артавер — его соглядатай, он собирает всякие сведения для Марга о приезжих, о разговорах в народе, о настроениях людей.

Атлант усмехнулся:

— Представляю, как ты ему помогаешь.— Потом нахмурился.— Что ты ему про нас наплел?

Хатани удрученно покачал головой:

— Ты думаешь, мне нужно это — доносить на людей? Но он спрашивает, а я обязан ему

отвечать. Иначе не держать мне постоянный двор.— Он горестно вздохнул.

Кулл нетерпеливо махнул рукой:

— Это твои трудности. Что ты сказал про нас?

— Я сказал только, что вы приехали издалека и хотите о чем-то разузнать. И еще — что Ахсур раньше жил в Илурате.

— И все?

— Только это. Что я еще мог сказать? Я ничего больше не знаю.

— Разве за это могут посадить в тюрьму? — Кулл удивленно посмотрел на Хатани.— У вас за такое в тюрьму сажают?

Трактирщик растерянно развел руками:

— Сам не пойму, для чего это надо Артаверу. Когда он рано утром ко мне зашел, я заметил, что он чем-то очень взволнован. Артавер сразу спросил про Ахсура, мол, кто это. Они, видно, встретились в дверях. Я сказал ему только то, что знал. Он выбежал как ошпаренный, а потом вернулся вместе со стражниками в середине дня, когда ты уже ушел, заставил вызвать парня из комнаты, и его без разговоров скрутили.

Кулл соображал, что ему в первую очередь предпринять.

— Слушай, Хатани, где я могу найти этого Артавера? — спросил он у толстяка.

Тот не на шутку перепугался:

— Кулл, мне приказали молчать. Я вообще не должен был говорить про арест Ахсура.

— Ты что, считаешь, я тебе позволил бы промолчать, ослиная задница? Да я сейчас все из тебя вытрясу вместе с твоей трусливой душонкой! — Северянин протянул руку, намереваясь снова взять толстяка за шиворот.

Хатани отпрянул:

— Я все тебе скажу, Кулл. Пропадать так пропадать! Артавер узнавал про тебя. В любое мгновение могут нагрянуть его люди и схватить тебя тоже. Тебе надо бежать!

* * *

Кулл, разумеется, бежать никуда не собирался. Напротив, он хотел встретиться с Артавером и выяснить, что ему от них нужно. Вернее, что потребовалось правителю Илурата от двух безобидных путешественников, которые пальцем никого не тронули. Впрочем, Артавер не заставил себя долго ждать. Пока атлант разговаривал с трактирщиком, двор заполнился вооруженными до зубов людьми. Кулл выглянул в окно, убедился, что через двор ему не прорваться, и спросил у Хатани, есть ли у него черный ход.

— Есть, но Артавер о нем знает, и тебя, конечно, там уже ждут. Я предлагаю другое. Только обещай мне не мстить, а если тебя схватят, не проговоришься, что я тебе помог.

— Ладно, говори быстрее!

— В стене, которая выходит в переулок, есть проем. Он заделан одним слоем кирпича. Я когда-то собирался делать там ворота. Выбить этот кирпич тебе ничего не стоит.

— Веди меня туда! — Атлант схватил Хатани за плечо. — Быстрее, они уже ломаются в дом.

Толстяк повел его в подвал, где хранил провизию и в котором на уровне земли имелось окно, закрывавшееся деревянными ставнями. Через него корзины и бочонки, привозимые с базара, загружали в подпол. Он приоткрыл ставень и осторожно выглянул наружу. С этой стороны дома никого еще не было. Обернувшись, он тихо сказал Кулу:

— Проем как раз напротив окна. Как вылезешь, иди прямо и в него упрешься. Да спеш. Я скажу Артаверу, что ты ушел искать Ахсура в городе.

— Как выглядит этот ублюдок Тога? — то-ропливо спросил атлант.

— Маленького роста, невзрачный такой, лицо худое, глаза блеклые. Но лучше тебе с ним не встречаться, Кулл.

Атлант уже не слушал. Подтянувшись на руках, он быстро вылез в окно, и Хатани закрыл за ним ставни. Кулл в два прыжка оказался у ограды, где росли густые кусты. В темноте трудно было что-либо разглядеть, однако, помня, что сказал хозяин дома, он нащупал стену одной рукой, размахнулся и ударил по ней кулаком. Саманный кирпич оказался достаточно прочным, но стена действительно была выложена в один слой. Кулл ударил еще раз и почувствовал, как глиняная крошка брызнула из-под кулака. После третьего удара стена пошла трещинами, а несколько кирпичей, по которым пришелся мощный удар, совсем раскрошились. Четвертым ударом Кулл, выбив два кирпича, проломил небольшую дыру. Расширить отверстие было нетрудно.

Прежде чем выбраться наружу, он, высунув голову в проем, внимательно оглядел переулок: в обе стороны тянулись глухие стены, ограждавшие соседние дома. Кулл вылез и, прижимаясь к стене, бесшумно двинулся вдоль нее к улице, на которую выходили ворота постоянного двора. Выглянув из-за угла, он увидел возле ворот нескольких солдат, стоявших вокруг невысокого человечка. Атлант громко свистнул. Солдаты переглянулись, человек что-то сказал им, и они побежали туда, откуда

донесся свист. Кулл выхватил меч и бросился им навстречу.

Он неожиданно выскочил из темноты, поразив мечом сначала одного, потом другого. Бросок его был так стремителен, что маленький человек, не успев сообразить, что произошло, вдруг оказался перекинутым через плечо огромного полуголого верзилы, который вырос перед ним как из-под земли. Вскрика коротышки никто не слышал. Гигант нырнул в темноту и помчался вдоль улицы мимо глухих стен. Артавер колотил острыми кулачками по спине похитителя, но его попытки высвободиться походили на трепыхания мухи, схваченной пауком.

Кулл бежал не слишком долго. Удалившись от постоялого двора настолько, чтобы солдаты не слышали криков Артавера, он опустил его на землю и взял за горло.

— Отвечай, где Ахсур, или раздавлю тебя, как крысу.

— Какой Ахсур? — выдавил Артавер, корчась от боли и пытаясь оторвать от себя руку незнакомца.

— Сам знаешь. Где парнишка, которого ты схватил у Хатани?

Понимая, что отпираться бессмысленно, Артавер ответил:

— Он во дворце, и, возможно, именно сейчас советник Марг его допрашивает.

— Почему ты его арестовал?

— Так велел советник. Я всего лишь выполнял приказ.

— Не ври, ублюдок Тога! Я знаю, что ты был у Хатани. По твоей наводке приказали схватить парня! Чем он тебе помешал? — Атлант тряхнул Артавера так, что его маленькая головка замоталась из стороны в сторону.

— Я всего лишь сказал советнику, что он похож на кинну Ровену.

Кулл удивленно уставился на щедедушного человечка:

— Похож, говоришь? Так я и знал! Было у меня предчувствие, что мальчишка этот не из простых, а теперь не сомневаюсь, что он сын кинара.

— Сын кинара Тибора? — Артавер задохнулся от возмущения. — Сын кинара был похищен много лет назад!

— Да, был похищен и продан в рабство. А я выкупил его! Ты прогадал, Артавер, выслужился не перед тем, кем надо. Но я предлагаю вот что. Ты ведешь меня к советнику Маргу, а я замолвлю за тебя словечко перед кинаром. Может быть, он тебя простит.

Артавер замер, хватая воздух ртом. Мысль, что юноша, так удивительно похожий на кин-

ну Ровену, которого он схватил и доставил в подземелье дворца, может быть ее братом и наследником престола, так его поразила, что он лишился дара речи.

Северянин легонько тряхнул его, приводя в чувство.

— Быстрее соображай, Артавер! Пользуйся случаем загладить свою вину, пока не поздно. К тому же ведь ты и меня должен был доставить к советнику Маргу? Так пойдем к нему быстрее. Я тоже жажду с ним встретиться и поговорить!

Артавер понял, что другого выхода у него нет. Он кивнул и с трудом перевел дух, когда верзила наконец разомкнул железные пальцы. Этот человек показался ему намного опаснее, чем советник Марг, чьих ледяных глаз он боялся больше всего на свете.

* * *

Ахсур очнулся в темноте и почувствовал, что все его тело нестерпимо ноет, а сам он лежит на каменном полу. Он с трудом сел и огляделся, но ничего не увидел. Протянув руку, он нащупал стену, которая окружала его со всех сторон, словно он находился в каменном мешке. Юноша попытался встать, но только

расшиб себе темя о низко нависавший потолок.

Ахсур попробовал вспомнить, как оказался в этом подземелье. Вскоре после ухода Кулла в дверь их комнаты постучал хозяин постоялого двора и сказал, что его спрашивает какой-то человек. И действительно, его ждал тот самый коротышка, который встретился ему утром и так нагло на него пялился. Был он не один, а с целой толпой вооруженных людей. Его мгновенно скрутили, а за сопротивление отделали так, что теперь он не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Что же им от него понадобилось?

Послышались шаги, и Ахсур решил, что, вероятно, именно сейчас все выяснится. Свет факела, неровными бликами осветивший решетчатую дверь, позволил ему увидеть, где он находится, а также рассмотреть двух человек, которые явно пришли за ним. Один из них, бренча ключами, открыл замок, а другой, вооруженный, наклонившись, заглянул в темницу и сказал:

— Выходи.

Ахсур, согнувшись в три погибели, вылез наружу.

— Иди,— сказали ему, и он пошел по длинным коридорам и многочисленным лестницам, поднимаясь все выше, минуя какие-то мрач-

ные помещения с каменными сводами. Постепенно темно-серый камень сменился мрамором, коридоры стали шире и светлее. Когда его повели через залы, поражающие роскошным убранством, Ахсур понял, что он во дворце.

Наконец он попал в небольшую, просто обставленную комнату с опущенными занавесями на окнах. Сначала юноша стоял там один, недоуменно оглядываясь, но вскоре дверь напротив той, в которую его ввели, открылась, и вошел немолодой уже человек с бесстрастным строгим лицом и холодными глазами. Он внимательно посмотрел Ахсуру в лицо, и его глаза блеснули.

— Назови свое имя,— властно приказал он.

— Ахсур.

— Зачем ты приехал в Илурат?

— Это мое дело, и я не собираюсь ни с кем его обсуждать.— Ахсур смерил взглядом стоявшего перед ним человека.

Незнакомец сказал ровным голосом:

— Напоминаю, что ты арестован и находишься в полной моей власти. А я управляю Илуратом и обязан следить за всем, что в нем происходит. Отвечать на мои вопросы в твоих же интересах. От твоих ответов будет зависеть, выйдешь ты отсюда или нет. Итак, я повторяю вопрос. Зачем ты приехал в Илурат?

Юноша, поразмыслив, решил отвечать:

— Я хотел найти свою семью.

— Кто твои родители? — Острый взгляд впился в его лицо.

— Своего отца я не знаю, вернее, не помню, а матери нет в живых. Ее убили у меня на глазах.

— Кто убил?

— Какой-то человек с черной бородой. Он меня схватил, а мать не отдавала. И он ее убил.

— Ты можешь припомнить, что еще произошло тогда?

— Я помню только, что перед этим видел льва. Я очень испугался. Женщины, которые были вокруг нас с матерью, пронзительно закричали. Она прижала меня к себе, а потом появился тот человек, схватил меня, а ее ударил кинжалом в грудь.

— Что было дальше? — Холодные глаза пронзили Ахсура насквозь.

— Я не помню, что было дальше. Потом я оказался в караване. Купец Зерхан, как я понял позже, меня купил, но относился ко мне не как к рабу, а как к сыну.

— Разве ты не назвал ему свое имя? Он мог бы вернуть тебя отцу, запросив большой выкуп.

— Я не мог ничего сказать, потому что потерял речь, а знаками научился объясняться много позже.

— Так...

— А теперь скажи, зачем меня схватили? Почему ты задаешь мне эти вопросы? Что я сделал такого, за что нужно было бросать меня в тюрьму? — Ахсур зло смотрел на бесстрастного человека, который, казалось, о чем-то сосредоточенно думал.

Тот какое-то время молчал, затем спокойно ответил:

— Обстоятельства твоего похищения напоминают похищение другого человека.— Он замолчал и снова задумался. Потом решительно тряхнул головой: — Но ты не тот человек.

— Тогда освободи меня! — Ахсур возмущенно повел плечами.— Я не желаю больше с тобой говорить.

— Я с тобой тоже. В тюрьме можешь молчать сколько угодно.— Незнакомец подошел к двери и крикнул: — Стража!

Дверь отворилась, но в ней появился не стражник, а Кулл. Он стремительно вошел в комнату, за ним следом семенил тот человек, который арестовал Ахсура на постоялом дворе.

— Кулл! — крикнул юноша и бросился навстречу атланту.

На лице Марга отразилось удивление, которое он не мог скрыть, как ни пытался. Артавер, вдруг развив необычайную скорость, выбежал

из-за спины Кулла, подскочил к Маргу и залепетал, ежась под его испепеляющим взглядом:

— Господин советник, я доставил вам этого головореза.

— Скорее, он тебя доставил, Артавер. Я вижу, как ты выполнил мой приказ!

Кулл остановился посреди комнаты, широко расставив ноги, и с усмешкой заявил:

— Мне нет дела до твоих приказов. Насколько я понимаю, ты советник Марг? Зачем ты похитил моего друга?

Марг старался сохранить невозмутимость, но это плохо ему удавалось. Он направился было к двери, чтобы снова позвать стражу, но Кулл, сделав большой шаг, встал перед ним и загородил дорогу. Советник едва не уткнулся носом ему в грудь. Он увидел могучие мышцы, буграми выступавшие под кожей, широченные плечи и суровое лицо с ледяным взглядом серых глаз. Марг отступил назад.

— Я приказал доставить его во дворец, потому что он похож на одного человека. Но, как мне удалось выяснить, это была ошибка. Твой друг свободен,— сказал он надменно.

Кулл насмешливо посмотрел на советника сверху вниз:

— Так... А теперь давай еще раз выясним, кто на кого похож. Артавер! — Кулл повернулся к тщедушному человечку, который всем

своим видом старался показать, что не имеет никакого отношения к происходящему.— Ну-ка скажи, на кого похож Ахсур?

Артавер прекрасно понимал замысел Марга и не мог ему перечить, но в то же время он боялся Кулла и, самое главное, не знал, на чью сторону встать.

— Похож? А на кого он должен быть похож? — попробовал он прикинуться дурачком, мучительно соображая, что собирается делать дальше Марг.

— Вот именно, на кого он так похож, если, как только ты его увидел у Хатани, парня скрутили и уволокли во дворец?

Советник подал голос:

— Да, Артавер доложил мне, что один из постояльцев некоего Хатани похож на кинну Ровену. Я распорядился, чтобы его доставили во дворец, потому что обязан охранять государственные интересы в ее отсутствие.

— Ну и что же угрожает государственным интересам Илурата? Может быть, кроме сходства с кинной есть еще что-то?

Марг пожал плечами:

— Я уже выяснил у этого юноши. Все, что он рассказал, к кинне не имеет никакого отношения.

— Да? — Кулл пристально посмотрел Маргу в глаза.— Значит, вашего наследника пре-

стола не похитили на львиной охоте, значит, мать мальчика не закололи кинжалом?

— Все это можно было узнать у любого илура на базаре,— пожал плечами советник, презрительно оттопырив нижнюю губу.

— Я услышал об этом от Ахсура еще до того, как мы приехали в город. Вот посмотри,— атлант ткнул себя пальцем в грудь,— это следы когтей львицы, которая набросилась на Ахсура и которую я, спасая его, убил вот этими руками. Так вот, эта львица и страх, который он испытал, когда она напала, заставили его вспомнить, что произошло у него на глазах много лет назад.— Кулл повернулся к юноше: — Ахсур, повтори, что ты мне тогда сказал.

— Я уже говорил господину советнику. Когда рядом с нами оказалась львица, все закричали от страха. И тогда вдруг появился какой-то человек с черной бородой. Он схватил меня и убил мать.

Кулл снова посмотрел на Марга:

— А теперь расскажу я, что было дальше. Человек, похитивший Ахсура, продал его купцу по имени Зерхан. Направляясь в Талу-нин, мы случайно натолкнулись на караван. Ахсур узнал в одном из караванщиков человека, который вместе с другими продал его снова в рабство после смерти Зерхана. Он-то и сказал, что мальчика Зерхан купил в Илурате. Имен-

но поэтому мы поехали сюда, чтобы разузнать об отце и других родственниках Ахсура. И, кажется, мы близки к цели, господин советник?

— Каким образом этот юноша оказался на свободе, если он был продан в рабство? — спросил Марг.

Кулл широко улыбнулся:

— Я выкупил его, советник. Мне стало жаль мальчонку, над которым издевался его хозяин. Не кажется ли тебе, что все сходится и перед тобой стоит законный правитель Илурата?

Марг медлил с ответом, но Артавер соображал быстрее. Он подбежал к Ахсуру, согнулся в поклоне и подобострастно пролепетал:

— Прошу меня простить, мой господин, за то, что я, выполняя приказ, грубо обошелся с тобой.

Ахсур был так поражен, что не ответил. Он стоял, ошарашенно переводя взгляд с Кулла на Марга, с Марга на Артавера.

Атлант подошел к нему:

— Я рад, Ахсур, вернее, кинар Робад, что судьба свела нас вместе. Я готов и дальше служить тебе.— И он склонил голову. Затем повернулся к Маргу: — Не думай, советник, что я позволю тебе упрятать законного наследника Илурата в тюрьму. Не рано ли ты присвоил себе права кинны Ровены? Твое ре-

шение — еще не закон. Кроме того, есть народ, мнение которого мы спросим, если ты не захочешь признать Ахсура.

Марг молчал. Он колебался, не зная, на что решиться.

Ахсур наконец пришел в себя:

— Я ехал сюда, чтобы найти свою семью, и не знал, что чья-то злая воля лишила меня не только матери, но и права на престол. Теперь я понимаю, почему в своих снах часто видел огромный храм и церемонию посвящения Сигурону.

Советник впился взглядом в лицо юноши.

— Церемонию посвящения знают только жрецы Сигурана. Сейчас я пойду и приглашу их,— сказал он и направился к двери.

— Стой! — Кулл опять заступил ему дорогу. Взявшись за рукоять меча, он выразительно посмотрел Маргу прямо в глаза.— Пока все не выяснится до конца, я тебя отсюда не выпущу. Пошли за жрецом Артавера.

Марг насупился: к такому обращению он не привык.

— Артавер,— буркнул он злым голосом,— отправляйся в храм и пригласи жреца Трамона.

Артавер поклонился и поспешил выполнять поручение.

Марг с невозмутимым видом стоял там, где его остановил Кулл, стараясь не смотреть на

атланта. Внутри у него все кипело. Давно ему никто не перечил. Какой-то безвестный бродяга смеет распоряжаться в его собственной комнате! Но приходилось терпеть — не драться же с ним голыми руками.

Ахсур был так взволнован, что не мог ни о чем думать, а тем более говорить. Слишком много всего обрушилось на мальчика за последние несколько часов, начиная с ареста и кончая удивительной новостью, услышанной им только что от Кулла. Ужас, который он испытал, когда Марг хотел снова отправить его в тюрьму, радость при неожиданном появлении атланта, отвращение от холуйского подобострастия Артавера — все эти чувства сменились ожиданием. Жрец скажет свое слово, и он станет кинаром. В последнем он уже не сомневался. Внутренняя уверенность в своем праве на трон созрела в нем сразу, как только Кулл рассказал историю его жизни.

Атлант мерил комнату широкими шагами. Он-то нисколько не сомневался, что Ахсур — наследник правителя Илурата. Многое указывало на это, но было еще нечто такое, что давало ему право спокойно дожидаться жреца, не сомневаясь в благополучном исходе событий. Юноша обладал врожденным благородством, которое сразу бросалось в глаза всякому, кто имел с ним дело. Если бы не это качество, ко-

торое атлант заметил в первые же дни знакомства с ним, он не стал бы так спокойно ждать развязки: ведь если Ахсура не признают наследником, им грозит смерть.

За дверью слышались шаги, и в комнату вошел высокий старик в белом одеянии, за ним следовал Артавер. Жрец остановился и окинул всех присутствующих внимательным взглядом. Марг шагнул к нему, почтительно склонив голову:

— Прости, что побеспокоил тебя, мудрейший Трамон. Этот человек,— он кивнул на Кулла,— настаивает, что юноша, которого ты видишь перед собой, сын кинара Тибора. Есть кое-какие факты, которые свидетельствуют в пользу этого, но очень много сомнительного. Теперь все зависит от тебя. Юноша утверждает, что помнит церемонию посвящения Сигурону. Спроси его, что главное в этой церемонии, и все сомнения будут разрешены.

Пока Марг говорил, старик не сводил глаз с Ахсура, и на его лице блуждала странная улыбка.

— Что же ты видел в храме, дитя мое? — спросил он тихо.

— Не знаю, что было главным,— сказал Ахсур задумчиво.— Я помню только, что в храме было много служителей в белых одеждах. Меня отвели в маленькую комнату, всю

мерцающую золотом. Там стоял ларец, тоже золотой. Его открыли, и я увидел простой грубый камень круглой формы. Вернее, это был не камень. Он намного тяжелее камня и весь оплавленный, как будто сделанный из железа. Мне велели взять его в руки, и я едва смог его удержать, такой он был тяжелый!

— Этот камень упал с неба! — торжественно воскликнул Трамон.— Это знак Сигурона, который огненным смерчем послал его нам много лет назад, когда Илурат был еще маленьким селением. Мы храним его как зеницу ока. К нему никто не смеет прикасаться, кроме Верховного жреца. Ты держал его в руках, кинар Робад! Ты Верховный жрец Сигурона и законный правитель Илурата! — Старик подошел к Ахсуру и склонился перед ним в поклоне.

Атлант широко улыбнулся:

— А я и не сомневался в этом! Советник Марг слишком осторожен. Настолько, что я было подумал: он заинтересован в том, чтобы законный правитель никогда не объявился.

Марг выглядел растерянным. Он подошел к Ахсуру и виновато опустил голову:

— Мой господин, ты должен понять, что в таком деле требовалась величайшая осторожность. Отныне я буду служить тебе верой и правдой. Не таи на меня обиды. Подумай, как

было бы опасно возвести на трон самозванца.— Он повернулся к жрецу: — Мудрейший Трамон, сообщи всем служителям Сигулона о великой радости. Илурат спасен!

Кулл непочтительно прервал Марга:

— А теперь скажи нам, советник, почему кинны Ровены нет во дворце и ты вершишь все дела в Илурате?

Марг холодно посмотрел на северянина и сухо ответил:

— Выполняя волю кинара Тибора, кинна Ровена выходит замуж за мага Ниттон-Тана. По приглашению мага она отправилась в его замок. Когда закончится траур, кинна станет его женой.

— Черный маг стал бы править Илуратом! — воскликнул Ахсур, — Она не могла хотеть такого замужества!

— Конечно, она его не хотела, — сказал Марг, — Это была вынужденная мера. Кинар Тибор, умирая, решил отдать ее за мага только потому, что в противном случае маг Ниттон-Тан захватил бы Илурат силой.

Юноша взволнованно воскликнул:

— Я поеду к магу и вырву Ровену из его рук!

Советник сокрушенно покачал головой:

— Маг необычайно могуществен. Он захватил власть в Моруоле, и с этим надо считаться.

Кроме того, кинна поехала туда добровольно, и пока еще ей ничего не грозит. Но даже если бы и существовала угроза, ты не можешь покинуть Илурат. Ты должен быть здесь, управлять государством и служить Сигурону.

Атлант выступил вперед и твердо, как о само собой разумеющемся, сказал:

— В замок Ниттон-Тана поеду я.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Остров хорошо был виден с высокого гористого берега, на который Ровена и ее эскорт вышли на третий день пути. Темный конусообразный силуэт четко выделялся на фоне бледно-голубой полосы неба, которое выше становилось таким синим, что резало глаза. Над поверхностью озера Мору носился свежий ветер, и оно казалось темным от мелких волн. Ровена вдохнула полной грудью и снова обвела взглядом огромное озеро в котловине между горами, пронзительно синее небо и темный конус острова, будто прощалась со свободой.

Спустившись по пологому откосу к кромке воды, она увидела большую галеру, посланную, видимо, чтобы встретить их. Посадка заняла немного времени, и вскоре полотняные паруса наполнились свежим ветром, и судно

полетело, как птица, к острову, который, стремительно вырастая, навис над ними огромной темно-серой горой, на которой не видно было ни деревца, ни травинки. Небольшая бухточка приняла судно. От берега отошла лодка с четырьмя гребцами. Когда она приблизилась к кораблю, стало видно, что кроме гребцов в ней находился еще один человек. Ровена догадалась, что сам Ниттон-Тан выехал ей навстречу, сердце девушки забилося от волнения. Она отошла от борта к мачте, когда великий маг подойдет к ней.

Это был высокий худощавый человек неопределенного возраста. Черная повязка, закрывавшая левый глаз, придавала ему зловещий вид. Правый — карий, небольшой и блестящий — смотрел пристально, изучающе. Что-то в этом взгляде Ровене показалось знакомым. Манеры мага оказались самыми изысканными. Он поприветствовал Ровену, сказал, что очень рад ее прибытию, и предложил спуститься в лодку, чтобы, не дожидаясь остальных, отправиться в замок. Кинне ничего другого не оставалось, как согласиться.

Замок мага ее поразил, хотя она сама выросла в огромном и роскошном дворце. Он не только стоял на горе, но был ее частью. Постройки из темно-серого гранита словно вырастали из таких же мрачных скал. Ворота тя-

желой громадой нависали над водой, ко входу в замок прямо от озера вели выдолбленные в скале ступени, а от верхней площадки лестницы начинался длинный мрачный коридор.

Ровена рассматривала гладко отшлифованные стены, украшенные сложным орнаментом, который широкой полосой тянулся по обе стороны, и поражалась искусству камнерезов, что сумели создать из камня необычайно сложное переплетение всевозможных линий, как будто у них в руках был не твердый гранит, а мягкая глина. Коридор, освещаемый факелами в каменных кольцах, вел все время вверх и постоянно поворачивал в одну и ту же сторону. Они, видимо, шли внутри горы по спирали, поднимаясь на ее вершину. Наконец, когда кинне уже казалось, что коридор никогда не кончится, они вошли в огромный круглый зал. Своды поддерживались колоннами из кремового Мрамора, которые стояли двумя разорванными полукругами. В проемах между колоннами находились два больших окна, залитых синевой неба. Ниттон-Тан, взяв Ровену за руку, подвел ее к одному из них, и она замерла в изумлении, зачарованная открывшимся перед ее глазами видом: впереди и внизу простиралось огромное безбрежное озеро, ограниченное только ломаной линией горизонта.

Ровена взглянула на хозяина замка.

— Как красиво,— прошептала она.— Я первый раз вижу такое большое озеро...

Ниттон-Тан кивнул:

— Я разделяю твой восторг. Это зрелище завораживает. Озеро никогда не бывает одинаковым, оно постоянно меняет краски. Но небо еще прекраснее, особенно ночное. Идем.— Он показал рукой в сторону коридора, продолжавшего тот, по которому они пришли в зал.

Снова пошли витки спирали, только более крутые, коридор заметно сузился. Девушка устала, ноги отяжелели, стало трудно дышать.

— Уже пришли,— сказал Ниттон-Тан.— Мы на вершине горы.

Кинна сделала еще несколько шагов и оказалась на небольшой круглой площадке, огороженной каменной балюстрадой, которая доходила до пояса. Как только Ровена ступила на нее, ветер разметал ее волосы и подхватил подол платья, так что пришлось прижать его руками к бедрам. Она действительно стояла на вершине горы. Яркие лучи сияющего в вышине солнца слепили глаза, и трудно было смотреть не щурясь на раскинувшуюся внизу водную гладь. Повернувшись к магу спиной, кинна разглядела неровную темно-синюю полосу гористого берега, с которого она утром увидела остров. Ей вдруг захотелось, чтобы у нее выросли крылья. «Как было бы хорошо уле-

теть отсюда,— подумала она,— Как я хочу домой!»

— Ты скоро привыкнешь, Ровена,— сказал Ниттон-Тан, словно прочел ее мысли.— Тебя окружают здесь роскошью и удобствами. Все твои желания будут исполняться по первому слову..

— Кроме одного,— едва слышно прошептала Ровена.

Маг быстро взглянул на девушку. Кинна не заметила, как переменилось его лицо. Он подошел к балюстраде и повернулся к Ровене:

— Здесь по ночам я наблюдаю звезды. Сегодня ясный день, и, полагаю, ночь будет звездная. Если хочешь, я покажу тебе созвездие, которое определяет твою судьбу.

— Я знаю, что родилась под созвездием Лука. Наш придворный звездочет не раз показывал мне его,— ответила Ровена, пожав плечами.

— Он предсказывал тебе судьбу?

— Да, но теперь я не верю его предсказаниям.

— А ты не хочешь услышать мое предсказание? Поверь, я знаю толк в астрологии.

— Не сомневаюсь.

— В таком случае сегодня ночью я открою тебе, кинна, что говорят звезды о твоей судьбе.

* * *

Ровена шла по анфиладе роскошных залов. Ни один из них не походил на другой: зал, украшенный драпировками из золотистой парчи; зал, вдоль стен которого стояли вычурные статуи из белого мрамора; зал, расписанный яркими растительными узорами; зал, где все детали убранства были из самоцветов, переливающихся всеми цветами радуги. «Волшебство, волшебство», — шептала Ровена, торопливо пересекая очередной зал. Наконец эта нарочитая роскошь стала ей надоедать. Задумав вернуться, она пошла назад, но, пройдя несколько залов, убедилась, что еще не была в них. Проплутав еще немного, кинна поняла, что заблудилась. Стараясь не поддаваться панике, она решила идти в одном направлении, справедливо рассудив, что куда-нибудь да выйдет. Ей казалось, что она попала в потусторонний мир. Никого не было: ни слуг, ни стражи. Она уже потеряла надежду выбраться из этого заколдованного царства, как вдруг неожиданно вышла в зал с окнами между полукругами колонн. «Я здесь уже была, — обрадовалась Ровена. — Здесь где-то должен быть выход в коридор, ведущий на вершину горы».

Она нашла этот выход и стала подниматься на площадку, предчувствуя, что встретит там мага.

Ниттон-Тан стоял к ней боком и, казалось, не замечал ее. Ровена немного подождала, а затем, собравшись с духом, шагнула к нему. Маг резко обернулся. Сверкнул слепящий зеленый луч. Кинна замерла, не в силах сделать следующий шаг, но не от страха. Какая-то невидимая сила сковала ее — она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Сильный луч яркого света исходил от лица мага, и, приглядевшись, Ровена поняла, что его испускает левый глаз Ниттон-Тана, закрытый раньше повязкой.

— Я не ожидал тебя увидеть. — Маг надвинул повязку. — Теперь ты можешь двигаться.

Он подошел к Ровене и предложил ей руку. Кинна оперлась на нее, боясь, что упадет, и осторожно шагнула.

— Ты, вероятно, заблудилась? — спросил Ниттон-Тан.

— Да. — Девушка окончательно пришла в себя. — Я случайно попала сюда.

— Хорошо, что ты пришла. Я уже хотел послать за тобой. — Он подвел ее к балюстраде.

Над ними сияло небо, усеянное множеством звезд. Озера почти не было видно, лишь справа на воде серебрилась трепещущая дорожка

лунного света да снизу слышался равномерный плеск волн.

— Каждую ночь я прихожу сюда, чтобы узнать, что делается в мире. Мне не нужно никуда ехать или слать гонцов. Я могу заглянуть в любой уголок любой страны. Мне помогает мой глаз, вернее, Глаз Скорпиона, который дает мне магическую силу и власть над обитателями Вечной Тьмы.

Ровена испуганно взглянула на Ниттон-Тана.

— Позволь мне рассказать историю моей жизни. Тебе надо знать ее, потому что ты станешь моей женой. Между нами не должно быть секретов.

Я родился в Фарсуне в богатой знатной семье и юность провел, как все отпрыски фарсунской знати — в забавах и праздности при дворе. Но, взрослея, я почувствовал тоску и неудовлетворенность и понял, что такая жизнь меня не устраивает. Я жаждал какой-то деятельности, мне хотелось проявить себя, испытать, на что я способен. Вскоре представился удобный случай. Я получил наследство, сколотил на эти деньги довольно большой отряд, снарядил его и отправился на восточную границу, где часто происходили стычки с кочевниками. Не буду вдаваться в подробности этого похода. Однажды, преследуя отряд кочев-

ников, мы прижали их к горной гряде, которая разделяет Фарсун и Туранию, и, уничтожив его, решили вернуться домой, перевалив через горы. Там мой отряд натолкнулся на странное сооружение. Разыскивая место для ночлега, мы вошли в пещеру, оказавшуюся очень большой и глубокой. Я взял с собой двух человек, и мы пошли вглубь нее. Вскоре проход, по которому мы пробирались, вывел нас в большой круглый зал с низкими сводами, в середине которого лежала простая каменная плита. Я подошел к ней, поднес факел и увидел, что это чье-то надгробие. Оно было украшено изображением скорпиона, сделанного из цельного куска черного агата величиной в локоть. Лишь потом я узнал, что натолкнулся на могилу некогда могущественного колдуна Рам-Ту. А тогда я смотрел на черного скорпиона и боролся с желанием украсть его глаз, хотя прекрасно сознавал, что это святотатство. Дело в том, что в свете факела глаз агатового жука сверкал ярко-зеленым светом, и я подумал, что он сделан из огромного изумруда. Я долго колебался, но все-таки вынул его из глазницы. Он был размером с человеческий глаз, но оказался не изумрудным. Я приставил его к своему глазу, чтобы рассмотреть, из чего он сделан, и вдруг случилось такое, чего я, конечно, не мог ожидать. Глаз Скорпиона, опалив мне ресницы,

впился в мой глаз, выжег его и занял его место. От страшной боли я чуть не сошел с ума, но она вскоре утихла, и я понял, что получил всевидящее око, с помощью которого могу все знать и все видеть. Оно оказалось и оружием, которым я мог лишить любое существо способности двигаться. Мгновенно ко мне пришло знание, что часть магической силы Рам-Ту перешла ко мне. Сам того не желая, я стал его преемником .

Ниттон-Тан замолчал.

— А второй Глаз Скорпиона? — спросила Ровена, замирая от страха, который охватил ее,— Неужели у него был только один глаз?

— Один. Думаю, я оказался не первым, кто посетил пещеру. Вероятно, второй глаз находится у того, кто побывал там до меня. Уверен, будь у меня оба глаза, я имел бы полную и всеобъемлющую власть над силами Вечной Тьмы. Я бы стал бы повелителем всех демонов и джиннов. Я стал бы властелином этого мира.— Ниттон-Тан повернулся к Ровене.— И пусть сейчас я не обладаю этой властью в полной мере, ты все же понимаешь, чьей женой тебе предстоит стать?

— А ты понимаешь, что я вовсе не хочу этого? Только страх перед твоим могуществом и невозможность защититься заставили моего отца согласиться на этот брак. Я выполню во-

лю отца, хоть он и не спрашивал моего мнения.

— Ты исполняешь не только волю отца, но и то, что тебе предначертано звездами. А от судьбы не уйдешь.— Ниттон-Тан пристально посмотрел на кинну.— Я не открою тебе мистические тайны, которые позволяют читать прошедшее, понимать настоящее и предвидеть будущее. Я их знаю, но тебе это ни к чему. Для того чтобы постигнуть свою судьбу, вовсе не обязательно обладать сверхъестественной силой. Достаточно взглянуть на ночное ясное небо, на россыпь звезд. Многие мудрецы черпали свои знания в этом бесконечном множестве небесных светил, от которых зависит человеческая жизнь. Наши судьбы начертаны на небесах. Небесные тела побуждают нас поступать так, а не иначе, но не принуждают. Если бы люди могли знать, как звезды влияют на их поступки, то убедились бы, что повинуются им слепо, с рабской покорностью и не всегда благоразумно. Лишь очень немногие, кто умеет читать в звездном небе, как на восковых табличках, могут действовать сознательно.

Ровена смотрела на россыпь звезд, которые то ли оттого, что она смотрела на них с вершины горы, то ли оттого, что ночь была необычайно ясной, казались ближе, ярче, искристее. Она закинула голову, и ей показалось,

что она плывет в черном пространстве. Нитон-Тан тоже запрокинул голову и протянул руку:

— Вот смотри — там твое созвездие. Сначала я скажу, какие черты твоего характера оно определяет. Люди, родившиеся под ним, от природы великодушны, бодры и обладают очень живым темпераментом. Они честолюбивы, стремятся к власти над людьми, но милостивы к угнетенным и скорбящим. Главная особенность их ума — быстрые решения, характера — хладнокровие. Эти люди, как правило, красивы, всегда веселы, оживленны, доброжелательны и свободны в обращении с людьми. Ну как, ты узнаешь себя, Ровена?

Кинна пожала плечами:

— Чтобы сказать все это, необязательно смотреть на звезды. Достаточно хорошо разбираться в людях и иметь жизненный опыт.

— Я мог бы сказать то же самое, не видя тебя. Впрочем, это еще не все. Люди, родившиеся под созвездием Лука, живут и действуют под знаком Огня. Замечу, что весь окружающий нас мир делится на четыре элемента: Огонь, Землю, Воздух и Воду. Те, кто родился под знаком Огня, имеют натуру горячую, деятельную. Они великодушны, доброжелательны, честолюбивы и веселы. Однако они не способны вникнуть в суть вещей и понять

скрытый ход событий. Они одарены большим здравым смыслом и умеют управлять другими людьми. И в то же время они легко подчиняются какому-либо могучему и сильному уму.

Ниттон-Тан остановился. Затем, после недолгого молчания, заговорил снова:

— Ровена, ты предназначена мне в жены самими звездами. Я вознесу тебя высоко над остальными людьми. Я дарую тебе премудрость жизни и власть над смертью.

— Я уже слышала это недавно. Ах, да! Старуха сигани предсказывала мне судьбу.— Девушка пристально посмотрела на Ниттон-Тана.— Сигани — это ты!

Темно-карий глаз мага сверкнул в лунном свете.

— Да, я принял образ старухи и предсказал тебе судьбу, потому что хотел, чтобы ты ехала сюда с легким сердцем. Кроме того, мне нужно было быть рядом с тобой. Тебе угрожала опасность.

— Какая?

— Румелия хотела тебя убить.

— Этого не может быть. Я не верю!

Ниттон-Тан усмехнулся:

— Придется поверить, Ровена. Я тебе только что объяснил, что обладаю всевидящим оком. Надеюсь, ты не будешь возражать, если

я удалю Румелию из твоего окружения ради твоей же безопасности.

Ровена растерянно молчала. Она впервые встретилась с коварством и обманом. Вместо благодарности к магу за то, что он открыл ей глаза, она почувствовала страх и отчаяние. Зачем она приехала сюда? Зачем послушала Румелию и по своей воле заточила себя в этом ужасном замке?

Тяжело вздохнув, кинна отвернулась и посмотрела в сторону не видимого в темноте далекого берега.

* * *

Румелия шла по длинным путаным коридорам замка. Когда она вошла в зал и увидела высокого худощавого человека с суровым лицом и жестким взглядом единственного глаза, ей стало не по себе. Она знала, что эта встреча неизбежна, страшилась ее и в то же время желала, понимая, что ее дальнейшая судьба зависит от воли Ниттон-Тана.

Маг сидел в большом кресле эбенового дерева. Когда Румелия приблизилась, он встал.

— Я рад нашей встрече, Румелия,— сказал он.— Полагаю, ты не будешь держать на меня зла после того, что я тебе предложу.

Румелия стояла потупив глаза. Он вплотную подошел к ней и отвел прядь волос у нее со лба.

— Странно, что все твои помыслы направлены на то, чтобы мстить. Мечь стала смыслом твоей жизни. Ты красивая женщина, Румелия. Неужели смерть Тибора тебя не удовлетворила? Ведь он единственный виновник твоих несчастий.

— Я тоже спрошу тебя. Разве мои страдания кончились? Разве я обрела то, чего меня лишили: родной дом, родителей, положение в обществе? Теперь я вынуждена всю жизнь скитаться.

Ниттон-Тан задумчиво посмотрел на нее:

— У тебя неженский характер и удивительная сила духа. Я обещаю тебе свое покровительство, если ты выполнишь мою просьбу.— Затем тоном, не терпящим возражений, продолжил: — Прежде всего ты должна оставить Ровену в покое. Она будет моей женой, и я не допущу, чтобы ей угрожала хоть малейшая опасность. Впрочем, я полагаю, ты скоро покинешь нас и отправишься в Илурат.

Румелия встрепенулась:

— В Илурат?

— Да. Для тебя там есть дело. Ты убьешь кинара Роба да.

Румелия растерянно смотрела на мага:

— Я ничего не понимаю.

Ниттон-Тан усмехнулся:

— Ничего удивительного. Ведь ты считала, впрочем, так же как и все, что Робад либо погиб, либо исчез и уж во всяком случае он не появится в Илурате. Но он сейчас там, стал кинаром, служители Сигуруна признали его Верховным жрецом.

— Как такое могло случиться?

— Илурат обрел законного правителя благодаря атланту Куллу. Он выкупил его из рабства, сопровождал в Илурат, наконец, он убедил Марга, что юноша по имени Ахсур и есть сын кинара Тибора.

— Он действительно сын Тибора? — взволнованно спросила Румелия.

— Да. И это меня совсем не устраивает. Если Ровена узнает, что Робад вернулся домой, она откажется выйти за меня замуж, и кинар ее, конечно, поддержит. Недаром Кулл уже в дороге. Он едет сюда, чтобы сообщить Ровене о брате и забрать ее с собой. Но этому не бывать! — Маг зло прищурил единственный глаз. — Атлант будет иметь дело со мной. А ты, Румелия, устранишь Робада так же, как устранила Тибора. За эту услугу я обещаю тебе свое покровительство и любые блага. Какие пожелаешь.

Румелия удивилась:

— Почему ты сам не можешь с ним расправиться? Ведь тебе это совсем не сложно.

Ниттон-Тан усмехнулся:

— Ошибаешься, дорогуша. К сожалению, я вынужден воспользоваться твоими услугами по двум причинам. Во-первых, Робад — жрец Сигурана и, как только он приступил к служению этому грозному богу, сразу же обрел его защиту и покровительство. Во-вторых, его смерть должна быть естественной, иначе Ровена заподозрит, что я приложил к этому руку. Она возненавидит меня и не выйдет за меня замуж. А мне этот брак нужен. С его помощью я легко приберу Илурат к рукам. Но для этого нужно, чтобы новоиспеченный кинар как можно быстрее встретился со своим отцом.

Румелия злорадно усмехнулась: такой поворот событий ее вполне устраивал. Она не собиралась всю жизнь проводить в служанках у Ровены.

— Я убью Робада,— твердо сказала она.

* * *

После разговора с Ниттон-Таном Ровена пребывала в страшном волнении. Она ходила взад-вперед по своей спальне, мучительно раздумывая, как быть. Мысль о том, что ей всю

жизнь придется прожить на острове, видя вокруг только небо и воду, в этих холодных, пустынных каменных залах, ее ужасала. Мага она боялась, хоть он был предупредителен и любезен, ибо чувствовала в нем железную волю и сверхъестественную силу. Несмотря на его заверения, что он не хочет подчинять ее себе, Ровена не сомневалась, что это его единственная цель. Она не хотела становиться игрушкой в его руках! Но что делать, что делать? Маг ясно дал ей понять, что не выпустит ее из дворца.

Кинна тяжело вздохнула и присела на край кровати, застланной прекрасным шелковым покрывалом. Здесь, в этом замке, все было красиво. Но Ровену не радовала эта волшебная красота: в ней не было того тепла, которое даруют вещам, создавая их, руки людей. Ей казалось, что, проснувшись, она может вдруг оказаться на гряде серых камней, покрывало превратится в пыльную паутину, а маг станет отвратительным существом под стать демонам Тьмы, властью над которыми он обладает.

Проведя рукой по лицу, девушка обессиленно опустила на кровать и утомленно прикрыла веки. Она лежала так очень долго, не засыпая, но и не бодрствуя. Какие-то смутные образы посещали ее, мысли, которые она не успевала додумать, возникали в воспаленном

мозгу и исчезали под напором неясных воспоминаний и неосуществимых желаний. Но вот все покрылось мраком, и она погрузилась в клубящуюся тишину. Ровена всматривалась в густой туман, чувствуя, что там, за ним, ее спасение. Неожиданно пелена рассеялась, и кинна увидела так хорошо знакомый ей зал приемов во дворце Илурата. На троне, который изо дня в день, вплоть до своей болезни, занимал кинар Тибор, сидел юноша с удивительно знакомым лицом. Где она видела эти серые глаза и темные брови, сросшиеся на переносице? Нежный овал лица, обрамленный светлыми волосами? Красивый и в то же время властный изгиб ярких свежих губ? Неужели это она сидит на троне? Но почему в мужской одежде?

Видение исчезло, и Ровена резко села, дрожа от мысли, которая неожиданно осенила ее, как только образ юноши исчез.

— Это Робад,— прошептала она, в то же мгновение обретая уверенность, что брат нашелся, что он правит Илуратом и что он ее спасет. С этой мыслью к ней пришли уверенность в себе и хладнокровие. Она не будет сидеть сложа руки и попыбует вырваться отсюда. Она должна бежать из замка!

Кинна встала и направилась к выходу из спальни. Прежде всего нужно найти мага и

сказать ему, что она уезжает. Если он будет возражать и чинить ей препятствия, она попробует действовать хитростью и постарается его уговорить. Если же и это не поможет, придется искать способ для побега. Как убежать от всевидящего мага? В эту минуту она не знала ответа, но отчаиваться нельзя. Нужно приложить все силы, чтобы выбраться отсюда.

Ровена шла по бесконечному коридору, не зная, куда он ее приведет. Кругом не было ни души. Может быть, из-за того, что сейчас ночь? Где стража? Где придворные? Чувствуя, что страх снова овладевает ею, она ускорила шаг и почти побежала. Краем глаза девушка заметила слабо освещенный боковой проход, завернула туда и, пройдя еще немного, услышала голоса. Вдруг одно слово, произнесенное довольно громко, заставило ее остановиться. Илурат! Кто мог здесь, в этом мрачном замке, говорить об Илурате? Стараясь не шуметь, она сделала несколько осторожных шагов вперед. Проход заканчивался, видимо, каким-то большим помещением, откуда и доносились голоса. Услышав ясно прозвучавшую фразу, произнесенную знакомым голосом, Ровена встала как вкопанная.

— Считайте, что теперь Илурат наш.

Она затаила дыхание и, сделав еще шаг, выглянула из-за угла. В середине большого зала

со стенами, задрапированными красными бархатными занавесями, стоял круглый стол, за которым находилось человек десять. Как раз напротив нее сидел маг Ниттон-Тан. Черная повязка закрывала, как и прежде, его левый глаз, а правым он обводил гостей, сидевших к ней спиной или вполоборота. Все они были совершенно лысыми, круглые блестящие головы на толстых шеях казались сделанными из слоновой кости.

— Валузия находится за грядой Моруанских гор, которые для нас не помеха,— словно змея, прошипел один из них.— Она будет следующей.

— Стоит нам ее захватить, с остальными справиться будет нетрудно,— сказал маг.— Скоро все Семь Империй окажутся у наших ног.

— Люди станут нашими слугами,— раздался еще один шипящий голос.

Говоривший повернул голову к соседу, и Ровена чуть не вскрикнула от ужаса. Она увидела тупую змеиную морду с мелькавшим раздвоенным языком. Холод пробежал у девушки по спине, волосы зашевелились, ноги задрожали. Она схватилась за стену, чтобы не упасть. Так вот кем повелевает Ниттон-Тан! Монстры, которые мечтают захватить мир и властвовать над людьми. А она нужна ему, чтобы

подчинить Илурат! Моруол уже в его власти. Следующей станет Валузия, а затем и другие страны.

Ровена стряхнула с себя оцепенение и начала тихо отступать, чтобы не потревожить собрание чудовищ. Ниттон-Тан не должен знать, что она разгадала его замыслы. Ей во что бы то ни стало нужно вырваться из замка. Необходимо предупредить правителей о страшной опасности, которая подстерегает их страны и народы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кулл, вызвавшись ехать в замок Ниттон-Тана, прекрасно представлял, что это путешествие не будет легкой прогулкой. Не однажды в своей жизни сталкиваясь с Темными Силами, он пришел к твердому убеждению: нужно держаться подальше от всего, что связано с колдовством. Ни меч, как бы искусно он им ни владел, ни смекалка не давали преимущества в борьбе со всякой поганью, которой еще так много в мире. До сих пор ему удавалось выпутываться из разных передраг, но всегда при этом немалую роль играло везение. Повезет ли ему сейчас?

Он наотрез отказался от вооруженного отряда, который предложил ему кинар Робад, потому что был убежден: победить мага обычным способом — в сражении или осадой — невозможно. Ему не верилось, что Ниттон-

Тан отпустит кинну по-хорошему, хотя он допускал, что маг согласится выслушать посланца кинара и впустит его в замок. Что будет дальше? Скорее всего, предстоит схватка один на один, и ему остается уповать только на удачу и помощь Валки.

Сильный вороной конь нес его по зеленой равнине Илурата к горной гряде, синей ломающей линией проступавшей вдаль. До гор предстояло ехать два дня. Кулл не сомневался, что ему ничего не грозит, пока он не доберется до озера. День выдался на удивление хорошим. Солнце ласкало лицо горячими лучами, свежий ветерок развеивал волосы и охлаждал разгоряченное быстрой ездой тело. Конь выстукивал копытами равномерную глухую дробь по хорошо накатанной дороге, которая ровной лентой бежала навстречу. Изредка попадались крестьянские телеги и одинокие путники, да и то вблизи селений, возникавших время от времени то с одной, то с другой стороны дороги. Когда далеко впереди появилось светло-серое облако, Кулл удивился, но коня осаживать не стал, а лишь попытался рассмотреть, что же это такое.

Проскакав еще немного, он сообразил, что навстречу движется большая отара овец. Помянув про себя Тога, а пастуха обозвав совершенно неприличным словом за то, что гонит

овец по дороге, Кулл приостановил коня, намереваясь свернуть в сторону и объехать отару. Взглянув вперед, он заметил, что от отары отделилось что-то черное и помчалось к нему. Атлант поразился, как стремительно бежит баран, который, видимо защищая свое стадо, бросился на врага. Увидев два огромных загнутых рога, которые были уже совсем близко, он дернул повод и отвернул коня в сторону. Баран пролетел мимо, резко встал, пропахав передними ногами две глубокие борозды, развернулся и, опустив голову, понесся назад.

Кулл уже съехал с дороги, когда баран налетел на коня и ударил его сзади. Удар пришелся снизу вверх по правой ляжке вороного, конь присел, громко заржал от боли и повалился на бок. Кулл едва успел выскочить из седла. Баран уже стоял перед ним, готовясь нанести очередной удар. Голова с тяжелыми витыми рогами была низко опущена, маленькие глазки, налитые кровью, смотрели в упор. Атлант выхватил меч и, расставив ноги, приготовился к нападению, в душе посмеиваясь над тем, с каким противником ему приходится сражаться.

Разъяренное животное снова бросилось на него, и он едва успел увернуться. Удар меча пришелся вскользь по рогу. Баран на этот раз пролетел недалеко и, быстро развернувшись,

снова замер в боевой стойке. Кулл разозлился. «Ах ты, тупорылая bestия!» — выругался он, увидев, что его конь, лежавший на боку, выгибая шею и упираясь передними ногами в землю, безуспешно пробует подняться. Северянина изумило упорство барана, броски которого были какими-то остервенелыми и явно свидетельствовали о том, что животное охвачено бешенством. Кулл выставил меч, метя барану между лопатками, и весь напряжился, ожидая очередного броска. Тот не заставил себя ждать и ринулся в бой. Кулл отклонился в сторону, но баран, вместо того чтобы пролететь по прямой мимо, вильнул, со всего маху налетел на человека и сбил его с ног. Атлант безмерно удивился, однако ему некогда было раздумывать над необычным для тупого животного поведением. Он вскочил на ноги в то самое мгновение, когда баран снова бросился на него. На этот раз Куллу удалось полоснуть его мечом по спине. Тот громко заблеял, завертелся на месте, но толстый слой жира защитил его от серьезной раны. Отпрянув в сторону, он снова изготовился к броску.

Взгляд горящих злобой глаз, как это ни странно, не был тупым. Кулл видел, что баран внимательно следит за ним и как будто примеривается, куда ударить. Атлант не стал ждать, когда зверь снова нападет. Он стремительно

прыгнул вперед, но в это самое время овцы из приблизившегося стада живой волной набежали на него, и он, потеряв равновесие, упал на мягкие спины. Баран тоже оказался среди сплошного потока живых тел. Он напрыгивал на овец, подминая их под себя, и бешено пробивался к Куллу, который барахтался среди животных и тщетно пытался встать на ноги. Баран немилосердно бил жалобно блеющих овец тяжелыми рогами, топтал их копытами и все ближе подбирался к Куллу, который встал наконец, но с трудом удерживал равновесие под их напором. Атлант уже не сомневался, что баран, так упорно стремившийся убить его, не просто взбесившееся животное. Его глаза глядели слишком осмысленно, а следующие один за другим броски говорили о том, что он не отстанет, пока не удовлетворит жажду убийства.

Кулл уже не потешался над тем, что его противник — безмозглая скотина. Он страшно разозлился. Баран лишил его коня, который так и не смог подняться и, лежа на боку, с удивлением смотрел, как овцы, напирая одна на другую, взбираются на него, переваливают, а затем, теснясь и шарахаясь, идут дальше. Сам Кулл чувствовал сильную боль в бедре и с трудом удерживал равновесие, так как не мог опереться на раненую ногу.

Баран, который подошел уже совсем близко, рванулся вперед, высоко подпрыгнул, но очередная волна овечьих тел погасила силу его удара. Кулл схватил его за витой рог, приподнял и, держа на вытянутой руке, пырнул мечом в брюхо. Баран затрепыхался, разбрызгивая кровь, хлынувшую из огромной раны, а атлант тем временем нанес еще один удар, уже смертельный, по горлу. Тело животного обмякло, глаза остекленели, и Кулл с отвращением бросил окровавленную тушу на землю.

Отара уже прошла. Погонщик, шагавший немного позади, весело посвистывал и покрикивал на собак.

— Ты чего не свернул? — крикнул он Куллу.

— А ты почему гонишь отару по дороге, отродье? — зло пробурчал атлант, утирая со лба пот.— Вот, смотри, я прикончил твоего бешеного барана.— Он пнул ногой черную тушу.

На простоватом лице погонщика отразилось удивление.

— Какой баран? Этот, что ли? — Он почесал в затылке, озадаченно глядя на животное, валявшееся в пыли.— У меня баран серый.

Кулл молча направился к коню. Ему вдруг расхотелось выяснять, что это за баран и откуда он взялся.

— Есть здесь поблизости жилье? — крикнул он вслед удалявшемуся пастуху.

Тот обернулся и махнул рукой в ту сторону, откуда гнал отару:

— Дойдешь до реки — там деревня.

* * *

Кулл совсем выбился из сил, пока добрался до небольшой деревушки. Коня приходилось тащить почти на себе. Вороной сильно припал на заднюю ногу и еле-еле переступал передними, так что атланту пришлось, перекинув повод через плечо, чуть ли не волоком тянуть его за собой. Было уже совсем темно, когда он добрался до первого дома деревни.

Кулл тихонько постучал в дверь и очень удивился, когда она сама собой открылась от легкого прикосновения костяшек пальцев. Войдя внутрь, он удивился еще больше. В доме было что-то вроде таверны. За тремя или четырьмя грубо сколоченными столами сидели несколько человек довольно странного обличья. Они потягивали вино и переговаривались, но, когда он вошел, все, как по команде, повернулись в его сторону. У атланта невольно мелькнула мысль: «Ну и рожи!» Все выглядели так, будто только что побывали в хорошей

потасовке. У одного был подбит глаз, у другого полуоторвано ухо, у третьего вывернута в суставе рука, у четвертого располосовано лицо. Приглядевшись повнимательнее, Кулл обнаружил, что у посетителей кабака имелись увечья и посерьезнее. Но голод и усталость так сильно донимали его, что он не стал рассматривать незнакомцев, а громко позвал:

— Хозяин!

Смуглый моложавый старик с окладистой курчавой бородой поспешил ему навстречу.

— Прикажи напоить коня, а мне — добрый ужин и кувшин вина.

Кулл прошел к столу, за которым сидели двое, и, придвинув стул, уселся, устало вытянув ноги.

— Не против, парни? — спросил он для приличия.

Те заулыбались и радостно закивали. В ожидании ужина Кулл пригляделся к своим соседям. Один из них, рыжий верзила в панцире из толстой кожи, какие обычно носят пехотинцы, был весь покрыт запекшейся кровью, а между шеей и плечом у него зияла глубокая рана — след от удара мечом или саблей. Второй — невысокий и щуплый юноша в восточном халате, похожий на туранийца, все время теребил черенок стрелы, застрявшей у него в груди, причем так глубоко, что наконечник на-

верняка высовывался из спины. Раны, насколько мог судить Кулл, были смертельными, но, несмотря на это, оба сидели как ни в чем не бывало и даже улыбались.

— Кто вас так разукрасил? — спросил Кулл, чтобы завязать разговор.

Рыжий широко осклабился:

— Мне не повезло. Когда мы дрались с пиктами, я зазевался и получил удар по плечу. Даже не увидел, кто саданул меня тесаком по ключице.

— Ну и как, не болит? — поинтересовался Кулл, у которого появилось нехорошее предчувствие.

— Уже не болит, — ответил рыжий и засмеялся.

Юноша, не переставая теревить стрелу, вступил в разговор:

— А я даже в бою не участвовал, был в обозе. Как же я удивился, когда увидел, что меня эта грондарская стрела проткнула насквозь!

— Чья, говоришь, стрела? — переспросил атлант, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Грондарская.

— Значит, вы участвовали в разных сражениях?

— А что тебя это так удивляет? — спросил юноша.

Кулл не ответил. Ему расхотелось ужинать.

— Пойду посмотрю коня,— сказал он, вставая, и торопливо направился к выходу.

С хозяином таверны он столкнулся в дверях.

— Уходишь? — спросил тот удивленно.—

А как же ужин?

Кулл очень проголодался, но ужинать в такой компании не хотел.

— Ты можешь мне дать отдельную комнату? — спросил он старика, внимательно оглядывая его с ног до головы, но видимых увечий у него не обнаружил.

— Как скажешь.— Хозяин подмигнул атланту и тихо спросил: — Хочешь девочек?

— А что, разве есть? — удивился Кулл.

— Еще какие! Пальчики оближешь,— хихикнул старик.— Пойдем! — И повел его к лестнице, которая вела на второй этаж.

— Какие-то странные у тебя посетители, хозяин,— сказал осторожно атлант.— Кто они?

Старик, поднимавшийся по лестнице впереди, оглянулся:

— Не пойму, откуда их Тог принес!

Кулл немного успокоился, а когда увидел накрытый стол, настроение у него сразу поднялось. Каких только яств там не было! Забыв обо всем, он с жадностью набросился на еду. И лишь услышав звук флейты, он оторвался от очередного блюда, да так и застыл с непроже-

ванным куском во рту и стаканом вина в руке. И потом уже не прикасался ни к еде, ни к вину, потому что его охватила совсем иная жажда.

На середину комнаты вышли три девушки необыкновенной красоты и под мелодичные звуки, извлекаемые из флейты темнокожим вендусом в белой чалме, который сидел скрестив ноги на полу у двери, принялись танцевать, томно и сладострастно покачиваясь в такт нежной мелодии. В голове пронеслась мысль: «Откуда здесь такие красотки?» — но он сразу же забыл обо всем, одурманенный звуками флейты и необыкновенным танцем, который против воли разжигал желание.

Девушки изгибались и покачивались, следуя за малейшим переливом прихотливой мелодии, их тела, просвечивавшие сквозь тончайший шифон, казалось, были без костей. Одна из танцовщиц отличалась особенной прелестью. У нее была необыкновенно белая кожа, на щеках пламенел нежный румянец, яркие полные губы полуоткрылись, показывая ровные жемчужные зубы, блестящие глаза мерцали из-под длинных ресниц. Она не сводила с атланта призывного взгляда. Завороженный ее танцем, он с трудом перевел дыхание, протянул к ней руку и позвал:

— Иди ко мне, красавица!

Девушка не заставила себя упрашивать. Она подбежала к нему, села на колени и приникла губами к его рту. Атлант задохнулся от жгучего желания. Не отрываясь от ее губ, Кулл поднялся, подхватил девушку на руки и понес к широкому ложу в затемненном углу комнаты. Прихотливая мелодия флейты продолжала литься. Кулл положил девушку на ложе, она закинула руки ему за шею и приникла к нему всем юным гибким телом. Обняв ее и прижавшись губами к ее груди, атлант почувствовал, как еще две пары рук прикоснулись к нему и принялись ласкать его спину и бедра. Наслаждение и желание захлестнули его горячей волной. Он принимал ласки девушек и ласкал их сам, в то время как сладостные звуки флейты продолжали литься и заполнять комнату. Страсть захватила атланта целиком, и в какое-то мгновение он лишь бездумно отметил, что флейта вдруг смолкла. В наступившей тишине слышались только звуки поцелуев, вздохи и тихий невнятный шепот, который постепенно становился все громче и громче, пока наконец не перешел в шипение.

Кулл, с закрытыми глазами лежавший в объятиях трех девушек, почувствовал, что их руки, переплетаясь вокруг него, слишком уж крепко его обнимают, так крепко, что становится трудно дышать. Он открыл глаза и дико

вскрикнул. Перед ним качались три отвратительные змеиные головы, а сам он весь был перевит телами рептилий толщиной в руку. Из раскрытых пастей высовывались раздвоенные языки, острые зубы, наполненные смертельным ядом, приближались к его лицу. Он напряг все мышцы и рванулся, но хватка чудовищ ничуть не ослабла.

Неимоверным усилием он высвободил правую руку и, схватив одну змею за шею, сдавил изо всех сил. Тело змеи обмякло, и Кулл почувствовал, что может шевелить левой рукой. Он поймал еще одну гадину и сжал так же, как первую. Теперь он держал в каждой руке по змее, которые разевали пасти в предсмертных конвульсиях, но третья тем временем уже касалась его губ раздвоенным кончиком языка. Кулл зарычал от отвращения и, с силой соединив вместе змеиные головы, зажатые в руках, ударил ими третью. Одновременно он выгнулся, освободил ноги и, бешено рванувшись, вскочил, сбрасывая с себя ослабевшие кольца всех трех гадин. Однако третья змея не погибла. Мгновенно опомнившись от удара, она свернулась кольцом, а затем, вытягивая голову вверх, начала подниматься и раскачиваться, готовясь к броску. Ее движения напомнили атланту движения девушки в танце, но он лишь зло усмехнулся и схватил меч.

— Иди ко мне, красавица,— свирепо процедил он сквозь зубы.

Змея бросилась на него, но Кулл ловко подставил острое лезвие, и перерубленное надвое тело упало к его ногам.

* * *

Крепко сжимая меч в руке, атлант выскочил из змеиного логова на лестницу и, посмотрев вниз, увидел, что таверна по-прежнему заполнена странными калекami. Попойка продолжалась.

— Где хозяин? — взревел он, намереваясь посчитаться с трактирщиком, который подсунул ему таких «девочек».

Окинув комнату быстрым взглядом, хозяина он там не обнаружил, но заметил, что все, кто сидел за столами, глядя на него в упор, стали подниматься, вытаскивая оружие. Ножи и сабли, мечи и ятаганы заблестели в тусклом свете жировых плашек.

Кулл медленно спустился с лестницы и зло прорычал потрепанным в сражениях воинам:

— Мало вы получили, ублюдки, еще хотите?

Он встретился взглядом с рыжим воином, который шагнул к нему первым и замахнулся

длинным мечом. Улыбка уже не играла на его лице. Глаза, смотревшие на атланта в упор, были пустыми, безразличными. Зазвенела сталь, и Кулл сразу понял, что перед ним сильный противник. Он бился с рыжим великаном, но не оставлял без внимания и остальных, которые бросились к ним со всех сторон. Атлант, прижавшись спиной к стене, ловко отражал удары насевших на него калек, и только их увечья позволили ему довольно быстро положить нескольких. Рыжий воин наступал. Кулл изловчился и ударил его по старой ране, которая зияла глубоким разрезом, наполненным черной спекшейся кровью, но верзила даже глазом не моргнул, и лишь его меч замелькал еще быстрее.

Непрерывно орудуя клинком, Кулл почувствовал, что ему стало трудно дышать: страшное зловоние заполнило комнату. Проткнув живот очередному противнику, ожесточенно бросившемуся на него, Кулл едва успел отбить удар своего основного врага. Тогда он решил изменить тактику: оторвавшись от стены, стремительно бросился вперед и, обрушив свой меч на меч противника, выбил его оружие из рук. Второй удар свалил великана с ног, а третий рассек ему голову.

Кулл снова отпрыгнул к стене, взмахнул мечом и замер от изумления. Перед ним нико-

го не было. Он взглянул на гору тел, валявшихся у его ног, и содрогнулся. Теперь он понял, откуда исходил этот тяжелый сладковатый запах. Тела поверженных воинов прямо на глазах превращались в груды уже разложившейся плоти. Кулл, подавив отвращение, перешагнул через обезображенные тлением трупы и направился к выходу. Там он и столкнулся с хозяином таверны.

— Сейчас я расквитаюсь с тобой, кусок дерьма, и за «мальчиков», и за «девочек». — Кулл приставил меч к груди старика.

Лицо хозяина таверны было страшным. Глаза горели такой злобой, что атланту стало не по себе.

— Все равно будешь у нас, в Стране Теней, — просипел трактирщик. — Никуда тебе не деться!

Атлант ткнул его мечом и усмехнулся:

— Надеюсь, не скоро.

Старик зашатался и упал навзничь. Голова его откинулась, и Кулл увидел, что под седой окладистой бородой торчала маленькая рукоять стилета.

Не желая оставаться в этом жутком месте ни одного мгновения, он выбежал наружу и с наслаждением вдохнул свежий ночной воздух. Подойдя к своему коню, Кулл погладил его по шее и сказал задумчиво:

— Ну что, Воронок, колдун, кажется, взялся за нас всерьез.

* * *

Весь следующий день Кулл шел пешком, ведя коня под уздцы. Вороной так сильно припадал на заднюю ногу, что ехать на нем было невозможно. День выдался очень жаркий. Солнце палило немилосердно, и оба, человек и животное, выбились из сил. Изнывая от жажды, они тащились по дороге, которая уже шла по предгорью. Растительности попадалось все меньше, зато камней становилось все больше. Кулл решил отойти немного от дороги, поискать ручей и перекусить дорожными припасами, которые вез в переметной суме. Конь тоже нуждался в отдыхе.

Пройдя совсем немного, он натолкнулся на крошечное озерко, которое поблескивало среди высоких скал, окружавших его со всех сторон. Конь с силой натянул повод, и атлант его отпустил. Вороной устремился к озеру, но неожиданно встал на берегу как вкопанный и жалобно заржал. Он сделал несколько шагов по берегу в одну сторону, затем в другую, но даже не наклонился к воде. «Что-то здесь неладно, раз конь не хочет пить», — подумал

Кулл. Он подошел к самой кромке воды и, наклонившись, посмотрел вглубь, чтобы понять, что так беспокоило скакуна. Вода была прозрачной, а ее поверхность гладкой. Кулл склонился еще ниже и увидел свое отражение так ясно, как будто смотрелся в отполированное серебряное зеркало. На него пристально глядел молодой человек, загорелое лицо которого было украшено свежим багровым шрамом на левой скуле, полученным недавно в трактире, волосы, перетянутые на лбу кожаным ремешком, свесились, закрывая старый шрам, белой полосой пересекавший лоб, глаза казались темными. «Что это я люблюсь собой, как старая шлюха?» — усмехнулся он и хотел выпрямиться, но не тут-то было. Он не мог поднять голову. Мало того, он почувствовал, что голова помимо его воли клонится вниз.

— Тог! — пробормотал Кулл, падая на колени.

Он уперся руками в камни, рассыпанные у кромки воды, и напряг могучие мышцы, но ничего не мог сделать: голова опустилась еще ниже. Лицо, на которое он теперь уже вынужден был смотреть, побагровело, рот перекосялся от невероятных усилий, зубы оскалились. Но все было напрасно: он не только не мог подняться, но все больше и больше склонялся к озеру. Вот концы длинных прядей кос-

нулись зеркальной поверхности. Вода не шелохнулась, а атлант почувствовал, что его как будто кто-то схватил за волосы и потянул к себе. Ужас, охвативший его, отразился в глазах того, другого Кулла, который смотрел на него в упор из глубины. Атлант вновь напряг все мышцы. Он видел, как от напряжения натянулись сухожилия и вздулись вены на шее двойника, перекошенное лицо которого сделалось страшным. Вода неуклонно приближалась.

Кулл услышал, как заржал конь, и в его помутившемся сознании мелькнула мысль: «Воронок оказался умнее». Он уже касался воды кончиком носа, еще мгновение, и она зальет ему ноздри и рот. Вдруг послышался громкий шлепок, словно что-то упало в воду. И действительно, по поверхности озера пошли круги. Кулл дернулся из последних сил, откинулся назад и, потеряв равновесие, опрокинулся на спину. Падая, он увидел, что со скалы на него прыгнул какой-то зверь.

Кулл отбил его атаку ногами, как дикий кот, и вскочил, выхватив меч и ожидая следующего прыжка. Леопард не заставил себя ждать. Он метнулся к человеку, стараясь вцепиться ему в глотку, но напоролся на острое лезвие. Атлант выдернул клинок у него из брюха и, схватив за горло левой рукой, ударил еще раз, а затем отшвырнул в озеро. Вода забулрилла от судо-

рожных движений умирающего зверя, а затем сомкнулась над ним. Вскоре спокойная гладь отразила голубое небо.

Кулл схватил большой булыжник и в сердцах швырнул его в воду.

— Ниттон-Тан, сын шакала,— прорычал он.— Мы еще посмотрим, кто кого!

* * *

Вороной, оправившийся наконец от увечий, легко нес всадника по каменистой дороге, которая, петляя, упорно поднималась все выше и выше в горы. Кулл, внимательно оглядывавший все, что появлялось из-за очередного поворота, не слишком обрадовался, когда увидел трех всадников, которые неспешно ехали впереди. Вскоре он их догнал. Услышав топот копыт, они оглянулись и придержали лошадей. Кулл, подъезжая к ним, заметил, что все трое положили руки на рукояти мечей. Впрочем, этот жест еще ни о чем не говорил.

— Куда держите путь? — спросил он, переводя взгляд с одного всадника на другого. В их облике он не заметил ничего странного, однако лицо одного из них, изуродованное шрамом, показалось ему на удивление знакомым.

— Через перевал,— ответил самый старший, одетый в богато расшитый плащ,— Мы едем в Моруол, а оттуда в Зальгару. Хотим наняться в отряд Меченосцев. Говорят, горы здесь небезопасны. Горцы часто нападают на тех, кто хочет перейти на ту сторону. Назови себя, нам тоже надо знать, с кем мы имеем дело.

— Я Кулл. Еду по поручению кинара в Моруол к магу Ниттон-Тану.

— Присоединяйся к нам. Лишний клинок не помешает. Да и тебе в компании ехать безопаснее, чем одному.

— Как сказать — Атлант снова внимательно оглядел всадников. Наученный печальным опытом, он настороженно ждал новой ловушки всемогущего мага.

— Как хочешь,— улыбнулся молодой всадник, сидевший на отличном чалом коне и поглаживавший золоченую гарду меча.— Только дорога одна. Значит, будешь ехать или впереди, или позади. Не все ли равно? Лучше вместе.

Третий молчал, но смотрел на Кулла, улыбаясь во весь рот. «Где же я его видел? — подумал атлант.— Я его точно где-то встречал».

— Мы с тобой не знакомы, приятель? — спросил он.

— Конечно. Мы же вместе служили в валузийской армии, только я был в сотне Согдира. Меня зовут Мертуг. Вспоминаешь, Кулл?

— А-а-а... Да, кажется.

Когда они снова пустились в путь, Кулл старался ехать сзади, чтобы видеть перед собой всех троих. Попутчики, видя его настороженность, не пытались завязать разговор. Только когда все расположились на привал у подножия скалы, чтобы отдохнуть и перекусить, Мертуг подсел к атланту и тихо сказал:

— Слушай, приятель, я вижу, ты меня не совсем вспомнил.

Кулл удивленно посмотрел на него. Тот наклонился к нему и шепнул:

— Надо поговорить.

Под предлогом, что им нужно найти ручей, Мертуг увлек Кулла за валуны. Атлант шел за ним неохотно, в его душе снова шевельнулось нехорошее предчувствие.

— Значит, ты меня узнал? — Мертуг пытливо посмотрел Кулла в глаза. — Ну, вспоминай! Поход в Зальгару... Помнишь, как мы напоролись на зарфхаанцев? Если бы не твоя сотня, мы бы все погибли.

— Да, хорошее было дельце. Они набросились на нас ночью, как будто имели кошачьи глаза. Я обходил посты, поэтому вовремя их заметил и поднял свою сотню.

— А нас они застали врасплох. Я прыгнул на коня и помчался куда глаза глядят. Ничего не соображал спросонок. Что происходит, кто напал? А потом оказался в самой гуще боя, без оружия, даже без кинжала. Если бы не ты...

— Теперь я вспомнил тебя! — Кулл хлопнул Мертуга по плечу.— Я еще подумал, откуда Тог принес этого дурака без оружия.

— Если бы ты не проткнул мечом того здорового зарфхаанца, быть мне без башки.— Мертуг засмеялся.— И хотя мне все равно пришлось отправиться в Страну Теней, благодаря тебе я прожил еще полгода!

Кулл смотрел на Мертуга во все глаза:

— Ты хочешь сказать, что ты покойник?

— Ну да! Смотри.— Он отвернул край плаща, распахнул плащ, и Кулл увидел у него на груди слева небольшую рваную рану.— Меня подстрелили на границе Турании. Я выдернул стрелу, но было уже поздно... Не знаю, какая сила заставила меня оказаться в этом мире. Приятная прогулочка была бы, если б не необходимость тебя убить. Не хочется мне этого делать.

— А те двое? Они тоже мертвецы?

— Нет, они нормальные люди. Наемники. И я советую тебе держаться с ними вместе, потому что перевал здесь действительно опасный. Правда, вход со стороны Илурата охраня-

ется гарнизоном, но ущелье длинное, и горцы спокойно по нему шастают. По тайным тропам они проникают даже в предгорье. Так что будь настороже. А меня тебе придется убить.

Кулл открыл рот от изумления. Нечасто слышишь такое предложение!

— То есть как? Ты сам мне это предлагаешь?

— Да. И не слишком раздумывай, потому что, если ты откажешься, я тебя убью. Меня оживили для этого. Я обязан, понимаешь?

Кулл отрицательно покачал головой:

— Не могу я просто так ткнуть человека мечом.

Мертуг улыбнулся:

— Узнаю Кулла! За это ты мне и нравился. Тогда остается один выход...

— Какой?

— Давай биться.

Мертуг обнажил меч, и Куллу пришлось сделать то же самое. По взгляду валузийца Кулл понял, что тот не будет играть с ним в поддавки, и приготовился к серьезному поединку. Но вдруг послышался резкий свист, и не успели оба понять, откуда он исходит, как со всех сторон на них набросились горцы. И хотя атлант сразу же положил на месте троих, а Мертуг зарубил двух, их одолели числом. Кроме тех, что напали, еще с десятков сильных

и ловких, как барсы, горцев прыгнули с валунов им на плечи, сбили с ног и ловко скрутили веревками.

Кулл слышал, что в той стороне, где они оставили своих спутников, тоже идет борьба. Оттуда доносились крики, звон оружия и стоны. Вскоре несколько горцев появились из-за скалы, вытирая кривые длинные ножи об одежду. Один из них уже красовался в расшитом плаще, а другой цеплял к поясу меч с золоченой гардой.

* * *

Кулл очнулся и сразу же понял, что лежит на каменном полу, связанный по рукам и ногам. В кромешной тьме ничего не было видно. Слева послышался глухой стон, и атлант, перекатываясь с живота на спину, стал двигаться на звук, пока наконец он не наткнулся на чье-то тело.

— Потихе,— проворчал Мертуг, тоже, как и Кулл, перевитый веревками.

— Кажется, мы здорово влипли,— сказал Кулл, пытаясь сесть.

Валузиец, извиваясь, как червь, делал то же самое.

Куллу это удалось раньше, и он прислонился боком к стене. Глаза постепенно привыкали к темноте, и, увидев, что их со всех сторон окружает камень, он заключил, что они находятся в пещере. Он стал ощупывать пальцами стену и вскоре нашел на ней острый выступ, прижал к нему веревку, стягивавшую кисти рук, и начал перетирать ее.

— Так просто я им не дам, — зло процедил он сквозь зубы.

Мертуг тоже наконец сел.

— Слушай, Кулл, не думай, что так просто отсюда выбраться, — сказал он. — Насколько я знаю, никто от этих горцев живым не уходил. Они безумно жестоки. Наемники, с которыми мы ехали, рассказывали, о чем толкует народ в Илурате. Горцы мстят илурам за тех, кого захватывал и пытал кинар Тибор. Со своими пленниками они поступают так же.

— Может быть, нам удастся сбежать. Я скоро перетру веревку.

— В любом случае я вот что тебе предлагаю. Ты знаешь, кто я, и место мне в Стране Теней. А тебе туда еще рано. Если они вздумают нас пытать, я буду первым. — Мертуг тихо засмеялся. — Им придется попотеть, чтобы причинить мне боль. А ты тем временем соображай, как от них свалить.

— Ладно, посмотрим.

Кулл навалился всем телом на веревку, но тут же замер, услышав шаги и голоса. К пещере приближались люди. Раздалось кряхтение нескольких человек, затем послышался скрежет откатываемого камня, и ослепительный дневной свет заставил узников зажмурить глаза.

Атланту и его товарищу по несчастью развязали ноги, грубо толкая, заставили встать, а потом вывели их наружу.

Они сделали с десяток шагов по тропинке, петлявшей среди валунов и, низко наклонившись, нырнули в отверстие, которое вело в большую, освещенную факелами пещеру. В ней было дымно не только от факелов, но и от большого костра, вокруг которого сидели скрестив ноги горцы. Среди них выделялся один, но не столько одеждой, сколько гордым и свирепым выражением лица. Кулл понял, что перед ним предводитель.

— Дайте мне посмотреть на этих илурских ублюдков,— сказал он, оскалив зубы в хищной улыбке.

— Мы не илуры.— Мертуг многозначительно посмотрел на Кулла и сделал шаг вперед.— Я валузиец, а он,— и кивнул в сторону Кулла,— атлант.

Вождь горцев усмехнулся:

— Сойдете и вы.

Мертуг сплюнул:

— Что вам от нас надо? Оружие? Коней? Вы уже их получили. Даже сапоги отобрали!

— Нам нужно услышать, как вы воете от боли и молитесь о пощаде.— Горец яростно стукнул кулаком по колену.— Нам нужно увидеть вашу кровь, которая все равно не окупит смерти моего отца!

Он сделал знак, и к Мертугу подскочили два горца. Они отволокли валузийца к костру и повалили его на пол, заставив встать на колени перед вождем.

Кулл во все глаза смотрел на свирепого горца. «Возможно, отец этого вонючего козла похитил Ахсура»,— пронеслась у него в голове догадка. Он незаметно пошевелил кистями рук, убедившись, что хватит небольшого усилия, чтобы разорвать изрядно потрепанную веревку.

Тем временем вождь достал из ножен ятаган и сунул его в огонь. Когда кончик клинка накалился добела, он поднес его к лицу Мертуга и стремительным движением ткнул ему в глаз. И замер, пораженный. Он рассчитывал услышать дикий крик боли, но человек, стоявший перед ним на коленях, молчал. Мало того, он улыбался. А на раскаленном клинке шипела жидкость, которая вытекла из глазницы. Два горца, державшие Мертуга, были так ошара-

шены, что ослабили хватку. Валузиец, пользуясь случаем, вскочил на ноги и бросился к вождю. Но тот только отклонился назад, выхватил из-за пазухи какой-то предмет и вытянул руку вперед. Мертуг застыл перед ним как вкопанный: туловище со скрученными сзади руками наклонено вперед, ноги напряжены. В руке у горца зеленым светом горел небольшой шарик. Вождь запрокинул голову и торжествующе захохотал. Все остальные горцы с благоговением смотрели на мерцающий шар, и Кулл тоже не сводил с него глаз.

Предводитель горцев приставил лезвие к горлу Мертуга и спрятал шарик за пазуху. Валузиец качнулся, с трудом удерживая равновесие.

— Сейчас ты у меня запоешь,— прошипел вождь.

Валузийца снова схватили и, подтащив к костру, посадили в огонь, который сразу же охватил его одежду. Мертуг без единого стога вскочил, разметал ногами головешки и живым факелом выпрыгнул из костра.

— Беги, Кулл! — крикнул он и снова кинулся на вождя, который, как бешеный, махал ятаганом, в то время как другие горцы, выхватив ножи, бросились ему на помощь.

Валузиец метался между ними, сея панику. Обгоревшие веревки свалились с него сами

собой, и, размахивая руками, он старался подойти к вождю как можно ближе. Тот отшатнулся от объятый пламенем фигуры и бросился к выходу, но натолкнулся на Кулла, который к тому времени уже освободил руки.

— Беги, Кулл! — снова крикнул Мертуг.

Пламя лизало его лицо и руки. Бегая среди горцев, он старался отвлечь их на себя, а они ничего не могли сделать с ним, так как от горящего человека исходил такой жар, что нельзя было не только схватить его, но и даже приблизиться.

Пещера наполнилась черным дымом, отвратительно запахло горелым мясом.

Атлант выбил из рук вождя ятаган, схватил бедолагу в охапку, приподнял и бросил оземь. Слышно было, как голова горца стукнулась о камни. В дымном воздухе что-то блеснуло зеленым светом и покатилося к выходу. Кулл, выбегая, наклонился, схватил шарик и, зажав его в ладони, бросился из пещеры.

* * *

До озера он добрался еле живой от голода и усталости. Ему долго пришлось прятаться и пережидать, пока горцы окончательно потеряют надежду его найти. Затем последовал тяже-

лый ночной переход через перевал, когда любого неосторожного движения хватило бы, чтобы свалиться в пропасть. Потом он целый день карабкался по скалам под палящим солнцем без еды и питья. И вот наконец озеро заблестело перед ним алыми переливающимися бликами. Воздух был недвижим от жары, солнце, утомившись за день, клонилось к горизонту, на котором черным конусом выделялся остров.

Кулл облегченно вздохнул и стал спускаться с горы. Вода манила его свежей прохладой, и, плюнув на предосторожность, он подбежал к ней, бросился на колени и жадно припал к живительной влаге. Утолив жажду, атлант окунул голову и руки в ледяную воду и, набрав полные пригоршни, окатил обнаженное по пояс тело.

— Хороша водичка? — слышался сзади веселый голос.

Кулл резко обернулся. Перед ним стоял молодой парень и добродушно улыбался. Он был в одних полотняных штанах, закатанных до колен, босой, на вид очень крепкий. Черные вихры нечесаных волос торчали в разные стороны.

— Каким ветром тебя сюда занесло? — спросил он.

Атлант поднялся и, растирая на груди воду, текущую с густых волос, угрюмо ответил вопросом на вопрос:

— А тебе что за печаль?

Парень не обиделся:

— Да мне-то все равно. Просто здесь нечасто бывают путники. Озеро находится далеко от дорог, и в наших краях незнакомца встретишь раз в год, а то и реже.

— Разве ты не видел здесь кинну Ровену с эскортом и обозом? — спросил атлант, внимательно присматриваясь к парню.

— Да, был целый отряд всадников. А еще несколько женщин верхом и обоз.

— Ты живешь здесь?

— Я рыбак. Живу в деревне вон за той скалой.

— Значит, у тебя есть лодка? — оживился Кулл.

Парень пожал плечами:

— Конечно, какой рыбак без лодки!

— Слушай, парень, — Кулл улыбнулся, — перевези меня на остров. Сейчас я тебе заплатить не могу. Видишь, на мне одни штаны. Но за мной не пропадет, будь спокоен. На обратном пути я с тобой рассчитаюсь золотом.

Рыбак почесал затылок и вздохнул.

— Ну, так в чем дело? — раздраженно спросил атлант.

— К острову нельзя...

— То есть как нельзя?

— Нельзя приближаться. Стоит отойти подальше от берега, как лодка начинает тонуть. У нас многие рыбаки так лишились своих лодок. Кто выплыл назад, а кто и нет. Все маг проклятый! С тех пор как он поселился на острове, мы ловим рыбу только у берега. Ты хоть озолоти меня, я к острову не поплыву.

— Хорошо, можешь не плыть. Дай мне лод-
ку.

Парень замотал головой:

— Лодка — единственное, что у меня есть.

— Валка! — Кулл с досадой ударил кулаком в ладонь и посмотрел в сторону острова, прикидывая расстояние.

— Плыть и не думай,— предупредил рыбак. Атлант раздраженно повел плечом:

— Иди ты к Тогу, жмот!

Парень обиделся:

— Я не жмот. Тебе же добра желаю. Уж если хорошо проконопаченная лодка сразу наполняется водой, ты точно пойдешь на корм рыбам, не успев пару раз руками взмахнуть.

— А ночью пробовали плавать?

— Нет. Кто же ночью рыбу ловит? На рассвете или на закате, а ночью — никакого клева.

— Вот ночью и поплывем.

Парень снова почесал в затылке:

— Рискнуть, что ли?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Князь Робад сидел на троне в зале приемов уже несколько часов подряд и принимал просителей, вереница которых казалась бескончаемой. К нему обращались за милостью люди разных сословий и состояний, потерявшие надежду найти справедливость у чиновников, судей и многочисленных начальников. У юноши голова шла кругом, но он добросовестно старался вникнуть в каждое дело, сначала выслушав просителя, а затем советника Марга, который сидел за небольшим столом, заваленным грудой восковых табличек, и давал пояснения.

Впечатление, которое Робад вынес из всего услышанного, было отнюдь не радостным. Он понял одно: народ в Илурате подавлен, уни-

жен, страдал от нищеты и произвола. Процветала лишь небольшая кучка людей, которые обладали властью и бессовестно пользовались ею в своих интересах. Целая армия соглядате-ев действовала в городе и, чтобы оправдать свое жалованье, доносила на всех без разбора. Человек, схваченный и брошенный в тюрьму, уже не выходил на волю, умирая либо под мечом палача, либо в темнице после многих лет мучений и страданий.

Последней просительницей, которую пропустили в зал, была худощавая женщина с изможденным лицом и скорбно сжатыми губами. Она подошла к трону и низко поклонилась.

— Слушаю тебя,— сказал кинар.

— Властелин, я пришла просить за своего мужа. Его зовут Хатани,— тихо произнесла женщина.— Несколько дней назад его арестовали, но он ни в чем не виноват. Мой муж всего лишь простой содержатель постоянного двора. Он никому ничего плохого не сделал. За что его схватили? Господин Артавер выгоняет меня из дома. Говорит, что имущество государственного преступника пойдет в казну. Какой же Хатани преступник? Он и мухи не обидит! У меня пятеро детей, они умрут с голоду, если нас выгонят на улицу...

Робад поднял руку, останавливая поток жалоб, и повернулся к Маргу:

— Советник, почему арестовали Хатани?

Марг равнодушно пожал плечами:

— Артавер доложил мне, что Хатани выболтал атланту Куллу об аресте некоего Ахсура.

Молодой кинар сурово нахмурился:

— Хатани вынужден был сказать об этом Куллу. У него не было другого выхода.

— Это не снимает с него вины. Он выболтал Куллу государственную тайну, тот напал на Артавера и угрозами заставил его привести себя во дворец. Он преступник, и в этом случае неважно, кем был и кем стал Ахсур.

Кинар повернулся к жене Хатани, которая слушала их разговор, ничего не понимая.

— Ступай домой, женщина, и жди своего мужа. Он будет освобожден.

Она поклонилась и поспешно покинула зал.

Робад сошел с трона и встал перед Маргом:

— Советник, во многих случаях, которые разбирались здесь, я полностью полагался на тебя и принимал решение по твоей подсказке, так как считал: ты лучше знаешь, что творится в Илурате. Я думал, что ты обладаешь чувством справедливости, которое, я уверен, необходимо иметь государственному мужу. Но сейчас я убедился, как ты несправедлив и безжалостен. Я сам был участником этого дела и могу судить о нем не понаслышке. Разве Хата-

ни виноват в том, что мы у него поселились? А какое право имел Артавер хватать меня, даже не спросив, зачем я приехал в Илурат?

— Государственные интересы требуют...

— Это произвол, а не государственные интересы. Я приказываю освободить Хатани.

— Но...

— Я правитель Илурата, советник. Делай, что тебе велят. Впредь я сам буду во все вникать. Здесь многое нужно изменить!

* * *

Советник Марг засиделся за полночь в своей рабочей комнате рядом с залом приемов. Он привык к ночным бдениям, но сегодня его дожимала не только обычная бессонница. Ему не давали покоя тяжелые мысли, и душу разъедала тревога.

Он многое сделал для того, чтобы Илурат стал сильным государством, и был убежден, что эту силу ему дает не богатство казны, не большая армия, не многочисленное население, а внутренняя сплоченность, при которой народ беспрекословно подчиняется своим правителям: если надо, идет на войну, если надо, платит большие налоги, выполняет даже самые нелепые требования властей и не ропщет. От-

дельным крикунам всегда можно заткнуть рот. Для этого он и содержит соглядатаев. Стоит ослабить узду, как все полетит кувырком, причем довольно быстро. Молодой кинар этого не понимает, да и где ему понять! Надо же случиться такому, что пропавший наследник вдруг так неожиданно свалился ему на голову. Сначала советник даже обрадовался, думая, что пусть лучше будет Робад, чем маг, и он сможет вертеть им как захочет. Но мальчишка оказался строптивым и упрямым. Он хочет сам во все вникать! Как бы не так! Марг не позволит рушить то, что построил с таким трудом за последние годы.

Послышался стук в дверь. Советник поднял голову. На пороге возникла щуплая фигура и проскользнула внутрь.

— Ну, как дела в городе, Артавер? — спросил Марг своего помощника, холодно кивнув в ответ на его приветствие.

— Неспокойно, господин советник. Многие считают, что кинар Робад — подставное лицо. Мы уже арестовали несколько человек, которые распространяли такие слухи.

— Продолжайте хватать болтунов. Стоит распустить народ, как последует смута, и тогда малой кровью не обойдешься. Знать тоже недовольна. Особенно члены семьи кинара. Кое-кто давно лелеет надежду занять престол ки-

нара и потому старается перетянуть вельмож на свою сторону. Кинар не понимает, как шатко его положение, и сам рубит сук, на котором сидит.

— Его признали служители Сигулона, и это самое главное.

— Да, но удивительнее всего, что иногда люди больше верят не очевидному, а самым невероятным домыслам и слухам. Покойный кинар Тибор знал, как опасны смутьяны. Он предоставил мне полную свободу действий, чтобы искоренить вольномыслие и словоблудие. Поэтому и порядок в городе был образцовый, а теперь...

— Я очень удивился, когда увидел, что Хатани освободили.— Артавер обиженно поджал губы.— Вот кто действительно смутьян! Я давно замечал за ним склонность к сплетням и разным предосудительным разговорам. Но этот Хатани не только болтун, он еще и предатель!

— Его освободили по личному приказу кинара Робада. И не только его.— Марг с осуждением покачал головой.— Кинар молод и не понимает, как опасно обнаруживать слабость власти. Освобождение арестованного, даже если выяснилось, что он не виновен, как раз и показывает такую слабость. Последствия не заставят себя ждать. Я ломаю голову, как сде-

лать, чтобы кинар понял это и не вмешивался в мои дела.— Советник устало прикрыл глаза.— Что еще у тебя? — через некоторое время спросил он.

— Я задержал знахарку Румелию, которая вместе со своим мужем приехала сегодня в город.

— Румелию? — Марг оживился.— Она ведь была в свите кинны Ровены?

— Да. Она утверждает, что кинна отправила ее с посланием для тебя, господин советник.

— Она во дворце? — спросил Марг, и глаза его блеснули.

— Да.

— Приведи ее сюда. Послушаем, что она скажет.

Артавер поклонился и пошел к двери, но, не дойдя до нее, остановился.

— Господин советник,— сказал он,— Румелии верить нельзя.

Марг усмехнулся:

— Знаю.

* * *

На следующий день во время своего ежедневного утреннего доклада кинару Робадду Марг заявил, что надо серьезно заняться

людьми, распускающими слухи о том, что кинар — подставное лицо, а также установить слежку за некоторыми членами семьи кинара.

— Брат твоего отца давно мечтает о власти. Мне доложили, что это он посылает своих людей в Нижний город, чтобы возбуждать чернь и подбивать ее к восстанию.

Робад нахмурился:

— Я не боюсь заговоров и дворцовых интриг. А то, что говорят на базаре и в тавернах, меня не волнует. Служители Сигулона признали меня, и это главное. Я чувствую покровительство нашего бога. Он не лишит меня своей милости.— Робад в упор посмотрел на Марга,— Советник, мне кажется, ты хочешь вертеть мной, как куклой!

Марг, изобразив на лице обиду, покачал головой:

— Кинар, я первый признал тебя и поклялся в верности. Ты очень молод и неопытен в государственных делах. Я только хочу тебе помочь.

— Да, я молод. Но я многое повидал. Вместе с купцом Зерханом я объездил полмира. Он научил меня грамоте и много рассказывал об обычаях разных народов. Я не цветок, выращенный в горшке! Я знаю, что такое обман и несправедливость, и чувствую, что порядки, которые ты установил в Илурате, направлены

против людей. Если ты будешь настаивать и не согласишься на некоторые изменения, мне придется воспользоваться услугами другого советника.

Такого Марг не ожидал. Он растерянно посмотрел на кинара. «Мальчишка!» — пронеслось у него в голове. Но он тут же взял себя в руки и покорно поклонился:

— Мой господин, надеюсь, я буду тебе полезен. Мне очень хотелось бы, чтобы ты доверял мне так же, как в свое время доверял кинар Тибор.

При упоминании об отце Робад смягчился.

— Хорошо. Твой доклад закончен, советник? — спросил он, поглядев в окно, где день был в полном разгаре.

По этому взгляду Марг понял, насколько тяготили юношу обязанности главы государства.

— Нет, мой господин, удели мне еще немного времени. Горцы, о которых мы долго не слышали, снова дали о себе знать. Они так обнаглели, что напали на гарнизон, охранявший перевал. Сегодня утром оттуда прискакал гононец и попросил прислать подкрепление. Я распорядился, чтобы туда направили большой отряд.

Робад вскочил с кресла. Напускная важность мгновенно слетела с него, и он снова

превратился в Ахсура — порывистого мальчишку, который чудом оказался во дворце.

— Кулл может попасть к ним в плен! Я еду вместе с отрядом!

— Кинар, ты должен заниматься государственными делами. Что тебе этот дикарь! Он не пропадет, а если погибнет, велика важность! Пошлем нового гонца к Ниттон-Тану.

Юноша задохнулся от возмущения:

— Советник, для тебя нет ничего святого. Кулл мой друг!

Марг осуждающе покачал головой:

— Мой господин, если ты хочешь удержаться на троне, усвой одну истину: у правителя не должно быть друзей, у него должны быть только подданные.

— Я никогда не откажусь от друга!

— Ну хорошо, пусть будет так, но ехать к перевалу тебе нельзя. Кулл, возможно, благополучно проехал, а если нет, то как ты об этом узнаешь? В любом случае торопиться не стоит. Может быть, он сам скоро приедет, но только без Ровены.

Робад удивленно посмотрел на Марга, ничего не понимая.

— В город прибыла некая Румелия,— сказал советник.— Она была в свите кинны. Твоя сестра послала ее ко мне с письмом, в котором пишет, что ей понравилось у Ниттон-

Тана, она полюбила мага и с радостью выйдет за него замуж.

— Что же ты молчал, советник! — воскликнул Робад.— Зови эту Румелию скорей сюда!

* * *

Румелия, увидев кинара, остолбенела, пораженная его сходством с Ровеной. Только когда он заговорил, она заметила различия: более удлинённый овал лица, брови темнее, волосы короче, а движения, конечно, более резкие. Она сказала Робаду все, что приказал передать Ниттон-Тан, и не удивилась, что кинар не поверил ее словам:

— Неужели Ровена действительно полюбила мага?

— Кинна сама сказала мне об этом,— уверенно солгала Румелия.

— Ну что ж, если Кулл подтвердит, что Ровена счастлива у мага, я не буду настаивать на ее возвращении,— огорчился он.

Румелия просила оставить ее во дворце вместе с мужем и получила согласие. Она сразу поняла, что устранить Робад не составит особого труда. Воспитанный в другом мире, он не привык к жизни во дворце, и, как ей казалось, не будет соблюдать все правила безопасности,

которых неукоснительно придерживались все члены семьи кинара. Следовательно, отравить его совсем не трудно. У Румелии сразу возник замысел, и она рассказала о нем Зейнаду:

— Раз в неделю по давно заведенной традиции кинар Илурата выезжает на охоту в сопровождении большой свиты и множества слуг. Тебе нужно постараться попасть в их число. Во время обеда, который будет проходить в походных условиях, ты подбросишь отраву в какое-нибудь блюдо.

Ответ Зейнада был неожиданным.

— Мне надоело потакать твоим прихотям, быть у тебя охранником и повсюду тебя сопровождать,— заявил недовольно горец.— Ты убила Тибора. Чего тебе еще надо? Я по горло сыт этой жизнью! Предпочитаю убивать илу-ров в бою, а не подбрасывать им зелье в пищу. Во всяком случае, это более достойное занятие для мужчины. Я слышал на базаре о горцах, которые снова объявились в горах и никому не дают проехать через перевал, и хочу к ним присоединиться.

Румелия не ожидала услышать отказ от верного Зейнада. Она думала, что он всегда будет предан ей, и не учла того, что ему может надоесть выполнять ее приказы и всюду следовать за ней хвостом. Зейнад был горцем, мстительным и жестоким, но он предпочитал рас-

правляться со своими врагами мечом и кинжалом, а не хитростью и коварством. Он любил жену и, понимая, что она умнее и хитрее его, согласился жить в ее тени. Но со временем ему это надоело. Он был слишком горд, чтобы долго подчиняться, особенно женщине. Его тяготила жизнь в городе, он устал от постоянного молчания, и, когда услышал о соплеменниках, снова дерзнувших, как в былые времена, досаждать илурам, его со страшной силой потянуло в родные края к людям, с которыми он мог говорить на родном языке и рядом с которыми желал воевать.

Румелия хорошо изучила его характер и знала, как сделать так, чтобы он плясал под ее дудку.

— Если тебе претит убивать врага тайно, что ж, ты можешь сразиться с ним в открытом бою, но тогда и сам погибнешь. Я тебе предлагаю такой способ, при котором не пострадает твоя гордость, а ты сохранишь жизнь.

Зейнад, недовольно хмурия брови, посмотрел на жену. Румелия торопливо продолжила:

— Завтра в охоте на кабанов будет участвовать множество людей, поэтому легко можно выпустить стрелу в кинара и остаться незамеченным. Главное, выбрать время. Кабаны непредсказуемы: они могут напасть, а могут дать стрекача. Эта охота всегда сопровождается

большой сумятицей, и ты сможешь сделать свое дело. Убийство даже не посчитают преднамеренным и не будут искать виновного.

Горец с восхищением посмотрел на Румелию, в который раз поражаясь ее уму и находчивости. Он положил руку на кинжал и улыбнулся:

— Вот на это я согласен!

* * *

Рано утром красочная кавалькада выступила из-за городских стен. В охоте принимали участие самые знатные вельможи, и каждый из них стремился превзойти других убранством своего коня и великолепием оружия. Упряжь лошадей блистала золотом и серебром так же, как ножны мечей и кинжалов. Шляпы всадников, украшенные перьями, издалека походили на оживший цветник, над которым порхали сказочные птицы.

Кинара Робада, который ехал на великолепном сером в яблоках жеребце, окружали молодые придворные, веселые и беспечные юноши — цвет илурской молодежи. Они сдерживали рвущихся вперед скакунов, чтобы ненароком не обогнать кинара, что считалось верхом неприличия. Как только они миновали ворота,

Робад с радостью пустил коня галопом и поскакал навстречу свежему ветру. Всего несколько дней назад он въезжал в Илурат безвестным юношей. Как удивительно изменилась его жизнь! Он кинар, и ему подвластна вся эта плодородная страна, раскинувшаяся между высокими горами. Неужели он был когда-то грязным голодным рабом, которого истязал жестокий хозяин? Или это был сон? А может быть, ему снится эта охота, и этот конь, который так легко несет его к синим горам, и этот красочный эскорт, что несется за ним следом с гиканьем и смехом, веселящим сердце?

Охота должна была проходить на берегу реки, где в густых камышах и небольшом болотистом лесу водилось множество кабанов. Влажная земля под деревьями и вокруг кустов была сплошь изрыта и истоптана их острыми копытцами. Ловчие обнаружили в леске несколько общих логовищ, где животные проводили весь день до вечера, а также несколько ям, вырытых секачами, в которых матерые самцы в гордом одиночестве предавались дневному отдыху. Собственно, именно они и интересовали охотников. Убить такого зверя непросто, ведь он смертельно опасен, особенно если ранен или разозлен. Огромные загнутые клыки секача запросто могут распороть живот коню или нанести страшную рану чело-

веку. Впрочем, и обремененная поросятами кабаниха, защищая потомство, становится не менее грозной в своей ярости, а ее зубы, хотя и не такие длинные, как у секачей, вполне могут перекусить руку незадачливому охотнику.

Луг, протянувшийся вдоль полосы леса, расцветился яркими красками и наполнился криками людей, лаем собак, ржанием лошадей и особыми, вызывающими радость и волнение, клекочущими звуками рожков ловчих, которые углубились в лес, откуда должны были выгнать кабанов на открытое пространство. Всадники, возбужденные предвкушаемой опасностью и удовольствием, рассыпались по лугу, ожидая, когда появятся звери.

Вскоре со стороны реки донеслось хрюканье и визг потревоженных животных. Зашевелились кусты, и оттуда показались кабаны. Собаки сразу же бросились на них, хватая за уши и задние ноги и задерживая до тех пор, пока охотники, подскакав ближе, не убивали добычу, почти в упор выпуская стрелы.

Робад с нетерпением следил за кабанами, высматривая такого зверя, с которым не стыдно было сразиться. Ему не терпелось испытать себя на этой охоте. Кулл преподавал ему несколько уроков стрельбы из лука, и он, старательно упражняясь в течение их долгого путешествия из Зарфхааны в Илурат, преуспел в

этом искусстве даже больше, чем во владении мечом. Он заметил в отдалении большого черно-бурого секача, который выскочил из кустов на залитый солнцем луг, остановился и подслеповато стал оглядываться, выбирая, куда бежать. К нему бросились две собаки. Робад хлестнул коня и поскакал наперерез зверю, на ходу натягивая лук. Кабан, увидев летевших к нему с залиvistым лаем собак и приближавшегося всадника, бросился от них прочь. Собаки попробовали его остановить, но одна, сбитая с ног, отлетела от него кубарем, отчаянно визжа, а другую он просто-напросто смял.

Робад выстрелил, и ему показалось, что он попал. И правда, стрела впилась кабану в ухо, он встал, неуклюже развернулся и, ошетинив загривок, бросился навстречу преследователю. Робад выхватил из колчана еще одну стрелу и, натянув до отказа тетиву, выстрелил почти в упор, но стрела отскочила от шкуры животного, как будто кабана охраняло заклятие. На самом деле спину и бока матерого секача покрывал толстый слой засохшей грязи и древесной смолы, которые, нарастая год за годом, превратились в непробиваемую корку. Свалить его можно было только выстрелом в глаз или под ухо, но для этого требовалась особая меткость или везение.

Кабан стремительно приближался. Робад попробовал отвернуть коня, чтобы зверь пролетел мимо, да конь и сам шарахнулся в сторону, но недостаточно быстро — в бок ему вонзились страшные клыки секача. Жеребец заржал и рухнул, придавив седока. Разозленный кабан попробовал ударить коня еще раз, но тот, пытаясь встать, брыкнул задней ногой и поддел зверя копытом так, что он, визжа, отлетел в сторону, однако почти сейчас же вскочил и снова приготовился напасть.

Робад изо всех сил старался высвободить ногу, а к нему на выручку со всех сторон уже спешили всадники с натянутыми луками. Те, кто был уверен, что не заденет кинара, выпустили стрелы, но ни один не нанес зверю серьезной раны.

Налитые кровью маленькие глазки кабана остановились на лежавшем человеке. Секач наклонил голову, визгливо хрюкнул и бросился на него. Робад закрыл глаза, ожидая смертельного удара, но вдруг что-то просвистело у него над головой. Кабан, который был совсем близко, споткнулся, завертелся на месте и упал замертво. В глазу у него торчала стрела.

К Робадку подбежали и освободили ему ногу. Он встал и, прихрамывая, пошел туда, откуда прилетела стрела.

— Кто стрелял последний? Кто застрелил кабана? — спрашивал он всех, кто попадался навстречу.

— Кинар, вот кто стрелял! — крикнул один из всадников и указал пальцем на чернобородого человека, который торопливо закидывал лук за спину.

Робад подошел к нему и протянул руку. Тот спрыгнул с коня и нехотя подал свою, отводя взгляд.

— Отличный выстрел! — Робад пожал ему руку. — Как тебя зовут?

Чернобородый знаком показал, что не может говорить. Кинар понял его жест и улыбнулся:

— Спасибо, друг, ты спас мне жизнь!

* * *

Кинар Робад, проведя во дворце несколько дней, почувствовал себя в нем, как в тюрьме. Его угнетала необходимость следовать раз и навсегда установленным правилам поведения и распорядку дня, расписанному по делениям на солнечных и водяных часах, претили оказываемые ему почести, когда утром и вечером его спальню заполняли самые знатные вельможи, которые считали честью поднести ему

штаны или рубашку. Он уставал от постоянно-го пребывания на людях и невозможности побыть в одиночестве, тяготился долгими трапезами, когда ему подавалось множество блюд, из которых он съедал только одно или два. Ему надоело, что за ним всегда следовали пажы, а при его приближении стража, грохоча доспехами и оружием, отдавала честь. О том, чтобы запросто пройтись по городу, не вызывая столпотворения народа, не могло быть и речи. Но больше всего Робада раздражали споры с советником Маргом, который постоянно подчеркивал, что он лучше знает, как обстоят дела в Илурате, и поэтому его правление единственно правильное и справедливое.

Юноша задумал как-нибудь, переодевшись, ускользнуть из дворца, пробраться в Нижний город и, затерявшись в толпе, побродить по городу, посидеть в тавернах, поговорить с людьми. Он хотел выяснить, верны ли слова Марга о том, что только суровые законы и железный порядок могут удержать народ в повиновении? Действительно ли против верховной власти плетутся заговоры, которые можно пресечь, лишь наводнив город соглядатаями и доносчиками, хватая всех недовольных и бросая их в тюрьму без суда и следствия? А кроме всего прочего, ему просто хотелось хоть ненадолго вырваться на свободу, уйти от бесконеч-

ного надзора, запросто общаться с людьми без всяких ужимок, предписанных этикетом, легко поболтать с каждым, кто захочет с ним поговорить, и смеяться тогда, когда смешно, а не тогда, когда прилично изобразить веселость.

После случая на охоте он понял, что Зейнад может помочь ему. Юноше нравился этот молчаливый сдержанный человек, в гордой поведке которого сквозила независимость и чувство собственного достоинства. И хотя он был немым, по выразительному взгляду его черных глаз можно было многое прочесть. Во всяком случае, Робад ясно увидел в них презрение к дворцовым порядкам и порадовался, что кто-то разделяет его чувства. Он предложил Зейнаду сопровождать его в город, и тот, не проявив ни малейшего удивления, сразу же согласился, невозмутимо кивнув.

Труднее всего было остаться одному и сменить одежду, а потом незаметно выскользнуть из спальни. Все остальное было просто. Каждый день начальник дворцовой стражи докладывал кинару пароль, и Робад со своим спутником, произнося заветное слово на каждый требовательный окрик стражи, благополучно выскользнули из потайных ворот дворца.

Сбросив шлемы, оружие и доспехи стражников в первую же канаву, которая попалась у них на пути, они быстро пошли вниз по склону

горы. Зейнад, с радостью согласившийся сопровождать кинара, думал, что теперь легко и безнаказанно сумеет его убить. Он шел немного позади и мог быстрым ударом в спину отправить глупого юнца в Страну Теней. Но не тут-то было. Горец почувствовал, что у него не поднимается рука предательски убить человека, который так наивно доверился ему. Его душа разрывалась от противоречивых чувств: ненависти, которую он испытывал ко всем илурам, и гордостью, не позволявшей ему совершить столь подлое убийство. Устав от этой борьбы, он решил, что ночь длинна и, может быть, у него еще будет случай прикончить кинара в честном бою.

Миновав каменные постройки Верхнего города, они вскоре нырнули в темный переулок, который вывел их в восточный квартал Нижнего города. Несмотря на поздний час, там было довольно оживленно, потому что именно в этом квартале находилась базарная площадь. Вокруг нее располагалось множество харчевен и таверн, где кормился и отдыхал торговый люд после целого дня, проведенного в трудах. Сюда стекалась молодежь со всего Нижнего города, и даже богатые сынки из Верхнего, переодевшись в одежду попроще, частенько заглядывали в таверны у базара, где всегда было весело, где можно было купить ночь утех с

красавицей или дать выход своей буйной натуре, подравшись с кем-нибудь. И там, конечно, ошивались всякие подозрительные личности, которые не прочь были поживиться за чужой счет, облегчив карман незадачливого пьяницы, а то и проломить ему голову, если он уж слишком держался за свой кошель.

В общем, жизнь в Нижнем городе была ключом, и Робад явственно это ощутил, когда они зашли в один из кабаков. Там дым стоял коромыслом, и они с трудом разыскали свободное место.

Когда им принесли заказанное вино и еду, Робад, соскучившийся по простой пище, впился зубами в кусок баранины и стал с удовольствием уплетать жаркое, запивая его кисловатым красным вином. Зейнад последовал его примеру, но, привыкший к осторожности, не забывал посматривать по сторонам. Он заметил, по крайней мере, двух людей, которые заинтересовались их появлением: через стол от них сидела с компанией забулдыг очень красивая девушка, которая не отрываясь смотрела на Робада, и еще одна пара глаз зыркала время от времени из дальнего угла. Там сидел невзрачный человечек и украдкой поглядывал на них. Зейнад невозмутимо потягивал вино, но был настороже.

Он заметил, что девушка встала и, отмахнувшись от рук, которые старались ее задерживать, направилась к их столу. Она была высокой, стройной и шла, словно плыла, обольстительно покачивая пышными бедрами.

— Можно к вам присесть? — спросила она, растягивая слова и улыбаясь. У нее были такие сочные красные губы, что казалось, после ее поцелуя рот наполнится соком сладкой вишни.

— Садись.— Робад улыбнулся в ответ и придвинул ей стакан вина.— Как тебя зовут?

— Камила, мой ненаглядный. Откуда ты? Никогда тебя здесь раньше не видала.— Девушка заглянула Робаду в глаза и снова улыбнулась.

Стараясь скрыть смущение, он ответил:

— Я приехал торговать и остановился на постоялом дворе у Южных ворот. А сюда мы с приятелем пришли перекусить.

— А как насчет того, чтобы переночевать? — Девушка залилась смехом, увидев, как вспыхнуло лицо Робада.— Я еще не видела такого красавчика, как ты!

Юноша не знал, что ответить. Никогда еще он не говорил с девушкой в таком тоне, и его оторопь брала от ее бесстыдного предложения. Но он и не успел ничего сказать. К их столу подошел коренастый лохматый парень с красным лицом. Он оперся длинными, похожими

на грабли руками о столешницу и грозно уставился на девушку.

— Эй, Камила, нечего совращать молокососа,— пьяно прохрипел он и, протянув руку, крепко сжал ее полуобнаженное плечо.— Пошли со мной, а то...

Робад вскочил. Гнев и выпитое вино ударили ему в голову.

— Отпусти ее,— процедил он сквозь зубы и поймал парня за рукав, пытаясь оторвать его ру^ку.

Тот выпрямился и наотмашь ударил юношу по лицу, да так сильно, что Робад не устоял на ногах и свалился на пол. Он тут же вскочил, но Зейнад уже схватил парня за горло и отвесил ему пару хороших оплеух. В это мгновение подскочили приятели парня, и Робад уже некогда было смотреть по сторонам. Завязалась драка, в которой им пришлось бы очень плохо, не вмешайся в нее еще несколько человек, у которых просто чесались руки, а выпитое вино ударяло в голову и толкало в гущу начавшейся потасовки.

Таверна наполнилась криками, звоном посуды и женским визгом. Вскоре уже половина ее посетителей участвовала в драке, а другая старалась увернуться от шального пинка, затрещины или летящей бутылки.

Робад едва успевал уворачиваться и наносить удары. В пылу сражения он не сразу заметил, что дверь таверны открылась и внутрь ввалилось несколько стражников, которые быстро раскидали драчунов. Он был так разгорячен, что не сразу понял: драться больше не с кем. Все, кто был в таверне, мгновенно присмарили, как только увидели солдат. Привычка к повиновению взяла вверх над желанием помахать кулаками. Наиболее яростных бойцов скрутили, в том числе и Робад с Зейнадом.

К ним подошел начальник отряда, угрюмый немолодой сотник, опытным глазом определивший среди разношерстной толпы двух чужестранцев. Слишком смелым и дерзким был взгляд светловолосого юнца, а свирепое выражение лица чернобородого парня сразу бросалось в глаза. Илуры, уважающие стражей порядка, так смотреть не смели.

— Кто такие? — спросил он зычным голосом старого вояки.

Юноша ответил:

— Меня зовут Ахсур. Я купец, остановился на постоялом дворе у Южных ворот. Сюда зашел поесть.— Он повел плечом, стараясь освободиться от железной хватки солдата, скрутившего ему руки.

— Ты затеял драку? — спросил сотник.

— Нет.

— А кто?

Юноша не ответил.

— Может быть, ты? — Сотник в упор взглянул на Зейнада, которого держали два солдата.— Как зовут и откуда приехал? Отвечай!

— Он немой,— торопливо сказал Робад.— Мы вместе сюда пришли.

— Немой? — Сотник впился взглядом в лицо Зейнада.

За свою долгую жизнь, прошедшую в постоянных походах против горцев, он не раз видел в бою такие лица: горящий ненавистью взгляд, нос крючком, черные курчавые волосы, смуглая, почти коричневая кожа. Да, много перевидал и убил он горцев, чтобы не узнать в этом парне одного из них.

— Так говоришь, он немой? — усмехнулся старый ветеран.— Сейчас проверим.— Он почти вплотную подошел к Зейнаду и вдруг ударил его согнутым коленом в пах.

Зейнад вскрикнул от неожиданности. Ярость от нанесенного оскорбления была так велика, что он, прокричав что-то нечленораздельное, вырвался из рук державших его солдат и бросился на сотника. Но тот знал почти наверняка, с кем имеет дело, и встретил его выхваченным из ножен кинжалом. Горец на-

поролся грудью на стальное лезвие, покачнулся и упал.

— Немой, говоришь? — процедил сквозь зубы сотник. Он выдернул клинок и брезгливо вытер его об одежду горца.

Робад оттолкнул стражника и подбежал к Зейнаду. Глаза у того уже стекленели, но красноречивый взгляд говорил о том, что он хочет что-то сказать. Робад наклонился. Умирающий сделал усилие и прошептал побелевшими губами:

— Кинар, я хотел тебя убить...

Юноша, пораженный тем, что немой внезапно заговорил, не вдумываясь в смысл произнесенных слов. Однако он был не единственным, кто их услышал. Рядом прошмыгнул человек, который наблюдал за ними с тех пор, как они появились в таверне. Он выскользнул на улицу и быстро исчез во тьме.

* * *

— Мой господин, почему ты без сопровождения пошел в город? К чему было так рисковать? — Марг с осуждением смотрел на юношу, лицо которого пестрело синяками и ссадинами.

— У меня был сопровождающий. Зейнад. Только его убили.

Робад все еще не мог опомниться от всего, что произошло за эту ночь. После убийства Зейнада у него на глазах его самого скрутили и поволокли в караульную, где он провалялся на полу почти до утра. Еще не рассвело, когда тесная сторожка, пропитанная запахом солдатского пота, наполнилась криками команд и топотом сапог. Вскоре дверь каморки, где он лежал скорчившись на голом полу, открылась, на пороге возник Артавер и, подобострастно кланяясь, стал выражать глубочайшее сожаление о случившемся.

— Кинар! — Его вывел из задумчивости тихий, но четкий голос советника Марга. — Могу я узнать, зачем ты тайно отправился в город, причем в такой район, который славится ночным разгулом? Неужели за развлечениями?

Робад вспыхнул:

— Ты полагаешь, что только жажда запретных удовольствий потянула меня за стены дворца? Я хотел знать без твоей подсказки, что делается в городе. Ведь до того как меня арестовали на постоялом дворе у Хатани, я даже не успел выйти на улицу. Ты постоянно твердил мне, что я ничего не знаю, потому и не могу ни о чем судить. Вот я и решил узнать!

Марг покачал головой:

— Кинар, ты мог лишиться жизни так же, как и Зейнад, который тебя сопровождал. Ты не имел права так рисковать. Тебя могли убить в драке, тебя могли убить солдаты, раздраженные твоим дерзким поведением, наконец, тебя мог убить горец, которому ты так неразумно доверился.

Юноша возмущенно посмотрел на советника:

— Зейнад был верным человеком. Он спас меня на охоте и вступился за меня, когда началась драка. У него была возможность убить меня, когда мы шли в Нижний город, но он не сделал этого. Из всего, что произошло, я вынес убеждение, что любой человек в Илурате запросто может распроститься с жизнью, как Зейнад, или попасть в тюрьму, как я.

— Солдаты выполняли свой долг, мой господин. Соглядатай, который был в таверне, донес мне обо всем, что там произошло. А также,— Марг значительно посмотрел юноше в глаза,— что сказал Зейнад перед смертью.

Робад опустил голову:

— Я не знаю, что означают слова Зейнада, но я доверял ему полностью.

— Я сейчас объясню, что означают его слова.— В глазах Марга светилось торжество. Наконец он может доказать этому юнцу, что тайная сеть шпионов и доносчиков создавалась не

напрасно.— Зейнад — горец, проникший в город под видом купца вместе со знахаркой Румелией, которая убила твоего отца и собиралась погубить тебя и твою сестру.

Молодой кинар ошарашенно посмотрел на Марга:

— Советник, о чем ты говоришь? Мой отец умер после долгой болезни. Это твои слова.

— Да, до сегодняшнего дня и я так считал. Но благодаря словам Зейнада я смог размотать этот клубок. Я приказал схватить Румелию и заставил ее говорить. Она сама призналась в своем преступлении и злодейских замыслах.

— Сама? Или ты выбил у нее признание? — Робад сощурился.— Я знаю, пытками можно заставить человека сказать про себя такое, о чем он даже не помышлял.

— Ты сам можешь у нее спросить, мой господин. Я думаю, разговор с этой фурией будет для тебя поучителен. По крайней мере, ты поймешь, что сидеть на троне не так безопасно, как кажется.

— Прикажи привести Румелию, советник. И если эта женщина невиновна, тебе придется покинуть дворец.

* * *

Румелию не привели, а приволокли два стражника: она не могла идти, так как сухожилия ее рук и ног были растянуты на дыбе. Солдаты по знаку Марга опустили ее на пол. Робад задохнулся от возмущения, увидев, во что превратилась когда-то красивая женщина. Лицо ее было изуродовано до неузнаваемости, волосы свисали лохматыми прядями, изо рта сочилась струйка крови. Сердце кинара наполнилось жалостью.

— Что ты с ней сделал, советник? — вскричал Робад и быстро подошел к Румелии, наклонился над ней, но тут же отпрянул, встретив полный ненависти взгляд.

Марг обратился к кинару:

— Мой господин, я понимаю твои чувства, но, прежде чем жалость размягчит твое сердце, подумай о том, что было бы с твоей сестрой, не разоблачи мы эту злодейку. Румелия! — Марг повернулся к лежавшей перед ним женщине. — Повтори кинару все, что ты мне сказала.

Румелия с трудом приподнялась и оперлась на локоть. Подняв голову, она отбросила волосы со лба переломанными пальцами и проглатала советника злобным взглядом.

— Ты, презренный червяк, вырвал у меня признание, и сейчас я не собираюсь отпираться. Да, я убила кинара Тибора! — Она посмотрела на Робада так яростно, что он невольно отшатнулся.— Я убила его, потому что хотела отомстить за себя, за своего отца и за всех, кого он лишил жизни или сделал несчастными. Я убила его по просьбе Асида, который, умирая, взял с меня слово отомстить и за него, и за всех горцев.

Юноша растерялся:

— Про горцев я все понимаю, но при чем здесь ты? Что мог кинар сделать лично тебе?

— Он приказал убить всех сотников, которые командовали отрядами охраны во время охоты на львов, а их семьи продал в рабство. Меня купил один торговец, а вождь Асид отбил у него, когда он ехал через перевал.

— Асид? Это он убил мою мать и похитил меня?

— Да. Кинар должен был поплатиться за жен и детей горцев, которых уничтожали, как диких зверей.

Душу Робада раздирали противоречивые чувства: жалость к этой истерзанной палачами женщине и ненависть к горцу, чью волю она выполняла, который лишил его матери и продал в рабство, обрекая на страшную судьбу. Он испытывал ужас перед ее мстительностью,

жертвой которой мог оказаться не только он сам, но и его сестра.

— Ты приехала от Ниттон-Тана с письмом от Ровены. Теперь я уже не знаю, верить или нет тому, что ты передала от нее.

Румелия злобно расхохоталась:

— Ты никогда не увидишь своей сестры, кинар. Маг не отпустит ее от себя. Птичка попала в клетку!

Юноша пристально посмотрел на знахарку, и жалость в его душе сменилась злостью.

— Значит, ты солгала, что она полюбила мага? — спросил он, уже зная ответ.

— Конечно. Она ненавидит его, но ей всю жизнь придется провести в его замке. Ниттон-Тан, всемогущий и всевидящий маг, послал меня в Илурат убить тебя. Он знал, что ты здесь, что тебя признали и что ты захочешь вернуть сестру. Он знал, что атлант Кулл едет к нему, чтобы сообщить Ровене о тебе и увезти ее. Этому Куллу не удастся даже приблизиться к замку. Ниттон-Тан сотрет его в пыль и развеет по ветру.

Юный кинар нахмурился:

— Ты получила сполна за свои злодеяния, женщина. Но не радуйся заранее. Тебе далеко не все удалось.— Затем он приказал стражникам: — Уведите ее,— и повернулся к Маргу:

— Советник, ты приказал пытатель эту женщину, даже не доложив мне, что ее арестовали.

Марг непонимающе посмотрел на него:

— Кинар, я обезвредил опасную преступницу. Представь, какие злодеяния она могла бы совершить, не останови мы ее! Только благодаря тому, что мой человек услышал слова Зейнада перед смертью, я смог узнать, где ты находишься, а потом схватить Румелию. Могло ведь случиться так, что ты под именем Ахсура сгинул бы в тюрьме!

— Если бы ты был в этом заинтересован, советник,— сказал Робад, усмехаясь. Марг хотел что-то ответить, но остановился, поняв, что кинар не намерен его слушать,— Отдай приказ подготовить вооруженный отряд. Я сегодня же выступаю на выручку Куллу. Я должен освободить сестру!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Договорившись с рыбаком, что тот будет ждать его в лодке до рассвета, Кулл направился к замку и, пройдя через тяжелые ворота, вступил под своды гранитного коридора, которому, казалось, не было конца. Коридор, видимо, шел спиралью по горе, потому что постоянно поворачивал налево и вместе с тем поднимался все выше и выше. Никто не попался навстречу, как будто в замке все вымерли. Через равные промежутки на стене, украшенной бесконечным барельефом, были укреплены факелы, которые давали тусклый колеблющийся свет и нещадно чадили.

Прошло довольно много времени, прежде чем атлант достиг первого зала. Быстро пересекая его, Кулл мельком оглядел роскошное

убранство и снова нырнул в коридор. Он был почти уверен, что Ниттон-Тан его ждет и встретятся они тогда, когда этого захочет маг. Встреча эта не сулила ему ничего хорошего, если судить по тому, с каким упорством колдун пытался его уничтожить. С бараном он, положим, справился без особых усилий, но из таверны выбрался чудом, а не утонул в озере только потому, что леопард, готовясь к прыжку, уронил камень, нарушивший водную гладь. Какие еще ловушки готовит ему злобный волшебник? Рука привычно потянулась к рукояти меча, которого не было. Из передряги с горцами он вышел целым, но прихватить оружие не сумел. Впрочем... Кулл вытащил из кармана круглый шарик и подбросил его на ладони. Если бы он своими глазами не видел, как Мертуг замер на месте, когда вождь горцев направил на него этот камешек, никогда бы не поверил, что такое возможно. Оставалось надеяться, что необыкновенные свойства шарика не зависели от владельца и не пропали.

Атлант вышел из темноты подземелья и зажмурился от яркого ослепительного света. Перед ним раскинулся зал, потолок над которым висел в виде прозрачного купола, сделанного из горного хрусталя. Голубое небо, просвечивавшее сквозь прозрачные грани, отражалось в озере, которое заполнило весь зал от края до

края. Кулл сделал шаг вперед, но нога, вместо того чтобы погрузиться в воду, заскользила по твердой поверхности, и он едва не упал. «Что это? — подумал он.— Лед?» У себя на родине, в Атлантиде, он не раз видел в начале зимы застывшую на морозе воду и знал, каким непрочным может быть тонкий прозрачный лед. Однако поверхность озера совсем не была холодной, а когда он топнул ногой, проверяя ее крепость, на ней не появилось ни одной трещины. Помедлив немного, Кулл сделал еще пару шагов и замер от удивления. Он увидел песчаное дно, просвечивавшее сквозь зеленые водоросли, ярких рыбок, которые застыли между пушистыми стеблями, извивавшимися так, словно вода была проточной. Пол зала был настолько прозрачным, что под ним прекрасно просматривалась каждая мелочь: от крошечных камешков на дне до разноцветных полосок на рыбьих чешуйках. Помедлив немного, Кулл двинулся вперед, пересекая зал поперек и направляясь к темневшему впереди входу в коридор.

Дойдя до середины, он почувствовал, что идти стало труднее. Твердая гладь незаметно превратилась в вязкую липкую слизь, в которую все глубже и глубже проваливались ноги. Атлант ускорил шаг, затем побежал, но, с трудом сделав несколько прыжков, вынужден был

остановиться, потому что погрузился в прозрачную жижу по колено. «Проклятый маг!» — пробормотал Кулл, выдергивая ногу, и, качнувшись вперед всем телом, сделал последний шаг. Прозрачная слизь засасывала его, как трясина в болоте.

Атланта охватила паника. Он попробовал лечь, надеясь, что так не будет погружаться, но только еще больше увяз. Ни бешеные взмахи рук, ни попытки плыть ни к чему не привели. Ноги тянуло вниз, и он уже провалился по пояс. Несмотря на свою силу и выносливость, Кулл начал уставать, а главное, постепенно терял надежду выбраться из очередной ловушки, подстроенной коварным магом. И все же он и не думал сдаваться, а упорно противостоял неведомой силе, которая тянула его ко дну. Вот уже подбородок коснулся слизи. Атлант запрокинул голову и плотно сжал губы, чувствуя, что еще немного, и эта дрянь заполнит рот и ноздри. Он сделал последнее отчаянное усилие и взмахнул руками. Ладонь, в которой он до сих пор судорожно сжимал талисман горца, разжалась, и шарик нырнул в бесцветную жижу. Кулл дернулся, чтобы схватить его, но погрузился еще глубже. Теперь над поверхностью виднелись только его лицо и кисть правой руки. Глаза с отчаянием смотрели вверх на прозрачный потолок, сквозь который просве-

чивала небесная синь, рот раскрылся, ловя последние глотки воздуха...

И все-таки атлант не хотел прощаться с жизнью. Собрав все силы, он поднял руку, всем телом рванулся за шариком, словно в нем была единственная надежда на спасение, и принялся лихорадочно водить рукой в вязкой слизи. Вот пальцы наткнулись на что-то твердое. Он сжал ладонь, но ощутил не шарик, а круглый твердый ком, который чудесным образом становился все больше, причем не тонул, когда рука опиралась на него, а, наоборот, держался на поверхности. Кулл подтянулся к нему, а затем налег на него животом, давая отдых рукам. Передохнув немного, он, не выпуская кома, медленно поплыл к противоположной стене, где виднелся темный проход.

* * *

Атлант снова шел по нескончаемому коридору. Его шаги были почти беззвучны, босые ноги мягко ступали по холодному каменному полу. Неясный звук, донесшийся из темного прохода сбоку, заставил его замереть на месте. Звук, похожий на нежный девичий голос, повторился. Слов было не разобрать, но в интонациях голоса слышался зов, призыв, крик о

помощи. Кулл, держась за стену рукой, пошел на голос, быстро приближаясь к той, что так жалобно и настойчиво его звала. Вдруг нежные прохладные девичьи руки обвились вокруг его шеи, послышался тихий смех, мягкие губы скользнули по щеке атланта и прижались к уху. Кулл почувствовал непреодолимое желание засмеяться вместе с незнакомкой, так ласково прильнувшей к нему. Он хмыкнул и улыбнулся во весь рот. Проворные пальцы пробежали по его груди до живота, перешли на бока, скользнули к подмышкам. Кулл захохотал, откинув голову, и попытался осторожно отвести от себя эти настойчивые руки, но, несмотря на то что он зажал запястья неизвестной шалуньи, проворные пальцы снова быстро пробежали по его спине, а он разразился новым взрывом смеха. «Сколько же их?» — подумал он, хватая руки, которые щекотали его спину. Но, чтобы сделать это, ему пришлось выпустить те, что он держал, а они снова полезли ему под мышки, вызывая еще один приступ смеха.

Теперь Кулл понял, что это новая уловка мага. Ему уже было не весело, хотя он хохотал не переставая. Он стал ожесточенно отталкивать от себя странную девушку, которая лънула к нему и щекотала. Атлант крутился на месте, пытаясь оторвать нахальные руки, сновав-

шие по его коже, и вся его сила уходила вместе со смехом, раздиравшим его изнутри. Он чувствовал, что задыхается. «Она защекочет меня до смерти»,— пронеслась паническая мысль, но хоть ужас и охватил его, он продолжал безостановочно хохотать. Девушка удовлетворенно хихикала, ее пальцы бегали по телу атланта все быстрее и быстрее, их прикосновения были легкими как пух и в то же время невыносимыми. Стоило ему оторвать две руки, как две другие, перебирая пальцами, принимались его щекотать, и новый приступ смеха заставлял Кулла корчиться, делая его совершенно беспомощным и доводя до изнеможения. Вскоре хохот стал перемежаться приступами икоты, которые были еще мучительнее, чем принудительный смех. Его просто выворачивало наизнанку. Еще немного, и он задохнется!

Одна рука, особенно настойчиво гладившая ему живот, вдруг скользнула ниже, и Кулл почувствовал, как тонкие пальцы проникли туда, куда без его собственного разрешения никто не смел проникать, даже самые ослепительные красавицы. Он схватил наглую руку, но другая тут же устремилась вслед за первой. Вот теперь атлант перестал смеяться. Холодный пот выступил у него на лбу, когда Кулл понял: он беспомощен настолько, что не может защитить свое мужское достоинство. Он рванул от себя

отвратительную нахалку, чьи бесстыдные домогания вызвали теперь приступ не хохота, а бешенства, и отшвырнул ее от себя. Послышался мягкий шлепок. Атлант крутнулся на месте и опрометью бросился бежать, слыша за собой легкий топот ног и мерзкое хихиканье. Он выскочил в коридор, освещенный факелами, и понесся по нему, делая огромные прыжки. Оглянувшись на ходу, он увидел, что за ним несется какая-то белесая тварь, размахивая четырьмя длинными и тонкими лапами. Но атланта ей было не догнать: он летел быстрее легконогой лани, спасавшейся от тигра.

* * *

Кулл замедлил бег, только когда понял, что за ним никто не гонится. Переведя дух, он перешел на шаг. Его поражала длина коридора, которому, казалось, не было конца. Что ж, если учесть, какова гора... Он не успел додумать. Впереди по коридору явно кто-то шел: слышался легкий перестук каблуков. Атлант бесшумным кошачьим шагом устремился вперед и вскоре увидел в отблесках факельного огня тонкую девичью фигуру.

Девушка будто что-то почувствовала. Она оглянулась и вскрикнула от неожиданности,

увидев недалеко от себя полуголого человека, который, пригнувшись, на цыпочках крался за ней следом. Она бросилась бежать, но длинный подол платья, путаясь в ногах, мешал ей. И хотя она ничего не слышала, однако ничуть не сомневалась, что странный человек продолжает ее преследовать. Поняв, что все равно не сможет от него убежать, она резко остановилась и обернулась. Атлант с разбегу чуть не налетел на нее.

— Кто ты? — спросила она, с трудом переводя дыхание.

— А ты кто? — в свою очередь спросил он и поперхнулся. Перед ним стоял Ахсур в женском платье, хмурия брови, сросшиеся на переносице. Сходство было поразительным.— Ровена? — Он шагнул к ней.

Она пристально вглядывалась в его лицо.

— Я знаю тебя,— вдруг сказала она.— Ты ехал с моим братом. Я тебя ясно видела и запомнила твое лицо.

Теперь пришла очередь Куллу всматриваться в лицо девушки. Что это, еще одна ловушка? Где она могла его видеть? Или это покойница, возродившаяся магом под видом кинны Ровены? Но он теперь не тот наивный простак! Ниттон-Тан не поймает его на крючок!

Не раздумывая долго, атлант схватил ее за волосы и потрянул.

— Отвечай, кем ты была в той жизни? — прорычал он.

— Убери руки, мерзавец! — Девушка тоже схватила его за волосы и потянула так, что Кулл взвыл. Острые ногти впились ему в лицо и пропахали по щеке четыре глубокие борозды.

Они, тяжело дыша, зло смотрели друг на друга. Наконец Кулл опомнился и отпустил ее.

— Не смей ко мне прикасаться,— сказала девушка властно.

— Очень мне надо.— Кулл пожал плечами.— Только скажи, откуда ты меня знаешь? Тебя подослал Ниттон-Тан?

— Скажи сначала, кто ты такой! — Девушка гордо выпрямилась и одарила его холодным взглядом. На привидение она была явно не похожа.

— Я Кулл. Друг Ахсура, то есть кинара Робада. Я пришел сюда, чтобы вызволить его сестру из грязных лап Ниттон-Тана.

— Робад жив? — Девушка смотрела на Кулла во все глаза.— Мой брат в Илурате?

— Ты кинна Ровена? — в свою очередь спросил Кулл, уже почти не сомневаясь, что это действительно она.

— Да, и будь любезен вести себя прилично,— строго проговорила она.

— Прости, кинна, я запутался вконец, столько по дороге сюда мне встретилось привидений. Ты сказала, что знаешь меня, и я подумал, что ты еще одна покойница, которую маг заставил покинуть Страну Теней, чтобы со мной разделаться.

— Я видела тебя во сне, давно, еще там, в Илурате. Ты ехал верхом рядом с моим братом. Когда я проснулась, то в первый раз подумала, что он, может быть, жив. Мы все считали, что он потерян для нас навсегда.

Кулл улыбнулся:

— Еще как жив! Он правит в Илурате. Я заставил советника Марга его признать. Ну а служителям вашего бога и доказывать ничего не пришлось.

Ровена подозрительно посмотрела на босоногого голодранца:

— А ты-то тут при чем?

Кулл понял, что означает ее взгляд, и усмехнулся:

— Я выкупил твоего брата из рабства, а затем сопровождал его в Илурат.

— Он был рабом?

— Да, бедный парень здорово натерпелся. Но теперь все позади. Мы сумели выяснить, где его продали, приехали в Илурат, а потом сам Марг нам помог. Он похитил Ахсура, то есть Робада, потому что твой брат похож на

тебя как две капли воды. А мне осталось только проникнуть во дворец и доказать, что он — похищенный наследник.

— Как я хочу его увидеть! — воскликнула Ровена.— Я так любила его и так плакала, когда он исчез!

— Я затем и забрался в это логово, чтобы тебя отсюда увезти. Надеюсь, ты не собираешься замуж за Ниттон-Тана?

— Конечно, нет! Кулл,— девушка пытливо взглянула атланту в глаза,— ты думаешь, отсюда можно выбраться?

Кулл посмотрел вглубь коридора:

— Думаю, можно, если маг захочет нас выпустить или... после его смерти. Веди меня к нему, кинна!

* * *

Они вышли на верхнюю площадку, освещенную призрачным молочно-белым светом луны, и сразу же увидели мага. Он стоял возле балюстрады и, казалось, поджидал их. Его темный силуэт четко выделялся на фоне усыпанного звездами неба.

— Добрый вечер, Ровена,— сказал он приветливо. Затем обратился к атланту:— Я тебя давно поджидаю, Кулл.

Атлант хмыкнул:

— Ты был уверен, что я жив после всех твоих пакостей?

Ниттон-Тан шагнул к ним навстречу:

— Я знал, что ты жив. Только не понимаю почему.

— Потому что у меня была цель — добратся сюда и сказать Ровене, что ее брат жив и ждет ее. А еще, может быть, вот это.— Кулл засунул руку в карман штанов, достал светящийся шарик и, зажав его между указательным и большим пальцами, показал магу. Ниттон-Тан впился в него горящим взглядом.— А теперь скажи, почему ты хотел уничтожить посланца кинара?

— Я знал, зачем ты едешь...

Атлант выступил вперед:

— Надеюсь, ты не будешь препятствовать отъезду кинны?

Хмурое лицо Ниттон-Тана еще больше помрачнело. Он взглянул на девушку и спросил ее, хотя уже знал ответ:

— Ровена, ты собираешься меня оставить?

— Да. —Ровена прямо посмотрела ему в глаза.— Теперь в этом браке нет необходимости. Позволь и мне задать вопрос. Ты правда хотел убить Кулла, чтобы он не рассказал мне о брате?

Маг пожал плечами:

— Мне было известно, зачем кинар Робад отправил ко мне этого бродягу. Я хотел, чтобы ты ничего не узнала.

— В любом случае я собиралась бежать отсюда. Мне сразу же стало ясно, что ты хочешь полностью подчинить меня своей воле и использовать в своих целях. Я видела, какое ты устроил сборище! Я все слышала и знаю теперь, для чего ты захватил Моруол и для чего тебе нужен Илурат!

Лицо мага застыло, взгляд единственного глаза стал жестким.

— Я хотел, чтобы ты жила здесь по доброй воле, кинна. Но если ты не желаешь стать моей женой добровольно, я добьюсь этого силой!

Кулл, который до сих пор молча слушал их разговор, возмущенно воскликнул:

— Ну а вот этому не бывать! Перед тобой не какая-нибудь безродная девка, а кинна. Кинар Робад велел передать, что если Ровена не пожелает стать твоей женой, то свадьбы не будет!

Маг смерил полуголого атланта презрительным взглядом:

— Кинна останется здесь, а ты уберешься!

— Как бы не так! — Кулл встал перед Ровеной, полностью загородив ее. — Она приехала сюда добровольно и добровольно уедет.

— Она не уедет!

Ниттон-Тан шагнул навстречу атланту и сорвал повязку с левого глаза. Блеснул зеленый луч. Но Кулл спокойно протянул руку и, взяв мага за плечо, легонько его толкнул. Тот отлетел, и только каменные перила не дали ему упасть с площадки. Маг с изумлением уставился на него разными глазами: карим и блистающим зеленым.

— Ну что, нашла коса на камень? — усмехнулся атлант, подбрасывая шарик на ладони, а затем взял девушку за руку и пошел к выходу.

— Пойдите! — крикнул Ниттон-Тан. — Кулл, ты знаешь, что я не успокоюсь, пока не отомщу тебе. Предлагаю сделку. Ты отдаешь мне второй Глаз Скорпиона, а я позволю тебе и Ровене уйти из замка.

Кинна стиснула руку атланта:

— Ни в коем случае не отдавай ему Глаз, Кулл! Он станет всемогущим и сделает с тобой все, что захочет! Он мечтает властвовать над всем миром. Вместе со змеелюдьми он собирается проникнуть в Валузию и захватить там трон.

Ниттон-Тан подскочил к ним и встал на дороге:

— Вы не уйдете отсюда живыми! У меня есть сотни способов вас уничтожить!

— А у меня есть один, зато проверенный!

С этими словами Кулл заехал кулаком магу по левой скуле. Глаз выскочил и покатился по полу. Ниттон-Тан наклонился, чтобы его поднять, но Кулл поддел упавший Глаз большим пальцем ноги, и зеленый шарик, сверкнув в воздухе, улетел за перила. Все зачарованно проследили за его падением.

Ниттон-Тан взревел и бросился на Кулла. Они схватились. Чтобы оттолкнуть мага, атлант разжал пальцы, Глаз выскочил прямо к ногам Ровены. Она схватила светящийся шарик и крикнула мужчинам, увлеченным дракой:

— Глаз у меня! Прекратите!

Ниттон-Тан прыгнул к девушке и бросился бы на нее, если б она угрожающе не подняла маленький кинжал, вытащенный из-за пояса. Опомнившись, колдун ласково попросил:

— Ровена, отдай мне Глаз. Обещаю отпустить тебя и не буду чинить препятствий на вашем пути в Илурат.

Кинна смерила его презрительным взглядом:

— Нет. Без него ты бессилен. Но чтобы он никому больше не причинил зла, пусть следует за вторым.— С этими словами она размахнулась и бросила Глаз через перила.

Ниттон-Тан кинулся на нее, а Кулл устремился кинне на выручку. Однако маг сумел за-

владеть кинжалом и отшвырнул Ровену в сторону. Она упала, но тут же поднялась, со страхом наблюдая, как Кулл и Ниттон-Тан ходят по кругу, готовые вцепиться друг другу в глотки. Атлант был безоружен, но ярость придавала ему сил. У мага, сжимавшего кинжал так сильно, что побелели костяшки пальцев, лицо исказилось от злобы и напряжения.

Колдун рванулся вперед с такими ловкостью и быстротой, каких Кулл от него совсем не ожидал. В броске маг успел полоснуть противника по плечу, но атлант отшвырнул его, он потерял равновесие и упал, но тут же вскочил и ощерился, как дикий кот. На этот раз Кулл был настороже и, когда Ниттон-Тан бросился на него, перехватил его запястье, вывернул руку, и кинжал со звоном упал на каменный пол. Когда они снова схватились, Ровена подбежала и подняла кинжал, но ни один из них не сделал попытки завладеть оружием. Теперь только сила и умение бороться могли решить, кто победит. Маг был худощав, жилист, ловок и очень силен. Он вертелся как уж, не давая возможности Куллу себя скрутить. Ударами они уже не обменивались, сойдясь так близко, что могли слышать биение сердец друг друга. Сцепившись, они постепенно приблизились к каменному ограждению и мгновенно сменили тактику. Теперь каждый старался прижать

другого к перилам, чтобы перекинуть через них и сбросить вниз.

Ниттон-Тан боролся ожесточенно, но вскоре начал уставать, в то время как железные пальцы Кулла все ближе подбирались к его горлу. Стремясь вырваться, колдун попытался отвлечь противника и схватил его за раненое плечо, но его пальцы лишь скользнули по окровавленной руке Кулла, который воспользовался моментом и заломил ему руку за спину. Ниттон-Тан сделал отчаянную попытку освободиться, но не сумел. Атлант подхватил его одной рукой под колено и перекинул через перила. Все произошло мгновенно. Снизу слышался отчаянный крик, но северянин даже не посмотрел туда. Повернувшись к девушке, которая все еще сжимала в руках кинжал, Кулл, тяжело отдуваясь, сказал:

— Клянусь Валкой, он заслужил такую смерть!

* * *

Как только он произнес эти слова, пол под их ногами дрогнул. Атлант схватил Ровену за руку:

— Надо бежать, кинна! Похоже, скоро от этого замка ничего не останется.

Они нырнули в коридор. Ровена, приподняв подол длинного платья, чтобы он не путался под ногами, едва поспевала за Куллом, шагавшим впереди. Стены коридора покрылись трещинами, и вскоре от барельефа, который украшал коридор, не осталось и следа. Грубо вытесанный камень крошился и осыпался, пол ходил ходуном.

— Скорее! — Кулл обернулся к девушке. — Валка! Маг и после смерти может сыграть с нами скверную шутку. Прости, кинна.

С этими словами он подхватил Ровену на руки. Она хотела что-то сказать, но атлант ее не слушал. Пригибаясь, он бежал по коридору и старался закрыть собой девушку от мелких камней и каменной крошки, дождем сыпавшихся с потолка. Когда они пересекали залы, он не смотрел по сторонам, а только под ноги, чтобы не угодить в какую-нибудь трещину, но Ровена видела страшные изменения, которые происходили с замком прямо у нее на глазах. Яркие росписи превращались в грязные разводы, вышитые золотом занавеси — в клочки темно-серой паутины, вычурная скульптура — в уродливые глыбы камня, украшавшая пол мозаика — в щебенку. Зал, где атланта чуть не затянула прозрачная трясина, оказался подземным озером с обыкновенной водой, которое им пришлось пересечь вплавь. Кулл под-

держивал Ровену, и они благополучно доплыли до противоположной стены. Зал с колоннами тоже изменился до неузнаваемости. Окна, через которые кинна совсем недавно любовалась озером, стали просто большими дырами, сквозь которые гулял ветер, продувавший насквозь огромную пещеру. Кулл со своей спутницей бегом пересекли ее и снова помчались по коридору, опасаясь, что им преградят путь завалы. С потолка время от времени падали крупные камни. Пока они никого не задели, но мелкая галька все время барабанила по головам и плечам, а пыль, сыпавшаяся из трещин, попадала в глаза, забивалась в рот и ноздри. Кашляя и отплевываясь, беглецы мчались вперед и вниз, стремясь как можно быстрее выбраться наружу.

— Уже немного осталось! — крикнула Ровена и замерла с открытым ртом, глядя на Кулла, который обернулся на ее крик.

Валун величиной с тыкву свалился ему на голову. Он пошатнулся, ноги его подкосились, и атлант рухнул на пол. Ровена бросилась к нему.

— Кулл,— горячо зашептала она,— Кулл, очнись!

Атлант лежал неподвижно. Мертвенная бледность проступила сквозь загар. Девушка склонилась к нему и нежно поцеловала в ви-

сок. Ощувив медленное биение височной жилки, она отшатнулась, посмотрела в неподвижное лицо Кулла и вдруг приникла губами к его бледным губам. Жизненная энергия девушки хлынула в атланта. Он вздрогнул, приоткрыл веки и увидел прекрасное лицо и глаза, смотревшие на него с мольбой.

— Кулл, вставай,— попросила она,— мы погибнем здесь, если ты не встанешь.

Кулл поморщился от боли:

— Не бойся, я не собираюсь валяться здесь, как дохлая собака.— Он с трудом приподнял голову.— Башка разламывается, как после хорошей попойки.— Кулл встал на колени и помотал головой.— Странно, мне показалось, что меня кто-то поцеловал.— Он взглянул на Ровену.

Она не слушала его и тянула за руку:

— Надо бежать! Нас завалит здесь!

Кулл уже был на ногах. Он покачивался, но идти мог. Они снова двинулись вперед, со страхом поглядывая на потолок.

Вскоре впереди показалось синеватое отверстие. Свежий запах воды, пробившийся сквозь завесу пыли, возвестил о том, что они наконец добрались до выхода.

Еще несколько торопливых шагов, и вот над ними уже не каменный свод, грозящий обвалом, а высокое темно-синее небо с бледными

тающими звездами. Вдохнув полной грудью холодный влажный воздух, они взглянули вверх, чтобы узнать, во что превратился замок мага. Над ними возвышалась мрачная серая гора, на отвесных склонах которой не было видно и следа некогда великолепных и величественных построек. Земля снова дрогнула у них под ногами. Послышался грохот: каменные глыбы, громясь одна на другую, заваливали выход из замка.

Внезапно все смолкло, и в наступившей тишине сквозь шорох набегающих волн атлант уловил тихий плеск весел.

— Э-ге-гей! — что есть силы крикнул он.

Из туманной предрассветной тьмы донесся ответный крик, и чуть позже лодка уткнулась носом в берег. Рыбак встал в ней во весь рост и, изумленно рассматривая Кулла и стоявшую рядом с ним девушку, недоверчиво спросил:

— Неужели живые?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ровена запрокинула голову и посмотрела на стоявшее в зените солнце, жгучие лучи которого опалили ей лицо до красноты и напекли голову так сильно, что перед глазами плавали радужные круги. На небе не было ни облачка. Вот уже несколько часов они пробирались по узким горным тропам, карабкались на скалы и спускались в ущелья. Она совсем выбилась из сил, но молчала. Гордость не позволяла ей жаловаться.

— Отдохнем?

Кулл взял Ровену за руку и отвел в глубокую тень от скалы, которую они должны были обогнуть. Девушка села на камень и утомленно прикрыла веки.

Рыбак перевез их с острова на берег, а затем отвел в деревню, состоявшую из нескольких

хижин. Жители ее спрятались в домах и рассматривали чужаков с любопытством и страхом, украдкой выглядывая из окон. Ужас, который они испытывали перед магом, усилился еще больше, когда вслед за гулом и сотрясением земли на берег хлынула вода, оторвала привязанные лодки и затопила хижины, стоявшие ближе к озеру.

Ровена сняла с пальца перстень с изумрудом и отдала рыбаку в благодарность за спасение и как плату за еду, которую они хотели взять в дорогу. Однако деревня была так бедна, что там не удалось найти ничего, кроме нескольких лепешек и связки сушеной рыбы, висевшей сейчас у Кулла на шее как ожерелье. А бурдюков у них сроду не водилось, и сейчас, хотя они с Куллом утолили голод, их мучила жажда, усилившаяся от соленой рыбы.

— Мы должны добраться до перевала к вечеру. Через него пойдем ночью,— сказал Кулл.

— Ночью по горам? — Ровена удивленно посмотрела на него.

— Да. Это очень опасно, но встреча с горцами еще хуже.

— Разве горцы не уничтожены?

Кулл усмехнулся:

— Уничтожить весь народ не так просто. А уцелевших сжигает ненависть, и, если мы попадем им в руки, нам несдобровать.

Атлант не хотел пугать кинну, но им действительно предстоял очень опасный переход. Он встал, намереваясь продолжить путь, хотя видел, что девушка совсем выбилась из сил. Ровена молча последовала за ним. Северянин предложил было взять ее на руки, но кинна одарила его таким взглядом, что он поежился, восхитившись про себя силой ее духа. Она напомнила ему Ахсура в тот день, когда он, избитый, но не сломленный, впивался ногтями в ворс ковра, чтобы не стонать от боли, когда служанка промывала ему кровавые полосы на спине. Они принадлежали к одной породе, и Кулл был уверен, что жалоб от кинны не услышит.

И снова раскаленные на солнце скалы сменялись холодными ущельями, по которым гулял ледяной ветер. Ноги путников были избиты в кровь. Ровена уже давно потеряла туфли и плелась по камням босиком, оставляя за собой кровавый след. Кулл шел впереди и подавал девушке руку, когда нужно было взобраться наверх, или подхватывал ее, когда приходилось спускаться. Они почти не разговаривали, но трудности и опасности сблизили их за один день так, как будто они годы провели вместе.

Когда пылающий шар солнца утомленно склонился к высоким ломаным вершинам гор, атлант объявил, что перевал совсем близко.

Они немного передохнули и снова двинулись вперед, когда на горы пали сумерки. Ночь застала их у перевала, путники еще издали заметили огонь костра и слышали голоса.

— Горцы перекрыли перевал,— прошептал Кулл.

— Что же нам делать? — В голосе Ровены слышалось отчаяние.

Атлант положил руку ей на плечо, успокаивая:

— Что-нибудь придумаем, а пока надо подождать.

Они притаились среди камней. Кулл легко переносил холод, который мгновенно сменил дневную жару, но Ровену сотрясала дрожь. Она села на корточки, обхватила руками колени и сжалась в комок, чтобы хоть немного согреться. Кулл задумчиво посмотрел на нее, помедлил, а потом сел рядом и осторожно обнял девушку за плечи.

— Прижмись ко мне — будет теплее,— сказал он.

Она так и сделала. Бедняжка настолько устала, что даже не думала о том, что ее впервые обнимает мужчина. Ровена прижалась щекой к теплой надежной груди атланта и заснула, провалившись в сон, как в пропасть.

Но вот окутывающая ее черная пелена постепенно растаяла, превратившись сначала в

молочно-белый туман, а затем в легкую полупрозрачную дымку. Девушка летела в небесной синеве, как птица, а под ней раскинулась прекрасная страна, где зеленые равнины испещрены квадратами возделанных полей, реки голубыми лентами блистали на солнце, замки на холмах вздымали высокие башни, города окружены крепостными стенами. Вот она в столице этой страны, богатом городе, где в роскошном дворце на великолепном троне восседает король — величественный муж с золотой короной на гордо поднятой голове. Взгляд его серых глаз направлен прямо на нее. «Кулл,— говорит она,— это я, Ровена», но он не видит и не слышит ее. На его губах появляется улыбка, и ей кажется, что он наконец ее увидел, но нет, он смотрит мимо. Обида сжимает ее сердце так сильно, что на глаза невольно наворачиваются слезы. Чтобы никто не видел ее стыда и обиды, она подбегает к высокому окну, вскакивает на подоконник и прыгает вниз. Ветер подхватывает ее, и она летит все выше в небо, голубизна которого сменяется густой синевой, которая постепенно приобретает фиолетовый оттенок, а затем оно становится совсем черным. Кругом тьма, непроглядная тьма и ледяной холод.

Ровена проснулась, но не сразу поняла, где находится. Темнота вокруг, тишина и холод.

Она одна, никого нет рядом. Где же Кулл? Она слепо провела рукой вокруг себя. Пальцы наткнулись на холодные камни. Куда он делся? Кинна хотела крикнуть, но вовремя опомнилась. Вдруг рядом послышался шорох. Она впилась взглядом в черную тьму.

— Ровена,— прозвучал тихий голос,— я разведаль дорогу.— Рядом с ней появилась темная тень, и теплая шероховатая ладонь коснулась ее руки. Она с облегчением вздохнула.— Горцы спят, кроме одного караульного. Давай попытаемся проскользнуть мимо них.— Он потянул ее за руку.— Иди за мной и старайся не шуметь. У горцев чуткий слух.

Они медленно двинулись туда, где тускло светились остывающие угли. Тропа вывела их прямо к костру, вокруг которого вповалку лежали горцы, укрывшиеся от холода козлиными шкурами. Один из них клевал носом, время от времени вскидывая голову и оглядывая осоловелыми глазами темные скалы.

Атлант шепнул:

— Мы поднимемся на склон и проскользнем над ними. Только тихо.— И бесшумно ступил вперед.

Ровена последовала за ним. Осторожно, постоянно останавливаясь и замирая, они начали пробираться среди каменных глыб, тщательно нащупывая место, куда можно было поставить

ногу. Кинна шла за Куллом след в след, стараясь не отставать. Он часто оборачивался и протягивал ей руку, чтобы помочь преодолеть очередной выступ. Они миновали стоянку горцев и, поглядывая сверху на чуть тлеющие темно-красные угли, перевели дух. Девушка, устало привалившись к скале, оперлась рукой на валун. Камень вдруг покачнулся, она попыталась его удержать, но он скользнул по гладкой поверхности и сорвался вниз. Звук его падения оглушил беглецов, хотя он был не таким уж громким. Однако даже малейшего шума оказалось достаточно, чтобы караульный очнулся, вскочил, что-то крикнул своим товарищам и бросился на звук.

Кулл встретил его мощным ударом, но остальные, набежав, как свора собак, облепили его со всех сторон. Каждый удар атланта достигал цели, и у его ног валялось уже несколько поверженных врагов. Ровена старалась даже не дышать, но, увидев, что один из горцев забрался выше по склону и перегнулся через каменный выступ, закричала:

— Кулл!

Однако было уже поздно.

Крупный камень сбил атланта с ног. Кинна увидела перед собой горящие злобой глаза, рванулась из рук, грубо схвативших ее за волосы, и, получив безжалостный удар по лицу,

бессильно обмякла в руках горца, который поволок ее к костру.

* * *

Кулл очнулся и почувствовал, что его руки вывернуты за спину и перетянуты сыромятным ремнем. Приглядевшись, он рассмотрел в предрассветной серой мгле суровые бородатые лица. «Ровена»,— вспомнил он и тут же увидел ее. Девушка лежала неподалеку на козьей шкуре. Глаза кинны были закрыты, щеки залила бледность.

— Что с ней? — спросил атлант одного из горцев.

По взгляду и повороту головы пленника тот понял вопрос и что-то пробурчал на своем языке. Кулл не разобрал слов, но догадался, что Ровена жива и ничего страшного с ней не случилось.

Его пинками заставили встать и повели, а один из горцев взвалил Ровену на плечо и потащил ее, недовольно ворча. Они шли сначала по ущелью, затем вверх по крутой тропе, затем по узкому карнизу вдоль глубокой пропасти. Начинало светать. В серой дымке темные скалы казались особенно мрачными. Атлант часто оглядывался и, обернувшись в очередной раз,

увидел, что девушка пришла в себя и с трудом бредет за отрядом, а тот, кто ее нес, теперь грубо тянул кинну за руку.

Солнце поднялось уже высоко, когда они достигли пещеры, которую Кулл сразу узнал. Он уже был в ней. Вождь горцев стоял перед входом в окружении нескольких человек.

— Я знал, что далеко ты не уйдешь,— сказал он по-илурски, когда Кулл остановился перед ним.— Голому и без оружия в горах делать нечего. Рано или поздно ты бы вернулся в Илурат. А это кто? — Он уставился на девушку, которую подтолкнули к нему.— Где ты в наших горах нашел такую красавицу? — Вождь подошел к Ровене и провел рукой по ее золотистым волосам.

— Не трогай ее,— прорычал атлант.

Горец усмехнулся:

— Это моя добыча, и я сделаю с ней все, что захочу.— Затем он посмотрел на Кулла, который тщетно старался освободить руки: — Я заставлю тебя пожалеть, что ты остался жив,— и приказал стоявшему рядом с атлантом горцу: — Обыщи его.

Тот вывернул карманы кожаных штанов Кулла, но там было пусто.

— Где мой талисман? — спросил вождь.

Кулл молча пожал плечами.

— Я приказал обшарить всю пещеру после твоего бегства. Где он?

— Не знаю. Мне было не до твоего талисмана. Я думал о том, как бы сбежать.

Горец зло и недоверчиво взглянул на него:

— Ты умрешь страшной смертью, но если не хочешь увидеть, как мучается твоя подружка, отвечай: где волшебный Глаз?

— Говорю тебе, я не знаю. А девушку не трогай. Это кинна Ровена. Ты можешь получить за нее большой выкуп.— Он посмотрел на Ровену, стараясь дать ей понять, чтобы она не возражала и во всем положилась на него.

Вождь засмеялся:

— Где же ты раздобыл кинну Ровену? У мага Ниттон-Тана? Я видел, как она ехала к нему, но не напал. С ней был слишком большой отряд.

— Меня послали к ней с известием, что она может не выходить замуж за колдуна, если не хочет этого. Но Ниттон-Тан отказался ее отпустить, и нам пришлось бежать.

Горец повернулся к девушке и недоверчиво оглядел ее с головы до ног. Лицо красивое, хотя и с синяком на скуле, одета в лохмотья, ноги босые и грязные, волосы спутаны, но голова гордо вскинута, а глаза так и сверкают.

— Он правду говорит?

— Да, я кинна Ровена — Девушка сказала это таким тоном, что он не мог не поверить.

Глаза вождя хищно блеснули.

— В таком случае, кинна, я тоже назову себя. Я — Риас, сын предводителя горских племен Ленда, с которым сражался твой отец. Я ненавижу илуров и буду уничтожать их, пока кровь течет у меня в жилах.

Ровена посмотрела на него с презрением:

— Что значит твоя жалкая шайка разбойников по сравнению с Илуратом? Что ты можешь сделать?

— Раньше мало что мог, но теперь, когда ты у меня в руках, я заставлю илуров плясать под мою дудку.— Он приказал одному из своих людей: — Отведи ее в пещеру для пленников.— Затем шагнул к Куллу: — Теперь я понял, как тебе удалось уйти живым от мага. У тебя был мой талисман!

Атлант кивнул:

— Да, был. Но теперь он на дне озера.

Горец скрипнул зубами от злости:

— Я добыл этот волшебный Глаз в бою, когда мы напали на фарсунских купцов, ехавших через перевал. Он давал мне силу и могущество. Что ж, теперь кинна станет моим талисманом! Пока она у меня в руках, я могу делать с Илуратом все, что захочу. А ты умрешь!

* * *

Атланта толкнули в пещеру, завалили ее огромным камнем, и он оказался в полной темноте. Снаружи слабо доносились гортанные голоса переговаривавшихся между собой горцев. Как и в прошлый раз, он стал искать острый выступ на стене, чтобы перетереть ремень. Теперь это оказалось не так просто, и он потратил много времени и сил, прежде чем смог освободить руки. Мысль о Ровене не давала ему покоя, и он придумал, как спасет девушку. Он бросится на тех, кто придет за ним, отнимет оружие, скроется в горах, а затем выкрадет кинну. Как? Это он решит позже.

Он напряг мышцы и разорвал путы, а затем, двигаясь в темноте вдоль стены, начал тщательно ее ощупывать, постоянно наклоняясь, так как пещера была небольшой и низкой настолько, что он задевал головой потолок. Неожиданно Кулл споткнулся о попавшийся под ноги валун, присел и покачал его, пытаясь поднять: может быть, этот камень пригодится, чтобы проломить голову первому, кто сунется в пещеру. Но камень не поддавался. Он оказался слишком велик и к тому же был как будто вдавлен в стену у самого пола. Атлант ощупал камень со всех сторон и убедился, что часть его действительно намертво засела в

стене. Что, если валун закрывает лаз, ведущий в соседнюю пещеру? От этой догадки он почувствовал прилив сил. Потратив немало времени, Кулл все-таки сумел раскачать камень, и тот наконец дрогнул. Посыпалась каменная крошка, валун сдвинулся с места...

Отверстие, открывшееся Куллу, оказалось очень узким. Неизвестно, куда оно вело, но атлант, не задумываясь, сунул туда голову и с трудом протиснул плечи. Если он упрется в тупик, горцам придется выволакивать его из этой норы за ноги.

Кулл медленно полз вперед, обдирая до крови плечи и постоянно ударяясь теменем о низкий каменный свод. Почувствовав, что ход постепенно сужается, он остановился. Надо было решать: ползти вперед или вернуться, пока не поздно. А если он застрянет здесь? Что тогда? Сдохнет, как крыса. Из пещеры, по крайней мере, можно при удаче выбраться, а отсюда? Однако повинувшись необъяснимому внутреннему порыву, он снова уперся пальцами ног в каменный пол и, цепляясь руками за выступы в стенах, прополз еще немного вперед.

Теперь плечи окончательно застряли между камнями. Морщась и скрипя зубами от боли, атлант протянул руку, ощупал лаз, и ему показалось, что тот расширяется. Нужно пройти

только это узкое место. Но как это сделать, если плечи не протискиваются, как бы он ни упирался ногами и ни извивался ужом? Выбившись из сил, он замер: кровь стучала в висках, перед глазами плавали красные круги, пот струился по лицу. Он закрыл глаза и уткнулся лицом в дно лаза. Стояла мертвая тишина. Вдруг Кулл приподнял голову и насторожился. Сомнений не было. Он слышал человеческие голоса, вернее, смех, который доносился откуда-то издалека. Рванувшись вперед и ободрив кожу на плечах, он проскочил через каменные тиски и сразу же почувствовал облегчение. Еще несколько движений, и атлант вывалился из лаза головой вниз.

Он встал на четвереньки, затем осторожно приподнялся и, к великой радости, смог выпрямиться во весь рост. Ощупав стены, Кулл убедился, что попал в туннель, и, когда вновь услышал слабый звук, пошел на него, держась рукой за стену и осторожно ощупывая ногой пол, прежде чем ступить. Голоса звучали все громче. Атлант уже слышал гортанную речь и вскоре увидел впереди луч света. Сделав еще несколько шагов, он чуть не уткнулся носом в козлиную шкуру, которая прикрывала вход в пещеру. Отвернув ее край, он приник к щелке глазом и увидел сидевших вокруг костра горцев, которые, переговариваясь и смеясь, грыз-

ли мясо. Спинай к нему и лицом к выходу из пещеры сидел Риас и, судя по невероятному чавканью, тоже ел. Атлант сглотнул слюну, и его замутило от голода. Однако он не мог выступить против всей этой оравы с голыми руками, и ему ничего не оставалось, как торчать возле вонючей шкуры и терпеливо ждать.

Наконец трапеза закончилась, а насытившиеся люди умиротворенно растянулись возле костра. Вдруг послышались громкие голоса, и в пещеру вбежали два человека. Они наперебой заговорили, обращаясь к вождю. Из их взволнованной речи Кулл уловил только одно слово — «илуры». Все горцы повскакивали с мест, зазвенели оружием, навешивая сабли и закидывая за спину луки. По приказу Риаса, выкрикнутому четким резким голосом, все вывалились наружу. Сердце Кулла радостно забилось. Выход из пещеры был свободен.

* * *

Осторожно выглянув наружу, Кулл убедился, что вокруг не было ни души. Найти место заточения Ровены не составило труда. Валун, закрывавший вход, явно обозначал, где находилась пещера для пленников. Атлант налег на него плечом и сумел один отвалить камень,

который обычно с трудом сдвигали трое. Ровена, ослепленная брызнувшим в темницу светом, не сразу разглядела Кулла, а узнав его, бросилась навстречу, обхватила руками могучую шею и уткнулась в грудь мокрым от слез лицом. Кулл обнял ее и буркнул:

— Хватит реветь. Надо бежать, кинна.

Она отстранилась и взглянула на него снизу вверх:

— Я знала, что ты меня освободишь! Но зачем ты сказал им, кто я?

— Вождь взял бы тебя в наложницы. Ты понимаешь, что это значит? А мне нужно было выиграть время.

— Как тебе удалось бежать?

— Я нашел лаз, о котором, похоже, и сами горцы не знали. За пещерой вождя есть еще какие-то проходы и коридоры. По ним я обогнул ее.

— Но как ты прошел через пещеру, если там были горцы?

— Все ушли. Я слышал, что они говорили об илурах. Наверное, собираются напасть на них. Нам нужно как можно быстрее бежать отсюда.— Кулл взглянул на ее ноги: — Ты можешь идти?

Ровена кивнула:

— Да, я готова идти даже по битому стеклу. Но куда нам бежать? Они нас выследят. Далеко мы не уйдем.

Кулл задумался:

— Ты права. Один я мог бы скрыться, но вдвоем, а тем более босиком, мы станем для них легкой добычей.— Он потянул Ровену за руку: — Идем. Я знаю, где спрятаться.

Когда они проходили мимо пещеры, в которой держали Кулла, он сказал кинне:

— Подожди здесь.— И нырнул внутрь. Там он закатил валун в отверстие в стене и припорошил его сухой грязью, собрав ее ладонями на полу.— Надеюсь, горцы не сразу обнаружат лаз и будут искать нас в горах,— пояснил он, выходя наружу.

В пещере вождя он взял головню из догорающего костра и откинул козлиную шкуру, закрывавшую отверстие:

— Опасно забираться в эту крысиную нору, но что делать? Не бойся, Ровена, мы найдем другой выход отсюда.

* * *

Отряд Робада приближался к перевалу. Сам он скакал впереди и внимательно осматривал угрюмые скалы. Неужели здесь снова появи-

лись горцы? Совсем недавно они с Куллом благополучно миновали ущелье, даже не подзревая, как рисковали. Наверное, им просто повезло. Отряд, посланный Маргом, занял позицию при входе на перевал, значит, эта дорога безопасна.

Вдруг мимо уха кинара просвистела стрела, летевшая так близко, что он почувствовал колебание воздуха. Робад непроизвольно дернул поводья, и конь взвился на дыбы. Сверху посыпался град стрел, и несколько человек замертво упали с седел. Другие, пришпорив коней, пустились вслед за кинаром, который, нахлестывая своего жеребца, несясь по дороге.

Дорога, по которой они скакали, постепенно сужалась, и вскоре им пришлось остановиться.

Командир отряда обратился к Робад:

— Кинар, это горцы. Я знаю повадки этих вонючих козлов. Их лазутчики узнали о нашем приближении. Уверен, нас ждет засада на перевале. Мы потеряем много людей, если пойдем напролом.

— Но ведь вход на перевал охраняет гарнизон?

— Со стороны Моруола проход свободен. Горцы перекроют ущелье посередине. Они знают множество тайных троп и могут пройти по отвесным скалам.

— Что ты предлагаешь?

Сотник показал рукой на горный отрог:

— Я знаю обходную тропу. Однажды я выслеживал по ней Асида. Она тоже ведет к перевалу. Горцы наверняка перекрыли ее. Нам нужно разделиться, пройти по второй тропе, а потом одновременно ударить с двух сторон. Это проверенная тактика.

— Хорошо, действуй.

— Сигналом будет крик ворона. Вот такой.— Сотник приложил руки ко рту и издал громкий звук, похожий на карканье.— До него не нападайте.

Отряд разделился надвое. Одна часть последовала за сотником и быстро скрылась из виду, другая, во главе с кинаром, осторожно двинулась вперед. Вскоре они увидели перед собой узкий проем между горами. Это и был перевал, который связывал долину Илурата с внешним миром. К нему вела узкая тропа, петлявшая между крутыми, покрытыми чахлой растительностью склонами. При входе стояла башня из грубо обтесанных камней, охраняемая лучниками. Стоило появиться отряду, лучники приготовились, но никто не стрелял, а чуть позже из ворот выехал начальник гарнизона и отдал рапорт кинару. Робад приказал всем спешиться. Оставив несколько человек сторожить лошадей, он повел остальных по ущелью. Они передвигались перебежками,

прячась в расселинах, за валунами и каменными выступами. Кинар был уверен, что горцы их поджидают, но надеялся, что противник не догадывается о другом отряде, идущем в обход.

Они подошли к перевалу почти вплотную и залегли, ожидая условного сигнала. Горы казались пустыми, стояла мертвая тишина. Воины-илуры, изучившие повадки горцев в течение многолетних войн, терпеливо ждали, притаившись в укрытии. Робад волновался и дрожал от нетерпения, словно участвовал в охоте на диких зверей. Но ведь и для горцев они тоже добыча, которую те тщательно выслеживают и терпеливо поджидают. Так кто на кого охотится?

Солнце скрылось за горной вершиной, и сразу стемнело, хотя до вечера еще было далеко. Ожидание становилось невыносимым. Руки и ноги затекли. Хотелось встать во весь рост и, презирая опасность, броситься вперед, лишь бы не лежать скорчившись. Робад поерзал на месте и в который раз оглядел горы. Долгожданный крик ворона показался странным и неуместным здесь, в царстве камня. Юноша вскочил. За ним устремились его люди. Некоторые сразу же упали, сраженные стрелами, но натянуть тетиву во второй раз горцам не удалось — завязалось кровавое сражение, засвер-

кали мечи и кинжалы. Кинар увидел недалеко от себя сотника, который, мастерски орудуя мечом, прокладывал к нему дорогу среди яростно бьющихся людей. Вскоре они уже сражались бок о бок.

Илуры теснили горцев, уничтожая их одного за другим. Осталась совсем небольшая горстка, отступавшая вглубь перевала.

— Они уйдут! — крикнул сотник и кинулся туда, где около десятка горцев отчаянно отбивались от наседавших на них илуров, а остальные исчезали в едва заметной расселине. Робад последовал за ним.

Вскоре все горцы, прикрывавшие отступление товарищей, были перебиты. Илуры обнаружили в расселине начало тропы, которая вела наверх. Охваченные азартом преследования, они устремились за врагами, не думая, что могут попасть в ловушку. Но догнать тех, для кого горы были родным домом, оказалось не так-то просто. Лишь раненые, выбившиеся из сил и неспособные быстро карабкаться по скалам обреченно умирали под их мечами. Остальные намного опередили илуров.

Преодолев несколько крутых подъемов, они увидели зияющие чернотой отверстия — входы в пещеры. Сотник остановил людей и сказал кинару:

— Не думаю, чтобы горцы там засели, но стоит проверить.

Дождавшись тех, кто отстал, он поставил солдат возле каждой пещеры, приказав по его знаку врываться внутрь. Они так и сделали, но, бросившись в пещеры с победным кличем, почти сразу же вышли оттуда с разочарованными лицами.

— Пусто,— сказал сотник, ничуть не удивившись.— Ну что ж, они не дураки.

— В большой пещере совсем недавно горел костер,— доложили ему.

— Никого здесь нет,— убежденно заявил сотник.— Надо торопиться, а то мы их упустим.

Они двинулись по тропе дальше, но очень скоро им преградило путь глубокое ущелье. Робад наклонился и посмотрел вниз, где под отвесной кручей шумела горная река. Куда подевались горцы? Не бросились же они в пропасть? Сотник тоже был в недоумении:

— Не могли горцы так устроить свою стоянку, чтобы не предусмотреть пути к отступлению.

Они вернулись к пещерам. Из входа одной из них вился слабый дымок. Робад вошел в нее, огляделся и увидел посередине кострище с еще теплыми углями, обглоданные кости, несколько козлиных шкур на полу и одну на сте-

не. Странно... Не для красоты же ее повесили! Что за ней? Он отвернул край skóry и увидел черное отверстие.

— Сотник! — крикнул он. — Я нашел. — И, не раздумывая, шагнул в темноту.

* * *

Кулл медленно шел по темному проходу, держа Ровену за руку. Едва тлеющая головня почти не давала света. Они то и дело спотыкались, и Ровена кусала губы, боясь вскрикнуть от боли. Потолок иногда понижался, и Кулл, несколько раз ударившись лбом о камень, старался идти согнувшись, но у него это плохо получалось. Когда ему на лицо упала первая капля, он даже вздрогнул от неожиданности. Теперь под ноги попадались не камни, а какие-то влажные наросты. Чем дальше они продвигались, тем сильнее струилась вода, и вскоре их волосы напитались влагой, платье на кинне промокло насквозь. Атлант бросил погасшую головню, и теперь они шлепали по воде в крошечной тьме. Девушка выдернула руку из большой ладони своего спутника и остановилась.

— Мне страшно, — прошептала она.

Кулл снова взял ее руку:

— Не бойся. Смотри, кажется, впереди светлеет.

Она выглянула из-за его широкой спины, увидела впереди тусклый свет, и сердце кинны замерло от страха перед неизвестностью.

Они пошли очень осторожно и медленно, стараясь не шуметь. Подземный коридор сделал поворот. Еще несколько шагов, и у Ровены дух захватило от необыкновенного зрелища.

Перед ними была огромная пещера. Откуда-то сверху из невидимых отверстий в невысоком каменном своде пробивались лучи дневного света и отражались сверкающими бликами в больших прозрачных колоннах с заостренными концами, которые, как зубы дракона, торчали из пола и свешивались с потолка. И всюду слышался звон падающих капель. Вода сочилась по огромным сосулькам с наплывами самой причудливой формы и омывала острые концы других, которые, казалось, вырастали снизу. Некоторые из них соединялись, образуя прозрачно-белые колонны, похожие на девичьи фигуры, перетянутые в талии.

— Как красиво! — вырвался у Ровены восхищенный вздох.

Но Кулла занимало другое. Куда идти дальше? Он потянул девушку за руку, они пошли между прозрачными остроконечными столбами, стоявшими вдоль стены, и обнару-

жили, что из пещеры можно выйти по нескольким коридорам. Не зная, какой выбрать, атлант шагнул в первый попавшийся. Они долго брели по темному туннелю, но в конце концов уткнулись в тупик и вынуждены были вернуться. Блики на колоннах приобрели кроваво-красный оттенок. Вероятно, солнце уже клонилось к закату. Беглецы вошли в другой коридор, но он вскоре сузился настолько, что по нему невозможно было не то что идти, но даже ползти. Им снова пришлось повернуть назад.

Ровена совсем выбилась из сил. Она промокла с головы до пят и очень замерзла. Свет, льющийся сверху, потускнел. Скоро, с наступлением ночи, тут будет так темно, что они даже друг друга не смогут увидеть. Она выбрала более или менее сухое место, села и, прислонившись к стене, закрыла глаза. Монотонный стук капель и журчание воды навевали дрему. Вдруг девушка подняла голову.

— Кто-то сюда идет,— сказала она тихо.

Кулл прислушался и уловил далекие голоса, которые становились все громче. Вскоре стало ясно, что это горцы. Ровена в отчаянии прошептала:

— Мы погибли.

— Не бойся, кинна.— Кулл оглядывал пещеру, которая уже погрузилась в полутьму —

В темноте они нас не заметят. Пойдем! — Он потянул ее к коридору, который вел в тупик.— Им в голову не придет, что мы прячемся в тупиковом проходе. Потом придумаем, что делать.

Выглянув оттуда, он заметил темные силуэты и попробовал их сосчитать. Горцев было не так уж много, может быть, пять или шесть человек, но они вооружены, а он нет. Если только темнота поможет ему. Пока он раздумывал, горцы, не замедляя шага, пересекли пещеру и скрылись. Атлант вздохнул с облегчением, но удивился, что они даже не обыскали пещеру, как будто беглецы им были не нужны. А вдруг и в самом деле не нужны? Может быть, они сами убегают от погони?

— Нужно подождать, чтобы они ушли подальше,— сказал он Ровене.— Я заметил, куда они нырнули.

— Давай вернемся,— предложила она.

— Нет. Я их сосчитал. Всего пять или шесть человек. Остальные, наверное, ищут нас в горах, и, конечно, кто-то есть на стоянке. Хотя...

— Что?

— Мне показалось странным, что они так быстро прошли и даже не осмотрели пещеру. А вдруг они сами убегают от илуров?

— Илуры не догадаются, куда они скрылись.

— Да, они здорово придумали с этими пещерами.

— Куда же нам идти, Кулл? — спросила Ровена.

Но атлант и сам не знал, куда идти: любой путь был опасен. Пока он раздумывал, снова послышались голоса.

— Они возвращаются! — воскликнула Ровена и схватила его за руку. — Почему?

— Один Тог знает! Может быть, проход оказался перекрыт или они убедились, что нас там нет, и решили искать здесь. — Слушай, Ровена, — он потянул ее к нише, которую заметил, когда они обходили пещеру, — сиди здесь и не двигайся, что бы ни случилось. Они будут обшаривать все коридоры, а сюда вряд ли заглянут. В крайнем случае, я постараюсь их отвлечь. — Кулл погладил ее по мокрым волосам и добавил: — Положись на меня.

Сам он притаился за огромным наростом, откуда хорошо была видна ниша, где сидела Ровена, и стал напряженно вглядываться в темноту, стараясь не пропустить появления горцев. Гулкие шаги, усиленные эхом, возвести об их приближении. Вскоре они вынырнули из проема в стене и остановились недалеко от того места, где притаился Кулл, возбужденно переговариваясь. Когда прозвучало слово «илуры», Кулл окончательно убедился, что

горцы не преследовали пленников, а сами спасались бегством. По какой-то причине они не сумели выбраться наружу. Значит, будут прятаться в подземелье, выбрав один из коридоров. Он должен выследить, куда они пойдут, хотя в темноте это будет не так-то просто сделать.

Неожиданно горцы замолчали. Кулл тоже прислушался. В наступившей тишине раздался еле слышный звук, который становился все громче. Он сразу понял, что это погоня: горцы заматались по пещере, как крысы, которые ищут нору для укрытия. Вдруг послышался женский вскрик. Кулл рванулся к нише, где пряталась Ровена, но было уже поздно. Она оказалась в руках у горцев, вернее, у Риаса, голос которого Кулл мгновенно узнал.

— Атлант! — крикнул вождь. — Я знаю, ты здесь прячешься. Имей в виду, мой нож у горла кинны. Если не хочешь ее смерти, иди на встречу илурам и скажи им, что она здесь. Пусть дадут нам уйти, и мы ее не тронем. И не дури, у меня рука не дрогнет! — Вождь замолчал, напряженно прислушиваясь.

Кулл притаился, выжидая. Он знал, что Риас не убьет Ровену, ведь она была для него единственной надеждой на спасение. К илурам он идти не собирался. Они и слушать его не ста-

нут, посчитав сумасшедшим, и сгоряча могут прикончить.

Голоса приближавшихся илуров становились все громче, и атлант стал осторожно подкрадываться к горцам, которые плотным кольцом окружили вождя, державшего девушку. Кулл не сомневался, что они смотрят в ту сторону, откуда ждут погони, и невидимой тенью подходил к ним сзади. Он пригнулся, намереваясь броситься Риасу в ноги, как только илуры войдут в пещеру. И этот миг наступил. Толпа солдат ввалилась в подземный зал, заполнив его криками. Кулл метнулся к ногам горцев и, схватив подол платья Ровены, дернул. Девушка упала как подкошенная, избежав удара кинжалом. Кулл прикрыл ее своим телом и в образовавшейся свалке сумел оттолкнуть в сторону. Горцы не видели его в темноте, а пускать в ход оружие не решались, чтобы не перерезать друг друга. Судорожно ощупывая все вокруг и гортанно переговариваясь, они искали между собой чужака, а атлант крутился среди них, щедро раздавая удары. Илуры бросились на звук их голосов и пустили в ход мечи. Кулл ползком выбрался из кровавой бойни и начал искать Ровену, но девушки нигде не было.

— Ровена! — позвал он, но никто не отозвался.

— Кинар, мы их прикончили! — крикнул сотник.

«Робад здесь?» — подумал Кулл и окликнул:

— Ахсур!

— Кулл? Ты где? — донесся знакомый звонкий голос с другого конца пещеры.

— Я здесь.— Кулл бросился на голос, и вскоре они встретились, схватив друг друга за руки.

— Кинар, надо искать Ровену,— торопливо сказал атлант.— Она в этой пещере. Ровена!

— Она у меня,— раздался невдалеке гор-
танный голос.

— Риас? — спросил Кулл, всматриваясь в темноту.

— Да, я вождь Риас. Ваша кинна в моих руках. Если кто-нибудь ко мне приблизится, я перережу ей горло.

— Всем стоять! — приказал Робад.— Риас, что ты хочешь?

— Вы даете мне выйти отсюда. Кинна пойдет со мной до пещеры наверху. Там я оставлю ее, если увижу, что меня не преследуют.

— Хорошо, я принимаю твои условия. Дайте ему пройти,— приказал Робад.

Мимо него скользнула темная тень, послышался сдавленный стон, а чуть позже из глубины коридора донесся крик:

— Помни, кинар, что ты мне обещал, если тебе дорога жизнь сестры!

Робад бросился на голос, на ходу отдавая приказ:

— Не трогать его!

— Он тебя обманет, кинар,— убежденно сказал сотник.— Он ее похитит или убьет.

— У нас нет другого выхода,— ответил Робад, а затем крикнул, глядя в темноту:

— Кулл, ты где?

Но ему никто не ответил.

* * *

Атлант нырнул в коридор, ведущий наружу, как только услышал голос Риаса и понял, что Ровена у него в руках. Он знал, чего потребует вождь, и задумал подготовить ему хорошую встречу.

Кулл крался по коридору, как кошка, стараясь не задеть ни одного камня, чтобы опытный и хитрый горец не догадался, что кто-то его опередил. Добравшись до пещеры, он первым делом схватил две козлиные шкуры и бросил их у проема, через который должен будет пройти Риас, немного сбоку, затем лег головой к отверстию и накрылся шкурами. Острая вонь ударила в нос, но пришлось терпеть.

Вскоре послышались шаги, атлант приготовился к броску и, едва горец шагнул в пещеру, схватил его за лодыжку и дернул. Риас повалился на шкуры, но не выпустил руки Ровены, которую держал мертвой хваткой, и девушка упала вместе с ним. Однако драться так он не мог, и ему пришлось оттолкнуть от себя пленницу. Выхватив кинжал, Риас бросился на Кулла, но тот успел схватить его за запястье, и лезвие, скользнув по груди атланта, оставило на ней лишь глубокий порез. Северянин заломил горцу руку, хрустнул сустав, и кинжал выпал из разжавшихся пальцев. Ровена метнулась к нему, а атлант тем временем ударил противника кулаком по затылку, и Риас, оглушенный, свалился на пол.

Кулл шагнул к Ровене и взял у нее кинжал.

— Кулл! — крикнула она, увидев, что вождь очухался и встал на ноги.

Удар Кулла был молниеносным. Атлант даже не оглянулся, по взгляду девушки определив, где горец. Лезвие вошло Риасу в бок по самую рукоятку. Мгновенно повернувшись, Кулл нанес еще один удар, на этот раз в грудь, и сразил горца наповал.

В проеме показался Робад. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что произошло. Он встретился глазами с Ровеной, смотревшей

на него изумленно и радостно, и шагнул ей навстречу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вернувшись в Илурат, молодой кинар вновь занялся государственными делами. По его приказу к перевалу послали еще один отряд, которому надлежало не только охранять вход, но и патрулировать ущелье. Вместе с несколькими опытными военачальниками он разработал план окончательного усмирения горцев, которые, потеряв предводителя, вряд ли теперь были способны сопротивляться всерьез.

Каждый день он встречался с советником Маргом и выслушивал его доклад, поражаясь, с каким упорством этот маленький человек с бесстрастным лицом держался за свой режим правления. Он с великой неохотой соглашался с любыми изменениями, которые предлагал Робад, или вовсе отметал их как невозможные. Было ли это снижение торговых пошлин, чтобы оживить торговлю, или отказ от доносов и

повальных арестов, на все кинар слышал один ответ:

— Мой господин, это ни к чему хорошему не приведет.

Робад кипятился:

— Пойми, советник, сейчас другие времена. Мой отец опасался врагов, потому что у него не было наследника. А мне чего бояться?

— Есть люди, недовольные тем, что ты на троне, кинар. Они мечтают тебя скинуть.

— Кто? Ты можешь назвать имена?

— Пока не могу. Ты не даешь мне возможности это узнать, мой господин.

Юноша старался доказать упрямому старику:

— Получается порочный круг. Ты, установив жестокие порядки, вызываешь у людей желание их уничтожить. Чтобы схватить недовольных и обезопасить себя, ты еще сильнее ужесточаешь режим и тем самым порождаешь еще больший протест. Не проще ли дать людям вздохнуть свободно и жить так, как им хочется?

Их споры никогда не заканчивались согласием. Робад был уверен, что ему ничего не грозит, что все опасения и страхи Марга преувеличены. Ему даже казалось, что советник специально нагнетает опасность, чтобы гнуть

свою линию, а ему не давать и шагу ступить самостоятельно.

Но с некоторых пор его уверенность поколебалась. Однажды, когда он проходил по коридору дворца, железная решетка с заостренными прутьями, опускаемая на ночь, неожиданно сорвалась и рухнула вниз, чуть не пригвоздив его к полу. Он не придал этому значения, решив, что это случайность. Но на следующий день, когда он совершал свою ежедневную прогулку верхом по парку, на крутом мостике через ров оказались выломанными несколько досок, и его конь попал ногой в дыру, а сам он, вылетев из седла, чуть не сломал шею. Но на этом странные происшествия не кончились.

Через несколько дней ночью от упавшей свечи загорелась тяжелая скатерть, которая покрывала стол, стоявший рядом с кроватью кинара, и он чуть не задохнулся во сне от удушливого дыма, а когда выбегал из спальни, натолкнулся на туго натянутую веревку в проеме двери. Удар пришелся по горлу, Робад упал и не смог ни выйти из горячей комнаты, ни позвать на помощь. Его чудом спасли.

Очнувшись в середине дня в постели с мокрым полотенцем на голове, юноша приказал позвать Кулла. Атлант тут же явился, но выглядел помятым и невыспавшимся. Он тоже

страдал страшной головной болью, но отнюдь не от угара, как кинар, а от сильнейшего похмелья.

Робад рассказал ему обо всем, что случилось с ним за последнюю неделю.

— Кто-то хочет убить тебя, кинар,— сказал Кулл.— Это очевидно. Но этот кто-то, наверное, очень могущественный человек, если сумел так ловко подстроить все эти покушения.

— Марг говорит, что вокруг меня плетутся заговоры. Он утверждает, что есть вельможи, которые считают меня самозванцем.

— Может быть, он и прав. Я тоже слышал такие разговоры. И не только на базаре, но и во дворце. Конечно, твое появление в Илурате многим кажется странным. Если это заговор, его надо пресечь в корне.

— Как?

Кулл задумался:

— Сидеть сложа руки и ждать очередного покушения опасно и глупо. Надо самим действовать.

— Против кого?

— Нужно заставить этих людей обнаружить себя так, чтобы схватить их за руку.

— Каким образом?

— Надо подумать. А пока, кинар, позволь быть рядом с тобой.

* * *

Ровена не понимала, что с ней происходит. После возвращения в Илурат она сама себя не узнавала. Время от времени на нее накатывалась необъяснимая тоска, какой она не испытывала даже после смерти отца, а то вдруг умеренная веселость превращала ее в сущего бесенка, и она резвилась, как малое дитя, изумляя придворных.

Одно кинна знала совершенно определенно. Она испытывала страшную досаду, когда до нее доходили слухи о безобразных попойках, которые устраивал Кулл в тавернах Нижнего города. А еще она злилась, когда по утрам встречала его во дворце, помятого и не выспавшегося. С равнодушной улыбкой на опухшем лице он кланялся ей, пряча глаза, и, стараясь не качаться, уходил в свою спальню, чтобы в течение дня отоспаться, а затем, набравшись сил, снова пуститься в загул на деньги, дарованные щедрой рукой Робада. Кинна убеждала себя, что ей дела нет до атланта, который, видимо, хотел непомерными возлияниями и сомнительными утехами вознаградить себя за все лишения, которые испытал во время похода в замок Ниттон-Тана и не менее опасного возвращения оттуда.

Но перепады ее настроения, тоску, раздражительность, несвойственную ей грубость и замкнутость тут же заметила госпожа Карпатурия. Придворная дама, узнав, какие невзгоды пришлось пережить Ровене, с еще большим рвением бросилась опекать кинну и, хотя встретила нешуточный отпор, не оставляла попыток стать для девушки незаменимой наперсницей. Ровена стойко отбивалась от ее назойливого внимания, избегала казначейшу, иногда даже прямо говорила ей, что желает остаться одна и не нуждается в ее помощи, но от госпожи Карпатурии не так-то легко было отделаться.

— Ты сейчас в таком возрасте, кинна, когда советы взрослой женщины совсем не будут лишними,— заявила она однажды, когда Ровена в очередной раз попыталась отослать ее.

— Что ты имеешь в виду? — Ровена нахмурилась и подозрительно посмотрела на Карпатурию.

— Когда девушка влюблена, рядом с ней должен быть человек, который понимает ее,— задумчиво произнесла казначейша.

— Я влюблена? Да ты что! — Кинна нарочито расхохоталась и, круто повернувшись, убежала в свою спальню.

Там она упала на кровать и дала волю слезам. Успокоившись, Ровена уставилась в пото-

лок и стала размышлять. Кажется, Карпатурия не так уж далека от истины. Неужели она действительно влюблена в этого лохматого бродягу с исполосованным шрамами лицом? Если нет, то почему же каждую ночь перед сном она перебирает в памяти все подробности их бегства из замка с того самого мгновения, как они вцепились друг другу в волосы, до того, как она, оторвав лоскут от платья, отерла кровь с его груди, порезанной кинжалом горца? Разве она не мечтает о встрече с Куллом, разве не хочет разговаривать с ним и быть рядом? Вот почему ей так досадно, что он где-то пропадает по ночам, веселится и пьянствует, а может быть, и ласкает продажных женщин. Об этом она вообще старалась не думать. В ней поднималась такая злость, что она готова была при очередной встрече с атлантом впиться ногтями в его опухшее от беспрерывных попок лицо.

Разобравшись с тем, что творилось в ее душе, Ровена, недолго думая, решила выяснить, как Кулл к ней относится. Однажды, встретив его в коридоре дворца, она не стала гордо отворачиваться, как делала это раньше, когда видела на его лице следы бурно проведенной ночи, а шагнула навстречу и приветливо спросила:

— Кулл, ты, кажется, избегаешь меня?

Атлант, прикрыв рукой рот, чтобы не дышать на девушку перегаром, смущенно ответил:

— Нет, кинна, я всегда рад тебя видеть. Только я думал, что ты не очень-то хочешь со мной разговаривать.

Ровена отрицательно покачала головой:

— Наоборот, я хочу с тобой поговорить.

Кулл провел широкой ладонью по лицу, протер слипающиеся глаза и попросил:

— Вечером, а? Я падаю от усталости.

Ровена смерила его долгим взглядом с головы до ног:

— Скорее, от перепоя. Но так и быть, иди проспись. Потом поговорим.

Задолго до захода солнца она приказала слугам разбудить атланта и передать ему, что ждет его. Когда он вошел, Ровена неожиданно растерялась. От всей ее решимости не осталось и следа. Ей вдруг показалась нелепой эта затея: спрашивать, любит ли он ее. Но Кулл уже был здесь и вопросительно смотрел на нее.

— Кулл,— начала девушка сдавленным голосом,— может быть, тебе покажется странным, но я видела тебя во сне.

— И что же ты видела? — вежливо поинтересовался Кулл, про себя посылая кинну к Тогу. Стоило его будить., чтобы поболтать о сновидениях!

— Я видела тебя во дворце. Ты был королем прекрасной страны...

Кулл усмехнулся:

— Королем? Хм... Я бы не прочь, да кто захочет, чтобы на троне сидел бродяга! — Атлант прищурил узкие серые глаза и задумчиво посмотрел в окно.— Когда-то я тоже видел сон... И мне снилось, что я буду королем. Где? Когда? Не знаю.

— Мои сны всегда сбываются. Всегда,— взволнованно сказала Ровена.

— Если так, то я должен искать свое королевство... Пожалуй, я слишком задержался здесь у вас, в Илурате. Чему быть, того не миновать, но одно я знаю точно: сидя на одном месте, ничего не добьешься.

Кинна перебила его:

— Нет, нет, я сказала тебе это вовсе не для того, чтобы ты уезжал, а чтобы... — Она остановилась и глубоко вдохнула.— Понимаешь, Кулл, я чувствую, что мне нужно быть с тобой рядом...

Атлант удивленно вскинул бровь:

— То есть как? Ты ведь не хочешь сказать, что собираешься составить мне компанию и пойти в Нижний город?

Гневный взгляд кинны заставил его замолчать.

— Как ты смеешь даже подумать такое? Я...— Ровена вдруг поняла, что никогда не скажет ему о своих чувствах.

По ее растерянному и расстроенному лицу Кулл обо всем догадался. Не такой уж он был дурак! Он всегда чувствовал, когда нравился женщинам. Ну а в выразительных глазах кинны можно было читать, как в книге.

— Ровена,— тихо проговорил он, осторожно прикоснувшись кончиками пальцев к ее золотистым волосам.— Ты так похожа на Ахсура... Я никогда не смогу тебя поцеловать. Мне будет казаться, что я целую не тебя, а твоего брата. Да и нехорошо это. Я всего лишь бродяга, странствующий по свету, а ты кинна.

— Но ведь ты станешь королем! — воскликнула она.

— Когда это еще будет! Сначала надо найти свое королевство.

— Кулл, не уезжай.— Ровена умоляюще посмотрела на него, уже зная, что не удержит атланта.

* * *

После разговора с Ровеной Кулл твердо решил уехать из Илурата. Нужно было уносить ноги, пока любовный недуг не привязал его намертво к своенравной светловолосой красавице.

вице с прозрачными серыми глазами. Ведь он поклялся после встречи с Маржук — первой девушкой, опутавшей его своими чарами, что не полюбит ни одну женщину, пока не сбудется его сон. А еще раньше, когда увидел, как страдает его друг Ам-ра, у которого похитили возлюбленную и который готов был даже покончить с собой, не в силах вынести разлуку, он дал себе слово вообще никогда не влюбляться.

Только тревога за жизнь кинара держала его в Илурате. Уехать, не разобравшись во всей этой истории, он не мог. С многодневной попойкой было покончено. Оставив вновь приобретенных приятелей искать другого любителя швырять деньги на ветер, Кулл вернулся к трезвой жизни и не отходил от Робада ни на шаг, хотя прекрасно понимал, что это не самый лучший способ поймать хитрого и коварного врага. Он догадывался, кто мог устроить покушения на кинара, но решил об этом пока не говорить. Обвинять кого бы то ни было без доказательств было не только бесполезно, но и опасно. Кулл не сомневался, что тайный недруг рано или поздно себя обнаружит. Ему наверняка известно, что молодого кинара усиленно охраняют, и на очередной шаг он решится только при каких-нибудь необычных событиях.

И они не заставили себя ждать. Все началось ночью, когда город мирно спал. Послышался странный гул, который разбудил людей и перепугал их до полусмерти. И не имело значения, где они находились, во дворце или в хижине: страх, отчаяние и беспомощность перед гневом бога Сигулона испытывали все.

Ощувив первые толчки, Робад сразу понял, что они означают, как будто родился с этим знанием. Он вскочил с постели и бросился в спальню Ровены. Она уже была на ногах и спешила ему навстречу. Юноша уговорил сестру выйти в сад, а затем принялся отдавать распоряжения советнику Маргу, командиру дворцовой стражи и военачальникам. Вскоре все, кто был во дворце, покинули его, словно забыв о поверье, что ни дворцу, ни храму ничего не грозит. В Нижний город послали отряды с приказом помогать жителям, если их дома пострадают.

Земля дрожала, как в лихорадке, гул усилился, а огненные всполохи, появившиеся на небе, уверили всех, что Сигурон снова решил наказать город. Больших разрушений пока не было, только некоторые глинобитные дома покрылись трещинами, а каменные постройки вообще не пострадали, но всех охватила паника.

Робад увидел с горы, как полуодетые люди в ужасе заматались по улицам, и, охваченный непонятным порывом, кинулся вниз, не думая о том, сопровождает его кто-нибудь или нет. Атлант не отставал от кинара ни на шаг, а за ними двигался небольшой отряд стражников.

У Робада не было определенной цели, он просто хотел быть вместе со всеми в эти страшные мгновения, но то, что он покинул надежное убежище, сильно подействовало на его подданных. Увидев кинара, который неторопливо шел по улицам, они начали успокаиваться, перестали неистово кричать и суетиться возле своих домов. Многие заметили, что, стоило кинару войти в город, толчки стали слабее, гул тише, всполохи исчезли.

Робад обошел уже почти весь город, по которому мгновенно распространилась молва о чуде. Из уст в уста передавалась весть, что Верховный жрец успокоил гнев Сигулона, и вскоре за юным кинаром уже следовала ликующая толпа, из которой то и дело неслись приветствия и слова благодарности. Стражники едва сдерживали людей, а Кулл, шагая перед кинаром, с трудом прокладывал ему дорогу. Он не видел, как Робад вдруг остановился, а один из солдат упал, сраженный маленькой стрелкой, которая попала ему в ухо. Неожиданно

данно наступившая тишина заставила его обернуться.

— Кулл, кто-то стрелял в меня из толпы,— сказал Робада.— Найди его.

Искать убийцу в скопище людей было не проще, чем иголку в стоге сена. Атлант и не собирался этого делать. Он протаранил толпу, расшвыривая всех, кто попадался на пути, и торопясь выбраться из нее, чтобы иметь возможность действовать. Он знал, куда мог побежать убийца. Разумеется, не вперед, куда они направлялись, и, конечно, не назад, где было мало народу и улица хорошо просматривалась. Стрелявший из духовой трубки стоял недалеко от кинара и, вероятно, не вызывал ни у кого подозрений. Но страх заставит его покинуть место преступления. Кулл внимательно оглядывал каждого, кто оказывался к нему спиной, и вскоре заметил быстро шагавшего человека, который свернул в переулок. Почти не сомневаясь, что это тот, кто покушался на Робада, атлант побежал за ним следом. Человек обернулся и, увидев Кулла, бросился наутек. «Стой!» — крикнул атлант, но беглец только прибавил шагу. Кулл рванулся за ним, что есть силы и вскоре почти настиг, но тот вдруг завернул за угол дома и скрылся из виду. Когда атлант добежал до угла, убийцы и след простыл.

Кулл недоуменно огляделся. Не мог же беглец раствориться в воздухе! Осмотрев дом, он заметил в стене пролом и, не раздумывая долго, протиснулся в него. Внутри было пусто и темно. Серый свет, проникавший через маленькие окна и трещины в потолке, не мог разогнать темноту. Кулл прислушался. Ни звука, только иногда тихо шуршала осыпавшаяся со стен глиняная крошка. Жители покинули дом, который мог рухнуть от малейшего толчка.

Осторожно ступая, атлант пересек комнату и, подойдя к двери, шагнул через порог в соседнее помещение. У подбородка что-то свистнуло, Кулл мгновенно отпрянул и тут же прыгнул в ту сторону, откуда летела стрела. Он сбил убийцу с ног и сам, потеряв равновесие, повалился на него. Переплетясь в клубок, они катались по комнате, ударяясь обо все, что попадалось на пути. Когда они в пылу борьбы со всего маху налетели на стену, она дрогнула, посыпались сухая штукатурка и кирпичи, плоская крыша, покрытая трещинами, лишившись подпорки, прогнулась и рухнула. Кулл, находившийся сверху и уже схвативший врага за горло, первым принял на себя удар и на мгновение потерял сознание. Его противник оторвал от себя цепкие пальцы, но сбросить тяжелое тело гиганта был не в силах. Он трепыхался, как крыса, придавленная котом, пока ат-

лант не пришел в себя и снова не сжал ему горло. Кулл помотал головой, стряхивая с волос кирпичную крошку, и прорычал, откашливаясь от пыли:

— Говори, кто тебя подослал, а то...

И он придавил большим пальцем острый кадык, торчавший на выгнутой шее. Лежавший под ним человек сразу прекратил сопротивляться. По его лицу, иссеченному осколками кирпича, текла кровь, пыль забила ему рот. Отплевываясь, он с трудом выдавил:

— Пощади. Мне приказали...

— Кто приказал? — Кулл тряхнул его так, что голова замоталась из стороны в сторону.

— Артавер...— последовал еле слышный ответ.

Атлант обрушил огромный кулак на голову убийцы, затем поднялся и взвалил на плечи бесчувственное тело.

— Чьи приказы выполняет Артавер, я уже усвоил,— пробормотал он, выбираясь из завала.

* * *

— Не могу этому поверить. Неужели советник Марг? — Робад был растерян и подавлен.

— Я доставил во дворец убийцу. Он поможет нам разоблачить Марга,— сказал Кулл.

— Я никогда бы на него не подумал. Пожалуй, он был единственным человеком, которому я доверял здесь, во дворце. Ведь он служил моему отцу!

— А я не верил ему. Когда он арестовал тебя и мы разбирались, наследник ты или нет, мне показалось, что он хотел упечь тебя в тюрьму на веки вечные.

— Идем к нему!

Когда Робад переступил порог рабочей комнаты Марга, тот бросил на него полный изумления взгляд.

— Не ожидал меня увидеть, советник?

— Я всегда к твоим услугам, мой господин.— Марг поклонился.

— Покушения на мою жизнь — таковы твои услуги? — Робад подошел к советнику и посмотрел ему прямо в глаза.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, мой господин.— Марг не выдержал взгляда кинара и отвел глаза.

— Все ты понимаешь. Почему ты хотел убить меня?

— Мой господин, ты поверил измышлениям этого бродяги и пропойцы? — Марг явно не собирался сдаваться.

Кулл широкими шагами подошел к советнику и сгреб плащ у него на груди:

— Ты, овечий хвост, хочешь сказать, что это я придумал покушения? Может быть, это я стрелял в кинара отравленной стрелой?

Марг, возмущенно пыхтя, отрывал от себя его руки.

— Я только хотел сказать, что я тут ни при чем. Я сам расследовал покушения и искал убийцу!

Атлант усмехнулся:

— Неудивительно, что ты его не нашел. Я знал, что ты лиса. Ну что ж, и на тебя капкан есть!

Он подошел к двери и хлопнул в ладоши. Дверь открылась, и стражник втолкнул в комнату связанного человека. Увидев его, Марг побелел.

— Отвечай, ублюдок Тога, кто тебе приказал убить кинара? — грозно спросил убийцу Кулл.— Говори.

— Господин Артавер приказал,— пролепетал бедолага.

Кулл повернулся к Маргу:

— Ну, что скажешь, советник? Артавер — твой человек. Он выполняет твои приказы. Может быть, позвать его и допросить с пристрастием? Как ты думаешь, он выдержит пытку?

— Нет, не выдержит.— Марг заставил себя посмотреть кинару в глаза.— Не нужно доп-

рашивать Артавера. Я сам все скажу.— Он остановился, собираясь с духом, затем произнес: — Кинар, я хотел убить тебя.

— Но почему? — Робад искренне удивился.

Теперь, после признания, Марг обрел обычную невозмутимость.

— Я честно служил кинару Тибору и соби-
рался так же служить тебе, мой господин. Но
со временем я убедился: все, что ты делаешь,
во вред государству. Я пытался доказать тебе,
что так править нельзя. Рушилось все, чему я
посвятил свою жизнь и что я создавал на про-
тяжении многих лет. Я решился на такой шаг,
потому что верил: так будет лучше для Илура-
та.

— Лишиться законного правителя и Вер-
ховного жреца?

— Илурату лучше иметь умного правителя,
а вера в то, что отсутствие Верховного жреца
разгневает Сигурона,— чепуха. Это придума-
ли его служители, чтобы доказать, что не зря
хлеб едят. Я пытался объяснить это еще кина-
ру Тибору.

— Странно, советник, ты преследуешь лю-
дей за крамолу, а сам ни во что не веришь.

— Да, не верю, но не болтаю об этом на
улицах или в тавернах. Я хочу сейчас выска-
зать то, о чем давно думал. Кому, как не мне,
знать, для чего нужны боги и кумиры! Они

нужны правителям, чтобы через жрецов и священнослужителей влиять на умы людей и добиваться от них беспрекословного повиновения.

— Я уже знаю, что ты замышлял,— сказал Робад холодно,— Ты собирался отстранить меня от управления государством и прибрать к рукам власть. Я давно хотел прогнать тебя, но меня останавливало то, что ты служил моему отцу. Теперь же, когда ты показал, что в своем властолюбии не остановишься даже перед преступлением, я изгоняю тебя из Илурата.

— Он должен умереть! — воскликнул Кулл.— Марг покушался на твою жизнь, кинар!

— Совершая преступления, он не преследовал личной выгоды. Поскольку его помыслы все же были направлены на благо Илурата, пусть и превратно понятое, я повелеваю: снабдить советника припасами на дорогу, дать ему осла и выпроводить за ворота.— Робад круто повернулся и направился к двери. Не доходя до нее несколько шагов, он обернулся и сказал: — Марг, завтра утром ты покинешь город.

* * *

На следующий день кинару доложили, что Марг повесился в своей комнате.

— Мне жаль старика,— сказал Робад задумчиво.— Он не вынес позора.

Кулл пожал плечами:

— А мне кажется, позор тут ни при чем. Советник был не дурак. Он решил сам уйти в Страну Теней, не дожидаясь, когда его туда отправят насильно. Илуры забили бы его камнями, появись он на улицах верхом на осле. Теперь тебе ничто не грозит, кинар.— Кулл улыбнулся.— Я собираюсь уехать из Илурата и буду благодарен, если ты дашь мне коня.

Робад не ожидал этого:

— Кулл, неужели ты снова собираешься скитаться по миру? Оставайся служить у меня. Ты получишь все, что пожелаешь.

— Спасибо, кинар. Но я и так у тебя задержался. Твоя сестра рассказала мне свой сон, в котором видела меня на троне. И я видел сон о том, что стану королем. Надеюсь, когда-нибудь он сбудется. Поеду искать свое королевство.

— Ну что ж...— Юноша огорченно посмотрел на него.— Раз ты так решил, не буду тебя задерживать. Только помни, здесь ты всегда будешь желанным гостем.— Он подошел к атланту и крепко его обнял.— Ты мой друг, Кулл, и я буду рад, если ты меня не забудешь.

— И меня,— прозвучал за спиной у Кулла голос Ровены.

Атлант обернулся и встретил печальный взгляд серых глаз. Обещаний, особенно женщинам, он давать не любил, но тут не мог не ответить:

— Я тебя не забуду, Ровена. Такую девушку, как ты, я еще не встречал. А ты, кинар Робад, знай, что я всегда приду тебе на помощь, если возникнет нужда. Может, мы и встретимся с тобой на равных, если я стану королем.

— Мы друзья, значит, мы и так равны.— Робад протянул атланту руку и крепко сжал его широкую ладонь.

* * *

Первые лучи солнца окрасили багровым светом небо на востоке. Из ворот города выехал всадник на вороном коне и пустил его галопом по пустынной дороге. Ветер развевал черную гриву жеребца и темные волосы пригнувшегося к его шее седока. Они слились в одно целое, и казалось, что это не человек скачет на коне, а какое-то сказочное существо мчится над землей, стремясь обогнать ветер. Атлант Кулл снова отправился в путь навстречу своей судьбе

ЖУЛА

БРАТСТВО
МЕЧА

ПРОЛОГ

— Эта история о двух королях, хотя поначалу я собирался писать об одном. Жизнь, как водится, перечеркнула первоначальные планы, но оказалось, что это только к лучшему...

Намереваясь составить жизнеописание Конана Аквилонского, я с усердием принялся за дело, но головокружительные события, обрушившиеся на меня, привели к тому, что я пишу теперь и сагу о Кулле Валузийском. Кулле Победителе Змей, том самом, что жил три тысячи семьсот лет назад, но с которым, как ни кажется это удивительным, я знаком лично. Впрочем, стоит начать по порядку...

Идея собрать истории о короле Конане впервые посетила меня после событий, случившихся полтора года назад, когда принц Арпелло узурпировал власть в Тарантии. Тогда Конан, предательски захваченный в плен, су-

мел бежать и, хотя повсюду ходили слухи о его гибели, жестоко отомстил своим врагам. В частности принца Арпелло он собственноручно сбросил с крыши своего дворца. Армии Офира и Кофа были разгромлены в битве под стенами Шамара. Амальрус, король Офира, бесславно погиб, затоптанный во время бегства копытами коней собственной кавалерии, а кофийского короля Конан убил в поединке. Рассказывают, что на Страбонусе был надет двойной пластинчатый доспех туранской работы, но Конану это не помешало разрубить предателя почти до седла...

Но даже не эти весьма интересные подробности подтолкнули меня к составлению данных хроник. Самым удивительным мне показалось возвращение короля, когда все уже уверились в его смерти и страна стояла на пороге хаоса и гражданской войны. Конан не просто вернулся — он прилетел... Этот, вы согласитесь, невероятный факт засвидетельствовали тысячи горожан, собравшихся тогда на площади, среди которых был в тот день и я. Впоследствии, когда я уже начал собирать материал о других приключениях короля, оказалось, что этот эпизод вовсе не самый удивительный, но тогда появление Конана верхом на ужасной летучей твари произвело на меня, мягко говоря, неизгладимое впечатление...

Поэтому я, придворный хронист и философ Алкемид, решил взять на себя труд по составлению полного жизнеописания короля Конана, от нынешнего дня до тех давних пор, когда он еще был диким киммерийским мальчишкой, охотившимся в северных скалах на горных козлов.

Надо сказать, что ни об одном человеке не было еще рассказано такое поразительное количество историй. Их с лихвой может хватить на несколько десятков человеческих жизней, причем порой правду от вымысла отделить оказывается решительно невозможно.

Когда я просил короля просмотреть некоторые из моих записей, дабы можно было говорить хотя бы о минимальной исторической достоверности труда, он рассмеялся и сказал, что ему все равно. И что бы ни рассказывали о нем — это не имеет значения. Кром да и Митра тоже ценят не слова, а дела... Тогда я спросил — а стоит ли мне вообще составлять его жизнеописание, раз не важно, что там будет написано. Надо сказать, что слова эти прозвучали довольно резко, и я тут же пожалел о них — Нумедидес содрал бы с любого кожу за такой тон. Но Конан во всем ценит открытость, и мне сошла с рук эта непочтительная речь. Король, усмехнувшись, подал мне чашу вина и ответил: «Дружище Алкемид, ты же сам все

время повторяешь, что все относительно и зависит от...» — «Восприятия», — подсказал я. — «Точно, от него, — король усмехнулся еще раз, — так вот мне все равно, что ты там напишешь, я живу настоящим — в свое прошлое любят оглядываться те, кто не имеет мужества встретить грядущее лицом к лицу. Тебе же, например, не все равно — ведь это дело твоей жизни; ну, может еще не все равно тем, кто все это рассказывал, и тем, кто будет читать... Поэтому составляй свои хроники, но от чтения меня уволь, боюсь испорчу себе аппетит...»

Тогда я впервые лично разговаривал с королем и, несмотря на некоторую досаду, был приятно удивлен глубиной мысли, кроющейся за его довольно грубой манерой разговаривать. Более того — оказалось, он брал в руки мои сочинения по философии, иначе откуда бы он знал о моей концепции «субъекта и объекта», видящего и видимого.

В связи с вышеизложенным вовсе перестает удивлять тот факт, что придворные и высшее общество столицы, встретившие его восшествие на престол с разной долей иронии и презрения к «неотесанному киммерийцу», принямая «варвара на троне в качестве меньшего зла», теперь, по прошествии всего трех лет, совершенно изменили свою позицию и всячески его поддерживают. Конечно, не обошлось без

заговоров. Но большинство сумело разглядеть, что под личиной покрытого шрамами старого рубака, никогда не расстающегося с мечом, скрывается справедливый и мудрый правитель. Иных, правда, пришлось убеждать клинками Черных Драконов, и хвала Митре, что примеру Ринальдо последовали немногие. Страна после смуты ожила и процветает, налоговая политика разумна. Указом короля прекращены преследования на религиозной почве поклонников Асуры, культ которого только глупцы могли считать демоническим — профаны всегда боятся того, чего не понимают.

Таким образом, король Конан чужд большинства предрассудков, которым подвержены обычно так называемые «цивилизованные люди».

Да простит меня читатель за длинное отступление, но так как король категорически отказался рецензировать рукописи — то единственный источник достоверной информации, оказался для нас недоступен. Ну что ж, придется читателю набраться терпения и отнестись к некоторым рассказам из нашего собрания со здоровым скептицизмом. Это в первую очередь касается, например, непомерно частого, на мой взгляд, пребывания Конана в плену, что становится чем-то вроде фольклорного мотива. Справедливости ради следует упомянуть,

что король действительно не раз на протяжении своей бурной жизни попадал в ловушки и даже был когда-то гладиатором в Халогe. Но читатель, обладающий здравым смыслом, несомненно, поймет, что искатель приключений, совершивший такое количество ошибок, как о том рассказывают, вряд ли дожил бы до сорока лет, не говоря уж о том, чтобы стать королем великого королевства.

К слову сказать, все вышеперечисленное относится и к королю Куллу. Вообще их биографии обнаруживают иногда настолько удивительное сходство, что становится не по себе. Например, взять хотя бы известную балладу под названием «Феникс на мече» о Конане и сагу «Секира гнева», повествующую о дворцовом заговоре против Кулла. Эту историю еще иногда называют «Сим топором я буду править!» Даже имена мятежных поэтов созвучны: Ринальдо, Ридондо...

Но вернемся пока к аквилонскому королю.

В некоторых рассказах Конан описан как безмозглый обладатель груды мышц и длинного меча. Но любой человек, знающий Конана-полководца, услышав такую историю, рассмеется рассказчику в лицо. Такие повествования я стараюсь не включать в летопись, считая их чем-то вроде политических анекдотов.

Достаточно сказать, что я видел за свою жизнь немало людей, удостоенных звания мудрецов, мне есть с чем сравнивать и король, на мой взгляд, несомненно обладает одним из мощнейших интеллектов нашего времени. Ко всему вышеизложенному можно привести знаменитую гандерландскую пословицу: «Беспечный воин — мертвый воин».

Вам, дорогой читатель, может показаться, что я чрезмерно защищаю Его Величество, но уверяю вас — король не нуждается в защите. Просто мне как составителю данного собрания хочется обратить ваше внимание на важность отделения правды от вымысла и сохранения исторической справедливости.

Конечно, мы, а над летописью работают двадцать переписчиков и четыре каллиграфа, которыми руководит мой ученик Никий, стараемся записывать истории со слов очевидцев, желательно двух или трех, но в некоторых случаях это невозможно. Несколько раз нам повезло, и мы могли записать истории со слов самого короля. Это было редкой удачей, так как Конан не любит хвалиться своими подвигами и рассказывал о них весьма неохотно, причем совершенно отбил у Никия охоту задавать вопросы. Один же раз удача улыбнулась мне, и ваш покорный слуга сам принял участие в одном из приключений короля. Именно тогда

эти хроники превратились в сагу о двух Великих Королях, атланте и киммерийце.

Рассказы, вошедшие в эту книгу, описывают события, далеко отстоящие друг от друга во времени и пространстве. Но их связывает воедино безмерная сила духа, никогда не изменявшая героям, их неистовая храбрость, мужество и спокойный, чистый ум — невиданное сочетание, которое только и отличает великого воина и короля от всех прочих. Именно такие люди и делают то, что человечество называет историей.

Единственный киммерийский искатель приключений сумел изменить лицо хайборийского мира, встав во главе могущественнейшей из держав. И если большинство киммерийцев подобны Конану, а его друг Кербалл — живое тому подтверждение, то стоит благодарить их сурового бога за то, что дух странствий и приключений еще не поразил всю молодежь далекой северной страны.

Пусть теперь очевидцы поведают читателю об удивительных событиях, случившихся совсем незадолго до того, как я написал эти строки...

*Алкемид Аквилонский,
королевский хронист*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лейна проснулась глубокой ночью, объятая непонятным страхом. Девушке почудилось, что возле ее ложа кто-то стоит, но ужас, сковавший тело, не давал обернуться и посмотреть на ночного гостя. Отчего-то Лейна знала: там, за ее спиной, не человек из плоти и крови, а нечто невыразимо жуткое. Дыхание перехватило, словно мягкая тяжелая лапа неведомого чудовища схватила ее за горло. Девушка хотела закричать, сбросить это оцепенение, но смогла издать лишь жалкое подобие стога. Однако стоило этому слабому звуку нарушить тяжкую тишину ночи, как наваждение исчезло.

Лейна быстро обернулась и села, испуганно подтянув к груди пушистое одеяло и уже понимая, что никого не увидит возле постели. Только теперь она сообразила, что могучий мужчина, спавший рядом, почувствовал бы

чужака гораздо раньше нее. Настороженным взглядом девушка обвела комнату — знакомая обстановка и привычные вещи почти успокоили бешено колотящееся сердце. В темноте ясно проступали позолоченные ручки тяжелой дубовой двери, за которой, она знала, стоят закованные в сталь Черные Драконы — личная гвардия короля. Бархатные портьеры, балдахин над ложем, открытое большое окно, через которое вливается рассеянный лунный свет, выхватывающий из полумрака спальни фигурные ножки серебряных семисвечий. На полу, выстланном мягкими шкурами хищных зверей, в беспорядке разбросана одежда.

Конан этой ночью был варварски неистов, но Лейна знала: он мог быть и удивительно нежным. У него такие сильные руки... Сладкие воспоминания окончательно прогнали страх. Девушка откинулась на спину и, прикрыв глаза, протянула правую руку, чтобы еще раз почувствовать под пальцами упругую расслабленность его мышц...

Вскрикнув, она резко села, в ужасе глядя на лежавшего рядом короля. Ее рука наткнулась на твердое, как железо, плечо. Король дышал прерывисто, могучие мышцы вздулись от напряжения, правая рука свесилась с ложа, сжимая рукоять тяжелого прямого меча,— Конан никогда не оставлял оружие дальше чем на

длину вытянутой руки... Казалось, он изо всех сил пытается разорвать сковавшие его невидимые путы...

Девушка наклонилась ближе, чтобы заглянуть ему в лицо. Голова короля была запрокинута, и Лейна слегка привстала. То, что она увидела, на миг лишило ее дара речи. В следующее мгновение пронзительный вопль разорвал тишину королевской опочивальни.

Лицо короля, обрамленное разметававшимися по подушке черными волосами, искажала жуткая гримаса ярости. Глаза были открыты, но он ничего не видел...

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвались воины в черных доспехах. Полусотник в посеребренных шлеме и нагруднике подскочил к кровати и, обернувшись через плечо, рявкнул:

— Дежурной полусотне — перекрыть выходы! Срочно доложить Паллантиду! Король заколдован!

* * *

Пекло. Раскаленный ветер неистово обжигал кожу. Далекий горизонт, к которому ухилили ряды песчаных барханов, закрывало мут-

ное марево. Поодаль чахли заносимые красным песком пальмы маленького оазиса.

«С ума сойти! Пот, едва выступив, высыхает на коже. Надолго меня не хватит.— Конан посмотрел вдаль.— Действительно что-то движется на гребне бархана? Да! Всадник?»

Босые ноги жгло невероятно, будто он шел по гигантской жаровне, заполненной песком. Конан знал, что разделет, но не чувствовал себя беззащитным: правая рука сжимала рукоять прямого меча с клинком из черной стали.

Это сон, но сон этот необычен и так же не похож на обычные сновидения, как эти красные барханы не похожи на знакомые киммерийцу пустыни востока. Всадник, приближавшийся к нему, тоже ничем не напоминал зуагира.

Спустившись с бархана, неизвестный подъехал ближе и придержал коня, когда их с Конаном разделяло не больше десятка шагов, но и теперь киммериец не смог определить, к какому народу относится этот человек, и лишь заметил, как в прорезях шлема с неподвижным забралом блеснули глаза: незнакомец тоже рассматривал его.

Шлем всадника напоминал аргосский и коринтийский, но в отличие от них не был украшен гребнем из конских волос. Вместо этого его покрывала накидка из белой ткани —

весьма полезная в пустыне вещь, когда безумное солнце раскаляет металл. Поверх накидки на шлеме красовался странный золотой обруч или, скорее, корона. Могучий торс незнакомца защищал кованый нагрудник из черной бронзы, которая, говорят, прочнее стали. Конан слышал, что секрет изготовления этого сплава известен всего трем-четырем оружейникам в мире и такие доспехи стоят бешеных денег. Нагрудник испещряли рельефные узоры, показавшиеся киммерийцу смутно знакомыми...

Защитное вооружение дополняли наплечники, боевые браслеты и поножи. От алого плаща, застегнутого на груди, на доспехи падал недобрый кровавый отсвет. Мощные предплечья рук, сжимавших поводья, покрывало множество шрамов. Воинский пояс с резными серебряными бляшками оттягивал широкий кинжал. Кроме того, у всадника был длинный прямой двуручный меч. Щита у него не было.

Конь, на котором восседал незнакомец, напомнил Конану его собственного любимого вороного. От головы до крупа благородное животное укрывала белоснежная попона, защищавшая его от солнца.

Черный жеребец, всхрапнув, переступил с ноги на ногу.

«Что ж, приходилось и хуже», — подумал Конан.

Несмотря на нарядный вид всадника, варвар наметанным глазом определил, что рубака он опытный, а судя по рукам да ширине плеч, и силой не уступит. К тому же это явно не простой воин, и по положению он, скорее, равен киммерийцу. Конан и сам надевал корону поверх шлема, когда вел за собой войска, поэтому, увидев золотой обруч, понял: перед ним собрат — король-воин. И гвардия его наверняка носит алые плащи...

Опираясь на меч, Конан стоял, полуприкрыв глаза, и из-под ресниц наблюдал за всадником. Вот тот качнул головой в шлеме, словно принимая какое-то решение, и неуловимо быстрым движением выхватил клинок из ножен. «Валка!» — взревел всадник, его конь скакнул вперед, в одно мгновение оказавшись рядом с Конаном, и светлый клинок обрушился вниз, метя в черноволосую голову киммерийца. Тот понимал, что этим рано или поздно должно кончиться, но, уходя от удара, все-таки подумал: «Какого Нергала этот болван призывает бога, которому не поклоняются уже три тысячи лет?..»

Всадник поднял коня на дыбы, и обученный бою жеребец ударил передними копытами. Конан снова уклонился, но меч врага уже опять падал сверху. Парировать такие удары, в которые вложен вес и всадника, и коня, чистое

безумие; киммериец скользнул в сторону, поднимая клинок для удара. Вражеский меч задел плечо, обжигая, словно пыточное железо. «Кром!» — Конан обрушил черное лезвие на незащищенное бедро нападавшего. Визг раненого жеребца, ронявшего с губ кровавую пену, увяз в жарком воздухе. Перерубленная подпруга гулко лопнула, и седло съехало набок...

Мгновение — и враг снова стоял перед ним, держа меч двумя руками, спокойный и собранный. Невредим и нечеловечески быстр. «Проклятие!» Конан невольно зауважал неприятеля: он сам не сумел бы быстрее убрать ногу из-под удара и спрыгнуть наземь до того, как седло поехало в сторону. Мрачно улыбаясь, киммериец шагнул вперед. Он был счастлив. Достойный противник — радость воина...

* * *

В спальне короля горели факелы. Вдоль стен замерли, обнажив мечи, Черные Драконы. Конан все так же лежал на спине, запрокинув голову. Выражение его лица менялось, отражая то мрачную решимость, то ярость, иногда на его губах играла свирепая улыбка, по-прежнему невидящие глаза смотрели сквозь склонившихся над его ложем людей. Те с ужа-

сом наблюдали, как на плече короля вдруг раскрылась кровавая рана.

— Он сражается! — воскликнул один из собравшихся, — Паллантид, взгляни, на его мече кровь!

Тот, к кому он обращался, — высокий темноволосый человек в доспехах командира Черных Драконов, повернулся к своему полусотнику.

— Марк! Немедленно гонцов в Пуантен и Гандерланд! Там должны быть готовы к тому, что кто-нибудь попытается использовать события, чтобы сунуть свой нос в аквилонские дела. Троцero, на случай если король не придет в себя, лучше прибыть ко двору. Отдельного гонца — к Пелиасу. Срочно! Черным Драконам — боевая тревога. Перекрыть все подступы ко дворцу. Осмотреть сам дворец. Разъезды конной гвардии — на улицы. И... — Он помедлил. — Поднять по тревоге 14-й Шамарский легион. Скрытно занять городские стены. Не шуметь! Официальный предлог — учения... — Он оглянулся на лежавшего в постели Конана и добавил: — Если король не придет в себя до утра, я данной мне властью ввожу военное положение.

Полусотник бросился выполнять приказание.

Все присутствующие в комнате невольно вздрогнули, когда Конан, не приходя в себя, вдруг прорычал: «Честный бой!» — и лицо его озарилось свирепой радостью.

— Ну что, Арминий? — спросил Паллантид.— Что скажешь?

Сухопарый седой человек, осматривавший короля, поднял голову и растерянно взглянул на командира Драконов.

— Ты сам знаешь, Паллантид, я опытный врач, но ни с чем подобным мне сталкиваться не приходилось. Ни одна душевная либо телесная болезнь не проявляется подобным образом. Я не зря предложил послать за Пелиасом, так как здесь медицина бессильна. Твой полусотник верно определил диагноз. Это колдовство. Причем не мелкое шаманство, с которым я уже имел дело. Я даже представить не могу силы, которые затеяли эту игру.— Он потер ладонью лоб и пробормотал: — Кожа сухая, горячая, раны... Кровь на мече... Откуда здесь песок?.. Похоже, дух короля отправился куда-то... Там жарко... Пустыня?.. Но кровь... Значит, не только дух, тело... Он может там умереть! О Митра! Сохрани его...

* * *

— Честный бой! — прорычал Конан, глядя, как противник отстегивает пояс с кинжалом. Алый плащ уже лежал на песке подстреленной птицей.

Воины медленно двинулись по кругу, похожие на двух тигров, которые выясняют отношения на границе охотничьих угодий. Они словно выжидали, не допустит ли противник роковой ошибки.

Горячий песок под ногами, раскаленное небо... В слепящих солнечных лучах корона на шлеме врага нестерпимо сияет. Личина шлема и доспехи делают человека похожим на Черного Охотника... И хоть на месте киммерийца никто ничего не заметил бы, Конан видел: враг готовит атаку.

В тысячах и тысячах одиночных боев и грандиозных битв, в которых участвовал Конан, он не встречал ничего подобного. Неприятель скользнул вперед, словно под ногами вместо песка был гладкий лед. Белоснежная накидка на шлеме взвихрилась от быстрого движения, клинок устремился вперед. Конан молча прыгнул навстречу. Противник нанес колющий удар снизу, и киммериец слегка ук-

лонился в сторону, чувствуя, что первый удар — обманный. Так и оказалось.

Они подошли друг к другу совсем близко, и незнакомец попытался рукоятью меча попасть в челюсть короля, но Конан опередил его, ударив ногой в живот. Недруга отбросило назад, однако удар киммерийца пришелся в панцирь, не нанеся серьезного вреда.

Воздух наполнился звоном оружия. Бойцы наносили и парировали удары так быстро, что наблюдатель, оказись он случайно поблизости, мог увидеть лишь смерч из сверкающего металла и поднятого ногами воинов красного песка. Ритм схватки напоминал стремительный горный поток, с ревом дробящийся на перекатах. Выл изрубленный клинками воздух.

Каждый из сражающихся словно читал мысли противника, и бой шел на равных... Стремительный обмен ударами, и вновь они кружат подстерегая...

Конан испытывал ни с чем не сравнимый восторг. Он успел уже привыкнуть, что как короля его тщательно оберегает гвардия. Настоящие бои один на один, казалось, остались в далеком прошлом. Но вот перед ним достойный противник, воин, владеющий оружием ничуть не хуже его самого, такой же быстрый и бесстрашный. Конан решил, отбивая очередной удар, что он, если представится возмож-

ность, не станет убивать своего врага. Нельзя лишать жизни такого воина. Хотя Кром был бы рад принять такого бойца в свое войско...

Весь мир исчез — остался лишь маленький клочок красного песка, утоптанного их ногами. Мечи лязгали, выбивая искры. Понемногу Конан начал уставать. Движения противника тоже замедлились. Теперь они сражались не как Мастера Меча. Они бились, как варвары северных гор, рубя так, как подсказывало им чутье. Звериный рык вырывался из их глоток. «Убить! Убить!» — осталась только эта мысль. И когда враг допустил наконец ошибку, Конан уже почти забыл, что собирался оставить ему жизнь.

Сквозь застилавший глаза кровавый туман он увидел летящий ему в шею клинок. Тот рубил наискось, чтобы развалить тело киммерийца от правого плеча до левого подреберья. Меч Конана находился в этот миг в нижнем положении справа. Клинки столкнулись. Голубой меч противника просвистел над волосами киммерийца, черный клинок Конана взлетел над головой врага. «Убей! Убей!» — были голоса в голове варвара. «Нет!!!» — заорал он и нанес последний удар: в меч противника рядом с рукоятью. Таким ударом Конан ломал даже самые лучшие мечи, но голубой клинок неприятеля только выгнулся дугой, возмущенно

звякнув, вырвался из рук хозяина и отлетел далеко в сторону.

Конан всегда знал: настоящий воин не должен иметь любимого оружия, привязываться к нему, иначе они, меч и хозяин, и сломаться могут вместе. Поэтому он всегда без сожаления расставался с великолепными клинками, считая, что судьбы их похожи на судьбы людей: когда приходит время, они расстаются, расходятся в разные стороны, чтобы когда-нибудь, возможно, встретиться вновь...

Теперь он еще раз подивился тому, какого великолепного противника послала ему судьба. Незнакомец не бросился за своим оружием. Вместо этого он метнулся вперед, и его кулак едва не угодил киммерийцу в висок. Конан нырнул под удар, одновременно нанеся свой — рукоятью меча снизу — под шлем. Враг успел наклонить голову, принимая атаку на лицевую пластину шлема. Используя силу удара, он откинулся назад, оттолкнулся от земли, и его ноги, обутые в тяжелые сандалии, с силой толкнули Конана в грудь.

Только железные мышцы и хорошая реакция спасли киммерийца от перелома ребер. Конан отлетел на несколько шагов, упал на спину и, перекатившись, встал на одно колено. Переводя дыхание, он смотрел, как противник подбирает свой меч. Голубое лезвие полыхну-

ло огнем, когда воин выдернул его из песка. И только теперь Конан узнал клинок — клинок, которым он сам убил в пещере Крома вендийского колдуна, вздумавшего сравняться с богами. В те времена Конан еще не стал королем. Он был наемником и необдуманно поклялся именем Крома, что выполнит поручение одной стигийской колдуньи. Тогда все закончилось грандиозной битвой на склонах священной горы Бен Морг, в которой участвовали воины всех киммерийских кланов. Порождения Тьмы, вызванные черными колдунами, отправились к Нергалу, и Конан оставил этот меч своему другу Куланну, чтобы тот отдал его своему еще не рожденному сыну... Но рукоять меча была обтянута тогда акульей кожей... Нет, он не ошибся — это тот самый меч. Но что говорил тогда смешной колдун-кхитаец? Что-то про то, откуда взялся этот клинок. Три с половиной, а то и четыре тысячи лет назад... Валузия... И Конан понял, кто перед ним...

* * *

Король внезапно расслабился, взгляд стал ясным. Присутствующие в спальне с надеждой переглянулись. Казалось, вот-вот Конан проснется. Но надеждам не суждено было сбыть-

ся. Неожиданно спящий произнес: «Здравствуй, король Кулл!»

— О Митра! Не может быть! — вырвалось у кого-то.

* * *

Они сидели в тени пальм оазиса, который оказался не таким уж и чахлым. Вокруг источника, питавшего водой небольшое озерко, теснились маленькие джунгли. Оазис можно было пересечь спокойным шагом за время, которое нужно солнцу, чтобы скрыться за горизонтом, но птицы и другая мелкая живность чувствовали себя здесь вольготно.

Конан радовался возможности спрятаться от солнца: все-таки в Аквилонии сейчас лишь середина весны.

Кулл сидел напротив, держа мех с вином. Он сделал несколько глотков и передал мех Конану. Тот принял мех и отдал должное угощению, поглядывая иногда на своего собеседника и встречая взгляд серых спокойных глаз. Станный у них получался разговор. Сначала Конан говорил по-киммерийски, вставляя иногда пиктские фразы; Кулл отвечал на языке атлантов — предков киммерийцев, но понимали они друг друга с трудом. В конце концов оба

перешли на язык пиктов, который за четыре тысячи лет почти не изменился.

— Ты узнал меня, как и сказано в пророчестве.

— Погоди, скажи: где мы?

— Это место — во сне.— Кулл прищурился улыбаясь.

— Это понятно. Неясно только, почему здесь солнце обжигает, сталь рубит, а вино пьянит, как настоящее...

— Это не обычный сон. Но слушай. Ты, может быть, помнишь из истории: моему миру угрожает опасность. Кругом расплодились люди-змеи. Они ненавидят настоящих людей, а я поклялся уничтожить Змею. Гонар, мой маг, спрашивал великих богов, и они ответили, что я не могу победить змеелюдей, если у меня не будет меча.

— Но ведь у тебя есть меч. И он особый. Я держал его в руках... Им можно убить бога!

— Да. Но нужен другой.— Кулл помолчал, подбирая слова в пиктском языке.— Ты знаешь, существуют пять сил: Дух, Воздух, Огонь, Вода, Земля...

— Ха! Неужели ты тоже веришь в эту магическую дребедень?

— Ты смеешься, но Гонар сказал мне, что твой мир так же полон магии, как и мой. Ты и сам часто сталкивался с ней. Вспомни. Если

все колдуны и демоны, которых ты уничтожил, всего лишь дребедень, то стоило ли стараться? Нет. За своим смехом ты скрываешь страх... Погоди!— Он примирительно выставил ладонь.— Я вовсе не собирался тебя оскорбить...

— Да! — Глаза Конана пылали синим огнем.— Я опасаясь их, потому что знаю их силу. Она непонятна мне. Ты и сам знаешь, нет людей, которые не испытывают страха. Просто одни при этом бегут, а другие сражаются.

Кулл, соглашаясь, кивнул:

— Ты убивал их, презирая за то, что они не могут биться честным оружием. Я понимаю тебя, потому что чувствую то же. Но без них нельзя обойтись в таких делах, как наше. Если б не Гонар и его свора шаманов, мне никогда бы тебя не найти. Итак: Дух, Воздух, Огонь, Вода, Земля. Четырем последним соответствуют четыре меча, выкованных в незапамятные времена, никто не знает, для чего и кем. Тот меч, что у меня, Меч Воздуха. Им можно убить змею, и, Валка свидетель, я убивал их сотнями, но истребить весь их род им нельзя. Змеи не очень любят воздух, но он не смертелен для них. Твой меч — ты, наверное, не знаешь — Меч Земли...

— Погоди. Ты сказал, «в незапамятные времена», но его выковал мой собственный ору-

жейник.— Конан нахмурился.— Что-то здесь не сходится...

— А из чего он ковал? — Кулл снова потянулся за мехом. Сделав несколько глотков, он вытер губы и передал мех Конану.— Не взяли ли он вместо болванки старый клинок? А может, просто выдал работу божественных рук за свою? Клянусь, это Меч Земли в твоих руках, и он принесет славу твоему королевству. Но против змей и он бессилён: они любят землю... Дальше — Меч Воды. Никто не знает, где он. Клинок его — зеленовато-синий, как океан в ясную погоду. Змей он не погубит. Змея хорошо переносит воду.

— Значит, Меч Огня?

— Да.— Кулл задумчиво погладил илем, лежавший у него на коленях.— Змея ненавидит огонь — он для нее смертелен.

— А Дух?

— Дух — это человек. Без него любое оружие бессильно. Так, твое королевство погибнет, если Меч Земли попадет в другие руки. Оружие само выбирает себе хозяина. Дух такого человека должен быть... Безупречен.

Они на некоторое время замолчали. Конан потихоньку обдумывал услышанное. Похоже, попахивает приключением. Ну-ну...

— Теперь понятно,— сказал он.— Но при чем здесь я? У меня нет нужного тебе клинка.

— Мне нужен ты сам. Я прошу тебя добыть мне Меч Огня.

Конан едва не поперхнулся драгоценным вином:

— Слушай! Это по меньшей мере странно. Почему ты сам не возьмешь то, что тебе нужно? Он что, в моем мире?

— И да и нет. Но дело не в этом. Я не могу его взять сам. Его должны мне вручить. Таково пророчество. Иначе сила меча не будет подвластна мне, и змеи уничтожат нас.

— От твоего пророчества у меня будет несварение желудка! Послушай, я не встречал еще воина сильнее тебя. Возьми своих воинов и проруби себе дорогу к Мечу, а там пусть один из них вручит его тебе. Я уверен, ты сможешь...

— Нет! Если бы все было так просто. Но ты не знаешь всего. Пророчество гласит,— его речь приобрела некую напевность, словно Кулл по памяти повторял древнее предание,— что Меч Огня может взять тот, кто держал Меч Воздуха и убил им бога, тот, кто вышел из моего народа, и тот, кто стал великим королем. Но этот кто-то — не я. У нашего народа никогда не было королей, да и богов я не убивал.

— Этот кто-то...

— Конечно, ты, Конан. Гонар искал тебя, собрал во дворце уйму колдунов и заклинате-

лей. Они все время завывают, как стая весенних котов. Когда эти шаманы наконец достучались до вашего мира, Гонар сказал, что мы с тобой должны сразиться, и, только если окажемся равны, я смогу рассказать тебе все. Он предупредил, что бой должен быть настоящим, иначе все погибнет. Поэтому я действительно старался убить тебя...

— Кровь и пот! Это был лучший поединок в моей жизни.— Киммериец насупился.— Если бы я знал, что он ненастоящий... Честное слово, худшего и представить нельзя. Я счастлив, что нам удалось скрестить мечи...

— Они тоже рады. Для них бой — это жизнь. Взгляни...

Конан посмотрел на оружие. Клинки лежали рядом, и лучи солнца, пробивающиеся сквозь пальмовые листья, играли на их полированных лезвиях. Ни одной зазубрины. Казалось, будто оружие стало только острее.

Кулл усмехнулся и покачал головой:

— Да, еще одно, Конан. Мечи часто принимают обличье людей, ведь это необычное оружие. Несмотря на то что Силы могут быть мужские, как Огонь и Воздух, и женские, как Земля и Вода, мечи всегда принимают облик женщины. Поэтому ищи Огненную Леву. Она приведет тебя к цели, если, конечно, ты согласишься помочь мне...

Конан для себя уже решил согласиться. Великолепное приключение! Неужели можно такое упустить? Рутинная дворцовая жизнь угнетала его. За три года он так и не смог привыкнуть ко всем ненужным условностям, которые назывались придворным этикетом, ибо, даже став королем, Конан так и остался авантюристом и искателем приключений.

Поэтому Кулл слышал только:

— Где будем искать?

— Я позову тебя, когда придет время. Меч Огня находится в горах на северо-востоке моего мира.

— Каким будет сигнал?

— Окровавленное Копье — знак беды моего народа,— ответил Кулл.

— Ну и ну... — Конан удивленно хмыкнул.— А о чего же живучи обычаи...

И проснулся.

* * *

Приближенные шарахнулись в стороны, когда король одним движением сел в кровати. Лейна с воплем радости бросилась ему на грудь и разрыдалась. Король приобнял ее одной рукой и обвел присутствующих свирепым взглядом. Из горла его вырвался негодующий рык:

— Какого Нергала, Паллантид? Что за сборище вы устроили в моей спальне? Неужели, Митра свидетель, я не могу и ночью спокойно отдохнуть? Убирайтесь вон!!!

Гвардейцы и приближенные ринулись к дверям, на которые указывал меч, все еще зажатый в руке короля. Паллантид, выходя последним, оглянулся и пожал плечами: клинок снова сиял чистотой.

— Нет, не зря я вызвал Пелиаса,— проворчал он себе под нос.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Там, где к западному крылу дворцового комплекса столицы Аквилонии вплотную примыкали казармы гвардии, во внутреннем двореке находилась небольшая учебная площадка. В прежние времена, еще при жизни Нумедидеса, на ней проводили бои гладиаторов, предназначенные исключительно для глаз короля. Поэтому площадку построили на два человеческих роста ниже уровня земли, а ее стенки облицевали камнем. Со смертью прежнего повелителя гладиаторские бои прекратились. Теперь посыпанную мраморной крошкой поверхность бывшей арены утаптывали сапогами воины личной гвардии Конана, сходявшиеся на ней в тренировочных поединках.

Учебный день уже начался, но на арене сегодня было тихо, несмотря на то что не менее десятка пар воинов уже находились здесь. Они

ждали, потому что на арене уже шел поединок, но воины не роптали: нечасто выпадает удача посмотреть на такой бой. И дело не в том, что в нем участвует король. Конан здесь появлялся едва ли не каждый день, сбегая от церемоний и приемов, чтобы позвенеть оружием с бравыми вояками: он любил сам обучать свою гвардию. Необычным казался противник короля, ведь до последнего времени, кроме Конана, в Тарантии не видали других киммерийцев...

Кербалла нельзя было спутать с Конаном, несмотря на то что у него были такие же синие глаза и черные волосы, как у большинства Кананов — киммерийского клана, из которого происходил король. Если черты лица Конана отличались правильностью и только многочисленные шрамы придавали ему свирепый вид, то лицо Кербалла, казалось, было вырублено несколькими ударами секиры из куска дерева. Он походил на одного из тех идолов, которых в Нордхейме вожди поят человеческой кровью. Кербалл не уступал Конану шириной плеч, но обладал менее развитой мускулатурой и оттого казался немного выше ростом.

Воины замерли, наблюдая друг за другом. Конан стоял в классической позиции Дракона: спина ровная, вес перенесен на отставленную назад ногу, правая рука, сжатая в кулак, отве-

дена назад на уровне плеча, словно он натягивал тетиву невидимого лука, ребро ладони выставленной вперед левой руки направлено в сторону противника.

Кербалл поначалу, низко пригнувшись, уперся левой рукой в колено выставленной вперед ноги, правую отставил в сторону. В следующее мгновение побратим короля мягко «перетек» в другую позу: став при этом похожим на кота, который подстерегает добычу. Мягко ступая, он двинулся по кругу, обходя своего противника. Конан, не менял позиции, но поворачивался, не выпуская его из поля зрения.

Гвардейцы, до этого шумно обсуждавшие шансы Кербалла, притихли. Вот он — безоружный поединок киммерийцев! Каждый слышал, что, по их обычаям, боевое оружие обнажают только против врага с намерением убить его. Воин из другого клана тоже считается врагом, но внутри своего никто не имеет права выяснять отношения с оружием в руках...

В тени навеса на балюстраде, окружавшей арену, стоял высокий седовласый человек, закутанный в шерстяной плащ. Его сильные, жилистые руки с длинными пальцами крепко сжимали перила. Это был Алкемид — философ и историк-хронист. Он напряженно ожи-

дал начала боя, чувствуя, как пробуждаются в нем воспоминания. Два хищника в человеческом облике, замершие перед битвой там, внизу, напомнили ему...

В то время он, как и большинство молодых дворян Аквилонии, пытался сделать военную карьеру. Не собираясь связывать всю свою жизнь с воинским ремеслом, Алкемид все же не прочь был развить в себе качества, присущие бойцу, а кроме того, ему нравился образцовый порядок, царивший в элитных частях армии. Получив назначение командиром пятидесяти копьеносцев в недавно созданный форт Венариум, Алкемид обрадовался: ходили слухи, что обстановка на киммерийском порубежье напряженная, а значит, он мог попробовать свои силы и даже отличиться в бою. Киммерийцы казались ему похожими на пиктов, только живущих в горах, а пикты, он знал, никогда не выдерживали прямого столкновения с регулярной армией. В те времена аквилонцы еще не считали их стоящими противниками...

Его воспоминания прервал начавшийся на арене бой. Конан сделал легкое движение, как будто собираясь прыгнуть вперед, противник подался чуть назад, но Конан тоже отступил, выманивая его на себя. Кербалл едва успел сделать один шаг за ним, как Копан прыгнул. Алкемиду на мгновение показалось, что тело

короля покрывает полосатая шкура тигра. Перевернувшись в воздухе, Конан ударил обеими ногами, целясь в грудь противника. Кербалл, еще не восстановивший равновесия, каким-то чудом успел, извернувшись, упасть и тем самым избежать удара...

Алкемида пробрала дрожь: движение Кербалла снова вернуло его в тот жуткий день, когда он вступил в свой единственный бой с киммерийцами.

Отряд гандерландской пехоты численностью в полторы тысячи человек, в который входили копьеносцы Алкемида, выступил из Венариума на рассвете.

Основания могучих башен форта тонули в морозной дымке. Серое утро вступило в предгорья. Иней блестел на стальных шлемах воинов. Было холодно...

Разведчики сообщили о большой банде киммерийцев, спустившихся с гор, но никто не верил, что их на самом деле много. Опытные офицеры утверждали, что их не могло быть больше пятисот человек, и то только в том случае, если пара дружественных кланов объединится для набега. Все знали: киммерийцы никогда не объединяются по-настоящему. Временный союз или перемирие возможны, но за ними непременно снова начинаются распри.

Аквилонцы верили в это, ведь никогда еще не было по-другому.

На гребне горного отрога, вдоль которого по дороге двигалось аквилонское войско, появились первые черноволосые воины, и командир отряда решил, что это разведчики киммерийцев. И только когда весь гребень уже оцетинился копьями варваров, он понял: настоящие разведчики где-то гораздо ближе. Проклиная себя за то, что не выслал фланговое охранение, он приказал готовиться к бою.

Проревели трубы. Колонна гандеров зашевелилась: лучшая в хайборийском мире пехота строилась в боевой порядок. Щит к щиту, выставив перед собой длинные копья, светловолосые воины ожидали нападения врага. Их тяжелое вооружение и умение сражаться сомкнутым строем давало гандерам огромное преимущество перед пренебрегавшими защитой киммерийцами...

Отряд Алкемида оказался в самой середине фаланги. Молодой офицер смотрел на снующих по гребню отрога варваров, ему казалось, что их не меньше двух тысяч, но это его не слишком тревожило: беспорядочной толпе ни за что не победить полторы тысячи гандеров. Алкемид усмехнулся...

И тут началось! Киммерийцы издали совершенно неправдоподобный, ни на что не по-

хожий вой, словно заголосили горы, выкликая угрозу небесам. От этого Алкемид почувствовал физическую боль, будто живот ему вспороли тупым и ржавым ножом. Шеренги гандеров дрогнули, а сверху на них хлынула темная лавина. Косматые воины в шерстяных килтах неслись прямо на копья гандеров. Казалось, они не собираются останавливаться и пробегут прямо по шлемам аквилонской пехоты. Большинство киммерийцев были вооружены копьями, которые они сжимали в левой руке, и мечом — в правой, некоторые предпочли меч и секиру, и лишь единицы несли небольшие щиты.

В стремительно несущемся с горы потоке людей было что-то неправильное, противоестественное. И Алкемид вдруг понял: они бежали совсем бесшумно, словно гандеров атаковала армия теней. Едва боевой клич затих, киммерийцы не издали больше ни звука.

Алкемид стиснул зубы. «Держись, держись!» Его место в первом ряду — привилегия командира. «Держись!» Свист флейт, дающих сигнал готовности, показался отвратительным визгом. Что-то коснулось правого плеча. Древко. Задние ряды направили копья вперед. «Митра! Почему с нами нет боссонцев?» В следующий миг враги были уже здесь.

Бежавший впереди всех рослый юноша, вооруженный всего двумя кинжалами, вдруг высоко подпрыгнул, переворачиваясь в воздухе, перелетел копьа и всей своей тяжестью обрушился на щит стоявшего слева от Алкемида воина. Гандер пошатнулся, опуская щит, и варвар тут же вонзил свое оружие в прорезь его шлема. Никто не успел понять, что произошло, а киммериец уже ворвался внутрь строя, раздавая удары направо и налево. Его стиснули щитами, но молодой варвар, прежде чем погибнуть, убил еще одного воина.

Пехота спешила сомкнуть ряды. Воздух наполнился лязгом оружия и криками боли. Киммерийцы бросались на острия копий, но в последнее мгновение уходили от удара, падая, подкатывались к самому строю, били в ноги, кололи снизу под щит. Некоторые секирами рубили древки копий. От первого ряда фаланги не осталось и следа. Храбрые гандерландские пехотинцы пытались удержать строй. Последний приказ, который отдал Алкемид, стараясь предотвратить атаки сверху, был: «Четвертый, пятый ряды — железо вперед-вверх!» После этого все смешалось. Варвары, ловкие как кошки, казалось, были везде: сверху, снизу, с боков. Фаланга пошатнулась, строй был прорван в десятках мест. Прямо перед Алкемидом возник огромный воин. Аквилонец оттолкнул

врага щитом, но ударить копьем не смог: тот схватил толстое древко обеими руками и сломал его, как тростинку. Дальнейшее Алкемид помнил плохо. Кажется, он все же зарубил того варвара. Потом его опрокинули. Удары посыпались градом, но спасли командирские доспехи. Тогда кто-то сунул лезвие кинжала в прорезь его шлема. Воя от боли, он вслепую ударил коротким мечом. Страшная тяжесть обрушилась на него...

Еще он помнил прекрасное женское лицо. Лицо смерти. Она была киммерийкой, черные волосы волной струились по ее плечам, а в руках, забрызганных кровью, женщина держала меч и снятый с Алкемида шлем. Он спокойно встретил взгляд ее синих глаз, не прося пощады. Он знал: киммерийцы не берут пленных. Что-то мелькнуло в глубине ее зрачков...

На арене продолжался поединок. Воины сцепились в ближнем бою. Каждый старался схватить противника за пояс, могучие тела блестели от пота, но дыхание обоих не сбилось. Можно было подумать, что воины совсем не устали.

На несколько неимоверно долгих мгновений противники замерли, но незаметная неискрушенному наблюдателю борьба продолжалась. Теперь для победы достаточно было одного

неверного движения противника. Кто первый ошибется? Неожиданно Конан, державший противника за пояс, отпустил одну руку, положил ладонь на плечо Кербалла и резко толкнул его, но тот не попался на удочку. Подавшись чуть назад он, в свою очередь, рванул короля к себе. Конан успел упереться ногами в землю. Оба опять остановились на миг, и все началось сначала...

Почему она тогда не убила его? Алкемид не знал. Он не верил, что киммерийская женщина может пожалеть поверженного врага... Почему? Ведь она видела: перед ней не простой воин, а офицеров на войне варвары убивали в первую очередь. Когда-то она снилась ему каждую ночь. Молодая женщина в доспехах, забрызганных кровью... Он хотел ее... Мечтал о ней, подарившей ему жизнь. За что? Обезображенный вражеским клинком, вспоровшим кожу на его виске, он лежал у ее ног, беспомощный и побежденный. Только дух, который он унаследовал от своих хайборийских предков, свирепых воинов и охотников, оставался несломленным. Может быть, она поняла это? Потом, когда он, второй раз придя в себя, выбрался с места побоища, эта мысль постоянно преследовала его. И даже чудовищный костер на месте Венариума, окрасивший волосы Алкемида в седину, не смог избавить его от мыс-

лей о ней. Ненавидя киммерийцев за жестокость, Алкемид понимал, что правда была на их стороне. Аквилония пыталась отнять у варваров их родную землю, и они защищали ее, как собственную мать...

Теперь, глядя на борцов, бывший офицер видел: киммерийцы не изменились...

Кербалл вдруг сделал быстрое движение левой рукой, захватив Конана за шею. Король словно ждал этого. Миг — и рука противника заломлена под таким углом, на который даже смотреть страшно. Однако Кербалл, оттолкнувшись ногами от земли, сделал сальто назад и, приземлившись, нанес быстрый удар ногой, целясь в живот короля. Но не попал. Конан опередил его, двинув открытой ладонью в грудь. Тот пошатнулся, и следующий удар отбросил его на несколько шагов. Воин упал на спину, перекатился и вновь оказался на ногах. Некоторое время противники молча изучали друг друга. Потом королевский гость рассмеялся и сказал:

— Ну хватит на сегодня, а не то ты из меня совсем дух вышибешь!

Под радостные вопли Черных Драконов, в очередной раз убедившихся в непревзойденном воинском мастерстве короля, киммерийцы покинули арену.

* * *

— Где ты выучился этому приему? — спросил Кербалл. Улыбка на его суровом лице выглядела жутко.

— Которому? — Конан неохотно оторвался от блюда с жареной бараниной.

Они сидели в кабачке на окраине Тарантии, в который Конан любил заходить, когда ему хотелось сбежать от докучливых придворных. Посетители кабака старательно делали вид, что не обращают на двоих киммерийцев никакого внимания.

— Ну этому... С ударом обеими ногами. Я просто чудом успел увернуться...

— Ты не поверишь. Сегодня во сне один тип чуть грудину мне так не сломал.— Конан потерял грудь ладонью. Ушибленное место все еще ныло.

— Почему же? Верю.— Кербалл нахмурился.— Мне сегодня тоже кое-что приснилось. И я хотел бы тебе об этом рассказать...

— Хочешь, угадаю? Сон очень реальный. Если бьют по башке, больно, и шишка с утра обеспечена. Жара. Пустыня. На тебя нападает здоровенный парень на лошади. Вы деретесь, потом миритесь, и он просит тебя ему помочь. Зовут его Кулл Валузийский...

— Вовсе нет. Хотя все так насчет шишек и тому подобного. Только не пустыня... — Кербалл отпил пива из кружки и продолжил: — Не пустыня, а лес вроде тех, что растут за Громовой рекой. И не всадник вовсе, а бродяга пикт. Правда, судя по виду, никак не меньше, чем вождь, может, даже больше. Если бы у пиктов были короли, то он бы пришелся как раз. Но насчет всего остального ты прав. Мы подрались. Причем пару раз я думал, что все пропало, — очень уж здорово он мечом машет. Но в конце концов я его поборол — удалось схватиться вплотную. Швырнул через себя и — представь себе мое удивление... Ведь я насмерть его бросал, головой в землю, а не так, как обычно делается в учебном поединке. Там нельзя было вывернуться... А он смог. Правда, зашибся все же, но только слегка. Встал и меч в землю воткнул. Говорит, что, мол, ему нужна моя помощь. Зовут его Брул Копьебой, он друг Кулла. Ну, про Кулла-то я слышал когда-то, а вот что он там дальше понес... Про каких-то змей. Меч против них... В общем, в конце концов до него дошло, то я ничего не понимаю. И он сказал, что я должен рассказать все тебе. Мол, ты все знаешь.

Конан покачал головой:

— Я-то знаю... Но чем больше я думаю о сегодняшней ночи, тем... — Он кивнул девушке,

поставившей перед ними полные кружки. Девушка была прехорошенькая. Проводив ее взглядом, Конан продолжил: — Чем больше думаю, тем сильнее убеждаюсь, а быть может, пытаюсь себя убедить, что это был все-таки сон. Но рана на плече... — Он усмехнулся: — А потом мне доложили о мерах, которые принял Паллантид на случай, если я не проснусь. Ты себе не представляешь! Открываю я глаза, а надо мной — встревоженные морды придворных, в спальне — полным-полно солдат. Я разозлился, конечно: и тут ведь покоя не дают. Это уж потом стало ясно, в чем дело... Паллантид на уши поставил всю Аквилонию. Гонцов разослал во все стороны, Пелиаса вызвал... Нет, конечно, все правильно сделал. Но чувствую я себя теперь какой-то редкостной безделушкой, хрупкой и недолговечной. Чуть что — и все трясется: как бы не раскокать... Куда проще было, пока никто обо мне не заботился.

Конан залпом опрокинул в рот содержимое принесенной кружки, с грохотом поставил ее на стол. Вытерев рот рукавом роскошной рубашки, он выругался, помянув Нергала и все части его тела. Кербалл, с улыбкой наблюдавший за ним, изобразил фальшивое участие:

— Как это, наверное, трудно — быть королем, Конан, я тебе очень сочувствую...

— Проклятие, хватит насмехаться надо мной! Ты и понятия не имеешь, насколько это нудно. Хотя зря я жалуюсь, ведь сам этого хотел. Сам занял этот проклятый трон... И буду последним ублюдком, если не наведу в этом бардаке порядок... Так что не о чем жалеть. Тем более что у нас, как я посмотрю, появилась возможность попутешествовать, развеяться. Слушай...

Кербалл выслушал рассказ Конана с каменным выражением лица, но в глазах его то и дело вспыхивали веселые огоньки. Когда Конан закончил говорить, его побратим удовлетворенно крикнул и хлопнул по столу ладонью. Стол выдержал, но в разговорах остальных посетителей опытное ухо Конана уловило некоторую нервозность. Кербалл тоже заметил это и рассмеялся:

— Да,— сказал он,— я тебя понимаю. Это действительно хороший повод, чтобы сбежать из твоего тихого городишки. Народ смотрит на меня здесь как на ярмарочную обезьяну. Женщины тащат меня в постель, а потом наверняка делятся мнениями о том, насколько мы, киммерийцы, отличаемся от цивилизованных мужчин. Местные забияки, когда рядом нет тебя, изо всех сил стараются завязать со мной ссору. Ты уж извини, пришлось тут пару черепов твоим подданным раскроить. В общем,

мне надоела эта суета — уж слишком много народу. Буду только рад смыться отсюда вместе с тобой.

В этот миг в заведение вбежал разряженный в пух и прах паж, исполнявший обязанности посыльного во дворце. Мелкими шажками подойдя к Конану, он отвесил церемонный поклон. Тот поморщился:

— Ну выкладывай!

— Мой король! — произнес паж, снова кланяясь. — Тебе просили передать, что во дворец приехал великий маг Пелиас.

— Хорошо, мы идем. — Конан повернулся к другу: — Ну что, Кербалл, сейчас ты познакомишься с одним из немногих колдунов, которых я могу еще хоть как-то переносить.

Они встали и двинулись к выходу. На столе Конан оставил золотой. Несмотря на все уговоры хозяина заведения, он отказывался есть бесплатно. «Если сам король не платит по счетам, — говорил он, — как можно ожидать от подданных уплаты налогов?»

Когда киммерийцы вышли, весь кабачок тут же начал обсуждать, зачем королю понадобился Пелиас. Пошел слух (пущенный Паллантидом), что король наконец решил жениться и с помощью мага хочет найти подходящую невесту. Полная чушь, но спорили об этом с пеной у рта...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На самом деле посыльному следовало бы сказать: «Пелиас прибыл», так как чародей редко использовал такие банальные средства передвижения, как колесница или верховая лошадь.

Будучи незаурядной личностью, великий маг любил позабавиться, выбирая всякий раз новые эффекты, сопровождавшие его появление. А надо сказать, воображение у него было богатое... Но сейчас ему пришлось поторопиться: дело казалось срочным. Поэтому Пелиас отбросил баловство и появился посреди тронного зала весьма скромно: просто возник из воздуха. Обычно Конана, откровенно скучавшего на официальных приемах, очень забавляло, когда чопорные придворные начина-

ли вдруг метаться, как сумасшедшие, обнаружив под ногами, например, тьму гнусных пауков. Правда, в Тарантии Пелиас появлялся редко и только по особому приглашению короля.

Сегодня приглашения не понадобилось. Едва только минули события этой ночи, как великий маг узнал о них и отправился в путь. Поэтому мчавшийся на перекладных гонец, отправленный Паллантидом в Коф, рисковал прибыть в пустой замок.

Представление о волшебнике его ранга как о седовласом старце в расшитой звездами мантии Пелиас решительно опровергал. На вид ему было не больше сорока лет. Стройный, среднего роста, он имел утонченные манеры. Длинные пальцы и благородные черты лица говорили о происхождении из знати. Одевался маг со вкусом, избегая ярких красок и аляповатых украшений. На этот раз он был одет строго и скромно.

* * *

Король, войдя в тронный зал, сразу заметил мага. Тот задумчиво разглядывал огромный гобелен, висевший на стене. Вышивка изображала переломный момент битвы при Шамаре,

когда Конан зарубил Страбонуса прямо в окружении его личных охранников. На гобелене кофийский король падал с коня с разрубленным черепом, а Конан величаво вздымал огромный меч, глядя на поверженного врага сурово и в то же время печально.

У киммерийца гобелен вызывал стойкое отвращение, и хотя художественные достоинства его были несомненны, правдивостью он явно не отличался. Начать с того, что король Аквилонии был изображен без шлема, а в той битве только тяжелый шлем и спас Конана, когда Страбонус ударил его секирой. Доспехи сражающихся, изображенные до мельчайших подробностей (наверняка художник часами сидел в оружейной, делая эскизы), сияли полированной сталью, на самом же деле к этому времени черный панцирь Конана был сплошь забрызган вражеской кровью... В общем, картинка-зазывалка для новобранцев: страшное лицо войны на ней было прикрыто бумажной маской. Советники настояли на том, чтобы повесить ее в тронном зале. После долгих уговоров король согласился, но приказал отвести для гобелена заднюю стену, чтобы, сидя на троне, не видеть этого безобразия. Он считал, что художник должен либо раскрывать всю правду, либо не браться за дело вообще...

Пелиас с улыбкой рассматривал изображение, сложив руки на груди. Одевание его состояло из черного бархатного камзола и таких же свободных штанов, заправленных в мягкие высокие сапоги. Пояс, стягивавший талию великого мага, был отделан тонким серебряным шитьем. Это было единственное украшение его костюма, если не считать витой рукояти прямого тонкого кинжала, заткнутого слева за пояс. Темные длинные волосы Пелиас стянул в хвост на затылке. Его странные глаза, менявшие цвет в зависимости от настроения, сегодня были изумрудно-зелеными. «Хороший знак»,— подумал Конан, и тут же цвет глаз начал меняться. Они сделались непроницаемо черными. Пелиас повернул голову и глядя на короля произнес:

— Оно рядом.

Конан не стал уточнять, что маг имел в виду. Надо будет, расскажет сам. Но поведение Пелиаса не предвещало ничего хорошего. Уж в этом-то Конан не сомневался.

Маг поднял руку и некоторое время внимательно разглядывал свои ногти, потом снова посмотрел на короля, зачем-то кивнул, как бы соглашаясь сам с собой, и сказал:

— Нам бы надо пройти в оружейную...

Тут взгляд его упал на Кербалла, он замер и начал рассматривать королевского побратима,

затем удовлетворенно хмыкнул и огляделся по сторонам. На вопрос, кого он ищет, Пелиас буркнул:

— Третьего...— чем привел Конана в полную растерянность.

— Третьего — кого? — осторожно спросил король. Пелиас вел себя настолько необычно, что Конан начал всерьез беспокоиться.

Маг вместо ответа непонимающе глянул на короля, словно тот задал на редкость глупый вопрос, но вскоре взгляд Пелиаса посветлел, будто отразив синеву глаз киммерийца.

— Оно уже там,— туманно пояснил маг.— Нам пора...

В оружейной царил полумрак. Конан, шагнув к окну, отдернул в сторону тяжелую портьеру, и яркий солнечный свет ворвался внутрь зала, бесчисленными бликами отражаясь в полированном металле. Кербалл тут же пошел вдоль стеллажей с оружием, слегка прикасаясь к доспехам, примериваясь к рукоятям редкостных мечей. Он был здесь не впервые и все же всякий раз снова и снова радовался и удивлялся. Нет ничего более привлекательного для сынов Крома, чем хорошее оружие. Конан, с удовольствием наблюдавший за ним, спросил, обращаясь к Пелиасу:

— Что мы здесь ищем?

Маг, продолжая озираться по сторонам, коротко бросил:

— Копье.

Король собрался спросить: «Какое именно?» — ведь здесь можно было найти копья практически любых народов, начиная от ассегаев бамула, гандерландских сарисс и заканчивая яри с острова Дракона, что лежит за Кхитаем в Восточном океане. Но маг опередил его, все так же односложно добавив:

— Окровавленное...

«Все верно,— подумал Конан,— где же еще появиться знаку... Оружие стремится к оружию...» Ему не хотелось продолжать размышления на эту тему: он терпеть не мог всякой мистики. За его спиной, в коридоре, послышался звук шагов. Они с магом обернулись одновременно.

— Ага! — воскликнул Пелиас.— Вот и третий!

Алкемид, а это его шаги услышал король, остановился в дверях. Слегка поклонившись, он поднял на Конана глаза. Седые волосы историка, обычно аккуратно уложенные, разметались по плечам от быстрой ходьбы, и взгляду короля открылся старый глубокий шрам, начинавшийся от уголка правого глаза, пере-

секавший висок и исчезающий в волосах за ухом.

— Прошу прощения, Ваше Величество,— тихо проговорил историк,— я хотел бы просить разрешения...

В этот миг Кербалл, забравшийся уже далеко в металлические джунгли, издал жуткий вой. Конан, не дослушав Алкемида, который вдруг побледнел как полотно, не разбирая дороги, кинулся в глубь оружейной, откуда звучал боевой клич киммерийцев.

Кербалла он нашел почти сразу. Тот стоял неподвижно, глядя куда-то в угол. Широкая спина побратима загораживала обзор, и Конану пришлось попросить его подвинуться, положив руку на плечо. Кербалл посторонился и, не поворачивая головы, произнес:

— Колдун прав. Оно здесь...

Оно действительно было здесь, покрытое темными потеками лезвие шириной в ладонь. Толстое древко длиной в рост человека — тоже в потеках. Окровавленное Копье. Конан даже не сразу заметил, что оно висит в воздухе.

— Недурственно! — прозвучал сзади голос Пелиаса — Ваше Величество, разреши?

* * *

— Больше не стану мучить вас загадками,— пообещал Пелиас, поднеся к губам полный кубок.— Надо сказать, в этой истории и мне самому не все ясно. Однако... — Он пригубил вино.— Ту часть, что мне известна, я расскажу.

Они собрались в апартаментах короля, к которым примыкала оружейная. Именно отсюда, а вовсе не из тронного зала Конан управлял государством. Здесь он писал указы, совещался со своими военачальниками и министрами, принимал послов для разговора с глазу на глаз. Трон был лишь символом, а главные дела вершились здесь.

В кабинете все стены занимали стеллажи с книгами. Простенки между полками украшали щиты с укрепленным на них старинным оружием. Солнечный свет попадал в комнату через пару высоких стрельчатых окон, забранных причудливыми решетками. В непогоду окна закрывали дубовыми ставнями, украшенными с внутренней стороны замысловатой резьбой в нордгеймском стиле.

Пелиас удобно устроился в мягком глубоком кресле, в котором обычно сидели важные гости. Конан предпочел стоявший напротив

громоздкий стул из резного дерева с высокой спинкой и подлокотниками в виде изготовившихся к броску львов. Алкемид присел на простую скамью у входа, а Кербалл взгромоздился на край круглого стола, находившегося посередине комнаты. Отсюда он мог видеть всех присутствующих, а также окна и дверь. Кербалл привык всегда быть настороже.

— Основную часть истории про Мечи Стихий вы уже знаете,— маг окинул всех взглядом,— поэтому ничего особо нового я вам не скажу. Как не скажу ничего веселого. Вы должны знать...— Пелиас немного помолчал.— В общем, так. Если ваша миссия не удастся, мир, конечно, не погибнет, но все в нем изменится. Если в своем мире Кулл обретет Меч Огня, то змеелюди будут уничтожены, но если этого не случится, человечество на века попадет в рабство к змеям. Когда Атлантида погрузится в пучину, Змеиные Владыки погибнут, но останутся их тайные анклавы. И теперь, уже в нашем мире, Конан, они выйдут из тьмы, и грянет большая война. Как и во всякой войне, здесь невозможно точно предсказать исход... Тем более что само существование вашего народа, киммерийцев, окажется под угрозой... Почему? Да очень просто. Вы происходите от атлантов, большая колония которых образовалась севернее Валузии как раз во

времена Кулла. Змеелюди истребят ненавистный им род... Видишь, Конан, это, выходит, не просто приключение. Тебе придется позаботиться о судьбе своего народа.

— С другой стороны,— подал голос Алкемид,— не сделай он этого, и Киммерия просто не существовала бы вовсе. Получается парадокс: Конан спасает Киммерию, чтобы иметь возможность родиться...

— Правильно.— Пелиас довольно прищурился.— На самом деле не все так мрачно, и в то же время все еще хуже... Конечно, может быть, эмеелюди и не смогут истребить твоих предков, Конан. Здесь нельзя быть уверенным... Многочисленные возможности выбора создают целую лавину вероятностей... Кто знает? Может быть, наоборот, спасая своих, ты убьешь себя...

— Зачем ты все это говоришь, маг? Чтобы еще больше запутать меня? — Конан нахмурил густые брови.— Я ждал от тебя разъяснений...

— А я только все усложняю...— продолжил Пелиас его мысль.— Нет, не все так. Я лишь хочу, чтобы ты и твои спутники осознали бессмысленность рассуждений и доверились выбору своего сердца. Но помни, король, опасно изменять прошлое. Только непреклонная воля

поможет тебе там. Впрочем, тебе ее не занимать... Что ж, а теперь подумайте...

— Конечно, мы пойдем,— перебил его молчавший до сих пор Кербалл.

Конан молча кивнул, соглашаясь.

— Хорошо.— Пелиас в задумчивости потер лоб.— Но я должен предупредить, что вернетесь вы не все. Так я вижу. Как воины вы, безусловно, готовы, но ведь ты, Конан, еще и король...

— Я обещал...— Конан пожал плечами.— К тому же Паллантид вызвал сюда Троцero Пуантенского. Я отдам распоряжения. Граф будет править до моего возвращения или пока совет не изберет преемника.

— Мой король! — Алкемид поднялся со своего места.— Позволь все же испросить твоего величайшего разрешения присоединиться к миссии.

Конан удивленно поднял брови:

— Вот как... Теперь понятно, почему Пелиас именует тебя третьим. Ну что же, я уверен, ты не будешь обузой. Мне кое-что известно о происхождении твоих шрамов. Но ведь мои соплеменники едва не убили тебя. Зачем тебе помогать им?

— Это была война.— Голос философа звучал твердо.— Мы вторглись на вашу землю. Вы одержали победу. Но дело вовсе не в ким-

мерийцах. Ты же знаешь о моем труде. Конечно же, летописцев много, тот же Астинус, например. Но я в отличие от других пытаюсь быть объективным. Я мог бы описать вам то, что увижу собственными глазами.

— Но подумай, тебя там не ждут. Нас с Кербаллом звали, а тебя ведь могут и не принять... Или я не прав? — Король взглянул на Пелиаса.

Тот покачал головой:

— Вовсе нет. Его тоже пригласили.

— Кто? — Конан удивленно посмотрел на философа.— Кулл?

— Нет, Гонар.

* * *

Он выбрал доспехи простого наемника: бронзовую двустворчатую кирасу, застегивавшуюся на правом боку; стальные наплечники с небольшими крыльями, защищающие шею с боков и позволяющие свободно двигать руками; легкие поножи, пластинчатый наруч для правой руки и средних размеров круглый щит.

Из оружия король взял свой длинный меч, приладив его ножны на спину, и прямой кинжал. Подумав, Конан снял с крюка тяжелый

коринфский шлем без гребня с бронзовыми нащечниками и, держа его в руках, обернулся. В оружейной кроме него находился только Кербалл, а маг с философом куда-то ушли. Побратим, верный киммерийскому обычаю, на защитное вооружение почти не обратил внимания. Он взял из всего арсенала только два широких боевых браслета и маленький кулачный щит. Его меч был короче, чем у Конана, и Кербалл носил его на поясе. Зато он присмотрел себе в королевской оружейной секиру на длинном древке. Взглянув на короля, Кербалл с усмешкой сказал:

— Что-то ты, брат, сидя на троне, совсем забыл наши обычаи. На тебе столько металла, что ты больше похож на какого-нибудь ванира или аса.

— Я ничего не забыл. Просто, побродив по миру, повидал, как сражаются разные люди. И скажу тебе, что доспехи бывают совсем не лишними. На самом деле цивилизованные люди не трусливей нас, вон возьми любого из моих гвардейцев или хоть того же Алкемида... Просто они воюют иначе. Все зависит от того, чем располагает противник. Ведь даже у нас, в Киммерии, охотясь на кабана, иногда надевают поножи и набрюшник из грубой кожи или берут щит. Большинство удалцов обходится без него, но... Когда ты не знаешь, каким будет

твой враг, лучше иметь доспехи под рукой. В любом случае их всегда можно снять...

В это мгновение открылась дверь и в зал вошел Пелиас.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Подковы коней звонко стучали по мостовой. «И лошадей здесь подковывают не так, как у нас,— рассеянно думал Конан.— Надевают на копыта чуть ли не башмаки...» С самого Перехода его не покидало ощущение нереальности окружающего, словно ему снится очень яркий сон, как тот, в котором он встретился с Кулом. Но тогда как раз ему вовсе не казалось, что он спит. Там все выглядело как наяву и, даже более того, так и было. Здесь же... Утренний воздух, прохладный и свежий, приятно охлаждал кожу, на каменных мостовых пустынных улиц мелкими капельками оседал туман. Кавалькада всадников оставляла на росе отчетливые следы. Восходящее в персиковом рассветном ореоле солнце ласкало дремлющий Пурпурный город. Конан, мысленно возвраща-

ясь в Тарантию, видел, какие они разные, эти две столицы.

Тарантия — город-крепость. Мощные стены окружают ее несколькими рядами, образуя крепость внутри крепости. Даже разросшиеся за последние годы предместья столицы окружены валом и рвом. Дома, словно воины в строю, теснят могучими плечами узкие улицы. Тарантия, несомненно, красива. Но ее красота сурова, как сурово, несмотря на все внешние украшения, совершенство боевой колесницы. Столица Валузии оказалась другой. Каменное кружево резьбы, испещрявшее гигантские блоки построек, делало их воздушными и легкими, скрадывая мощь стен. Огромные арки из розового гранита казались в призрачном свете утра тонкими и невесомыми. Недаром столицу Валузии называют еще Хрустальным городом. Даже башни крепости, что тяжелыми глыбами кровавого камня вздымались над всеми постройками столицы, походили на рвущиеся вверх в безумной пляске языка темного пламени...

Вчера Конан впервые увидел валузийскую столицу...

Переход между мирами завязал все его внутренности в узел. Жуткие картины до сих пор стояли перед глазами короля, и он с невольным содроганием думал о том, что это

придется испытать еще раз. Ревущие вихри, бездны, разверзающиеся под ногами, буйство мгновенно сменяющихся красок, невероятные звуки — все это подавляло, отнимало силы. Казалось, что за эти мгновения он устал, словно за несколько дней бессменной работы на веслах. Пелиас обещал «путешествие с удобствами». Если это так, то в какие же бездны мрака заглядывал он сам?

В самом начале Перехода их пронесло через гигантскую стену тумана. За ней расстилась унылая серая равнина, покрытая невысокими холмами, навевавшая тоску и безысходность. Несомненно, именно здесь и находилось пресловутое царство Нергала. Потом все смешалось...

Когда их выбросило в реальный мир, только железная воля не дала королю завывать. Казалось, живот вспороли от пупа до грудины и натянули внутренности на некую жуткую арфу вместо струн, а потом какой-то безумец начал на ней играть. Конан согнулся в три погибели и, похоже, на мгновение ослеп. Руки вцепились в металл панциря, пытаясь ослабить боль, и это прикосновение привело Конана в чувство. Он смог глотнуть воздуха.

Когда к нему вернулась способность мыслить, король заметил, что находится в большем полутемном зале. Свет попадал сюда че-

рез несколько квадратных отверстий в потолке, забранных фигурными решетками. Судя по слабому оранжевому оттенку лучей, снаружи вечерело. Здесь явно давным-давно никто не появлялся: на всем лежала печать запустения и тлена. Пыль покрывала пол толстым ковром, из которого выступали странно знакомые предметы. Кости... Несколько десятков скелетов в истлевших одеяниях лежали вперемежку с оружием и разбитой мебелью. Скелеты были человеческие, но вот черепа... Конана передернуло.

— Змеиная башка на плечах человека... — Голос Кербалла гулко отразился от стен. — Надо же, какое дерьмо!

Конан оглянулся. Его спутники уже пришли в себя, хотя Алкемид был еще бледен. За их спинами высилось какое-то сооружение. Трон? На ступенях, ведущих к нему, скелетов змеелюдей было больше всего. Скудное освещение в том углу зала совершенно сходило на нет, отчего трон походил больше на сгусток тьмы. И все же король, обладающий на редкость острым зрением, заметил, что на нем кто-то сидит. Одновременно Кербалл поднял вверх сжатый левый кулак, подавая знак: «Чужой». Сидевший на троне пошевелился и вдруг встал во весь рост. Багровый отсвет ложился на его плечи, стекая к ногам складками алого плаща.

— Кулл! — Конан вернул в ножны выхваченный было меч.

Правитель Валузии молча шагнул вперед, и слабый луч света коснулся его сурового лица.

— Посмотрите вокруг,— вместо приветствия сказал он.— Вы видите перед собой истоки войны, которую я веду уже много лет. Все началось отсюда, куда змеелюди заманили меня, чтобы убить. В тот год Валка послал мне друга, и Брул Копьебой спас меня... Но так не может продолжаться вечно. Враги непрестанно меняют обличья и убьют меня в конце концов... Если я прежде не убью их. Я поклялся в этом, и ничто не остановит месть короля Валузии. Но мне нужен Меч Огня. Вы пришли как друзья, чтобы помочь мне. Ты, Конан, король и брат мой. Ты знаешь, какую ношу взвалил себе на плечи. Но ты пришел... Бросил все... Я не забуду этого, как не забыл бы ты... Будьте же в эту ночь моими гостями. А завтра вам нужно отправляться в путь. Времени нет. Грядет Война Змей...

Густой, басовитый звук колокола прервал воспоминания короля. Кавалькада всадников уже подъезжала к Утренним воротам города. Огромные надвратные башни венчали тонкие шпили, ветерок трепал укрепленные на них

длиннохвостые валузийские вымпелы. Стража возле ворот, закованная в черные доспехи, отсалютовала всадникам тяжелыми секирами.

— Это мои Черные Стражи.— Кулл впервые за это утро прервал молчание, и в его голосе Конан услышал гордость за своих воинов,— Вместе с Алыми они — лучше всех. Даже мои родичи, атланты, уважают их. Научились уважать...

Конан знал из рассказов короля, что атланты часто наведывались на материк, приплывая на быстрых ладьях с большого острова, расположенного в западном океане. Они свирепы и отважны. Нападая на прибрежные поселения, родичи Кулла искали славы и богатства. Лишь немногие страны достойно сопротивлялись им. И только Черные Стражи могли похвастать победой над атлантами в открытом бою. Единственной причиной, по которой островные жители не представляли серьезной опасности для Семи Империй, была их разобщенность. Они жили кланами и почти никогда не объединялись, даже для набегов.

Все это очень напомнило Конану его родных киммерийцев. Он еще раз подивился стойкости обычаев и характера своего народа. Пройдет три с половиной тысячелетия, а потомки атлантов останутся все теми же свирепыми варварами. Быт их будет так же прост, а

речь немногословна, и они все так же будут нападать на цивилизованные страны, угоняя стада. Только для этого им придется не переплывать море, а спускаться с гор. Правда, Кулл говорил, что не все атланты таковы. Ходят слухи, что на западном побережье их острова выросло молодое полуварварское королевство. Они построили города из гигантских каменных глыб, но все равно цивилизация почти не коснулась их. Они тоже совершают набеги на континент, вот только лучше организованы, да и кораблей у них больше. И еще они берут пленников...

Тяжелые створки Утренних ворот медленно отворились, не издав ни звука. За ними, словно они вели прямо на небеса, полыхал рассвет, и всадники один за другим растворялись в его сиянии. Вскоре о них напоминал только звон подков, затихающий вдали.

* * *

Седые водяные холмы плавно вздымались и опадали, ворочая на морщинистых спинах корабли гойделов. Три огненосных дромона короля Конхобара с самого вечера шли на север вдоль побережья Зарфхаана. Жестокий шторм забросил патрульную эскадру далеко на юг от родных берегов, и теперь командующий стре-

мился поскорее вернуться домой. Моряки спешно чинили покалеченный такелаж, но серьезных повреждений не было. Волны гулко ударяли в днище: дромоны шли носом к волне.

Косые паруса наполнились ветром, и, если ничто не помешает, командующий рассчитывал завтра увидеть входные маяки своего порта. Серое безрадостное небо с быстро несущимися облаками нависало над самыми мачтами кораблей. Старый моряк подумал, наблюдая за марсовым, угнездившимся на верхушке мачты, что король не похвалит его за то, что эскадра, разбросанная штормом, оставила побережье Соединенного Королевства без охраны. Набеги атлантов и лемурийцев в последнее время почти прекратились, но пираты изредка еще напоминали о себе, нападая то на торговое судно, то на прибрежный поселок. Гойделы и флот огненосных кораблей, которым не могла противостоять ни одна эскадра, жестоко преследуя их, отбили у островитян охоту грабить. Но волки есть волки...

Вдруг командующий насторожился: ему показалось, что наблюдатель на мачте уже очень долго вглядывается в одну сторону. В следующее мгновение матрос свесился вниз и прокричал, перекрывая вой ветра:

— Десять парусов на траверзе левого борта! Четыре черных, шесть цветных!

Отдавая приказы, командующий пытался понять, что делают вместе корабли злейших врагов. Атланты и лемурийцы ненавидели друг друга больше всего на свете, поэтому видеть черные паруса атлантов рядом с лемурийскими было более чем странно. Но он не собирался принимать бой здесь, у чужих берегов. Тут нечего защищать.

Дромоны гойделов, подняв все паруса, полным ходом направились на север.

Грайу, стоя на корме своего «Ежа», с радостью наблюдал, как треугольные паруса дромонов скрываются за горизонтом. Его разномастный флот, несмотря на численное превосходство, метатели огня гойделов уничтожили бы всего за пару сотен ударов сердца. Атлант не считал такую войну честной, хотя знал: в абордажной схватке воины Соединенного Королевства не уступят его собственным. Истинный сын своего народа, Грайу предпочитал открытое сражение.

Вчера утром его ладьи в тумане столкнулись нос к носу с семью лемурийскими галерами. Вот это был бой! Лемурийцы с ходу протаранили два его корабля, но атланты, воодушевленные боевым безумием, ухитрились захватить вражеские галеры прежде, чем их

собственные отправились на дно. Еще одну галеру пустили на дым зажигательными стрелами. У лемурийцев не осталось ни малейшей надежды, но, надо отдать им должное, дрались они, как тигры. После того как последний пират упал на окровавленную палубу, пронзенный мечами атлантов, Грайу приказал перевести часть воинов на захваченные галеры. Смешно бросать такие трофеи, когда его дружине не хватает места на палубах. Да и добычу будет куда сложить...

Штормовой ветер помешал высадиться там, где намечали. Опасаясь береговой охраны валузийцев, атланты обычно сходили на берег где-нибудь в сопредельных государствах, а затем по побережью выходили к цели. В этот раз они собирались сойти с кораблей на изрезанном шхерами побережье Зарфхаана, перевалить горы и ворваться в богатую долину Маранда. Под командой Грайу находилось почти девятьсот воинов. Такое войско вполне могло захватить пару приморских городков и быстро отойти с добычей до того, как подспеют когорты Черных Стражей.

Теперь его корабли шли вдоль скалистых берегов Зарфхаана на юг, с каждым мигом все больше приближаясь к намеченному месту. Грайу мрачно осматривал гигантские утесы, уходившие прямо в воду. Чутье подсказывало

вождю клана, что это последний его набег. Он не боялся смерти, но не хотел и торопить ее. Глупо умирать, когда дело всей жизни только начато. Его клан очень силен: Грайу не взял с собой и половины своих воинов. Он мечтал основать собственное королевство на материке, он хотел быть королем, а не военным вождем клана, обязанным в мирное время прислушиваться к мнению совета старейшин. Ведь смог же Кулл стать владыкой Валузии...

* * *

Путешествие через страну походило на сказочные сны его детства. Сколько раз он видел выраставшие из колдовского тумана сахарные пики гор, увенчанные шпильями замки, леса, похожие на величественные зеленые храмы. Быстрые прозрачные реки несли свои воды к морю, народ в городах был весел и приветлив. Страна казалась нарисованной гениальным живописцем, позабывшим, правда, изобразить трещинки на стенах и птичий помет. Даже воры здесь обкрадывали народ с неким изяществом. Конан смеялся над философом, утверждая, что все это лишь видимость и на самом деле люди здесь точно так же предают и убивают, как и везде. Тем более, напоминал он, что некоторые из встречных и не люди вовсе.

В глубине души Алкемид соглашался с королем, но волшебный вид прекрасной страны продолжал приводить его в трепет.

Во дворце Кулла он видел замечательную рельефную карту, сделанную из чеканного золота, которая изображала Валузию, и окружавшие ее страны. Историк тут же победил в Алкемиде, и он принялся делать наброски. Кулл заметил его интерес и подарил прекрасную карту мира, нарисованную на пергаменте яркими растительными красками. Теперь, покачиваясь в седле, философ изучал ее, обращая особое внимание на страны, через которые, возможно, пройдет путь их маленького отряда.

Лицо этого мира настолько отличалось от того, к которому привык Алкемид, что сложно было догадаться, какая страна соответствует, например, Аквилонии. Западное побережье Турийского материка оказалось сильно изрезанным. Несколько крупных заливов и морей глубоко вдавались в сушу. Величайшее королевство этого мира, Валузия, занимало гигантский полуостров, омываемый с севера и запада морскими волнами. На юге находился большой залив, отделяющий государство Кулла от горделивой Верулии, тоже расположившейся на полуострове, правда, меньших размеров, напоминающем по форме рог с отломанным кончиком. В заливе между странами-

соперницами ближе к Валузийскому побережью находилось множество островов, на которых обосновалась большая колония пиктов. Они заключили союз с валузийским королем и, поселившись на южных границах королевства, охраняли их. Настоящая родина этих свирепых воинов располагалась далеко на Закате. Посреди Океана Запада лежал гигантский архипелаг. Бесконечная цепь больших и малых островов протянулась с севера на юг. Именно там находились знаменитые королевства пиктов, соседствующие с варварскими кланами этого же народа. Еще дальше на запад лежали таинственные Острова Заката и мрачная Лемурия. Они на карте нарисованы не были, и лишь стрелки с надписями указывали, где их искать.

Между островами пиктов и Валузией находился небольшой континент, покрытый горами и непроходимыми джунглями. Еще до того как воин, переводивший Алкемиду надписи, открыл рот, философ понял что это и есть Атлантида. На языке пиктов, на котором они общались, название родины Кулла прозвучало как «Киммах ак карнанх» — «страна безумцев с мечами». Произнеся это название, Алый Страж покосился на Кулла, ехавшего впереди вместе с Конаном. Алкемид улыбнулся: забавно, и снова начал изучать карту.

На севере от Валузии посреди моря, называвшегося Своенравным, лежал еще один небольшой архипелаг. Про него известно было лишь то, что там обосновались свирепые лемурийские пираты. Между ними и атлантами постоянно возникали яростные стычки, а свободное от них время оба варварских племени посвящали набегам на цивилизованные страны и внутренним распрям.

С востока Валузию защищал хребет Зальгары. Народ, живший в этих горах, был свиреп и воинствен, и именно отсюда набирал Кулл людей для гвардии Алых Стражей. Дальше на восток лежала Камунианская пустыня, по краю которой проходила граница с Королевством Зарфхаана. На севере Своенравное море вдавалось в Турийский континент гигантским клином, отделяя побережье Зарфхаана от горной страны Му. Местные жители славились своими воинами, которые охотно шли служить наемниками в южные страны. Дома для них не было дела, ибо король северного соседа, Соединенного Королевства Тула, навек отучил их от набегов. Именно в Соединенное Королевство лежал путь отряда. Его предстояло проделать морем, и Алкемид заранее проклинал все на свете: он не выносил качки. Из страны гойделов они должны были отправиться в горы Му, и философ решил позднее вернуться к

этой части карты и изучить ее более тщательно.

Южнее гор Му и восточнее Зарфхаана лежал таинственный Грондар. Воин-переводчик упомянул, что участвовал в восточном походе Кулла через эти земли. При этом у него заходили по скулам желваки, из чего Алкемид заключил, что в Грондаре не любят чужаков. Это королевство, потянувшееся с севера на юг, граничило не только с Зарфхаа-ном. Южнее через пустыню Обжигающих Песков Грондар сообщался с Туранией, живо напомнившей философу Туранскую Империю. Правда, здешний Туран казался гораздо меньше, а моря Вилайет и вовсе не было. Еще южнее Турании, отделенные от нее невысокими горами, лежали похожие на лоскутное одеяло земли Малых Княжеств, также граничащие с Грондаром. На западе они соседствовали с Камелией и Фарсуном, а на северо-западе — с Комморией, земли которой были зажаты между могучими врагами: Валузией, Туранией, Верулией и Фарсуном. Естественные преграды в виде гор и пустыни на севере слабо защищали гордое королевство, однако ни один враг еще не покори́л комморов. В нескончаемых войнах с Валузией бывшая провинция столетия назад утвердила свою независимость, а у Кулла сюда

пока не доходили руки: доставало забот со змеелюдми.

Восточнее Грондара лежали пустынные земли, рассеченные надвое рекой Стагос, что протекала точно с юга на север. «Неужели это Стикс стигийцев?» — ужаснулся Алкемид. Размеры катастрофы, которая изменит мир, оказывались просто ужасными. Гигантские равнины и горные хребты должны погрузиться на дно, а на месте морей возникнуть суша, прежде чем мир приобретет знакомый облик... Еще восточнее Стагоса лежала неизвестная земля, названная на карте Змеиным Королевством. Там была нарисована неровная черта, обозначенная как Великий обрыв. За ней начинались джунгли, на границе которых картограф изобразил несколько ступенчатых пирамид, назвав их городом Змея.

Алкемиду не терпелось расспросить обо всем Кулла: наверняка тот мог порассказать много интересного. Но надеждам ученого не суждено было сбыться. На привале их догнал гонец со срочным сообщением. Что было в нем, неизвестно, но Кулл сильно разгневался. Дав отряду Конана надежных провожатых, он простился с киммерийцем и умчался в столицу. Алкемид разобрал лишь несколько слов о каком-то колдуне, который берет на себя слишком много. Как видно, государственные

дела Валузии вовсе не были в отменном порядке.

* * *

Он выбрал именно этот участок берега, потому что на длинный песчаный пляж можно вытащить корабли, а скалистые утесы, начинавшиеся в двадцати шагах от кромки прибоя, позволяли укрыться от лишних глаз. Эскадра, развернувшись, на веслах двинулась к берегу. Воины атлантов, стоя на палубах в полном вооружении, ожидали, когда глубина позволит им спрыгнуть за борт, чтобы добраться до суши первыми.

Грайу, глядя на них, ощущал гордость за свой клан. Почти тысяча великолепных бойцов участвует в этом походе. Можно будет даже дать открытый бой Черным Стражам валузийцев, если тех не окажется слишком много. Корабли, идущие ровной линией, мерный плеск весел и суровое молчание воинов, всегда готовых к битве, обычно приводили вождя в хорошее настроение, но в этот раз все было не так. Тяжелое предчувствие давило грудь. Грайу всегда знал, когда нужно ударить, чувствовал ловушки и успевал вывести воинов из опасного места. Его прозвали за это Тысячеглазым Грайу, потому что его совершенно невозможно

было застать врасплох. Это сделало его военным вождем клана Морской Лошади. Но ведь обычно он просто *знал*: здесь опасно, а теперь его просто душила неясная тревога и ощущение неотвратимой смерти...

Ухватившись левой рукой за резную фигуру на носу корабля, вождь всматривался в приближающийся берег. Он первым заметил среди скал маленькую человеческую фигурку и сразу понял: вот причина его беспокойства. Правая рука атланта сжала рукоять широкого меча.

Чайки, пронзительно крича, металась над самыми волнами. Человек на скалах поднял руки, и корабли атлантов вдруг остановились, упершись в невидимую стену. Но воины не ударились в панику: колдовство страшило их не больше, чем шторм в осеннем море или извержение вулкана. Люди понимали опасность и ожидали приказов вождя, который, они видели, спокойно стоял на носу своего корабля.

И тогда колдун заговорил. Громовой голос перекрыл гул прибоя и крики чаек. Колдун знал язык атлантов.

— Человек из Атлантиды! Ты идешь, надеясь вновь ограбить нас! Глупец! Возвращайся, иначе никогда больше не увидишь своего дома!

— Честь для воина — умереть в бою! — крикнул в ответ Грайу.— Неужели ты решил, что атланты испугаются пустой болтовни?

Колдун расхохотался. Казалось, само небо смеется над Грайу. Но вождь не дрогнул. Что толку бояться пустых звуков?

— А ты наглец, Грайу Тысячеглазый! Но твоя храбрость вызывает уважение. Я Гонар, верховный маг и жрец Валки! Знай же, отважный глупец, что твои сородичи предали тебя! Старейшины боятся твоей силы: ты можешь отнять у них власть. Они сообщили мне, где ждать тебя!

— Нет! Не может быть!!! — слова сами сорвались с губ. Грайу так не хотелось верить колдуну, хотя в глубине души он уже знал: все правда.

— Да! Да! Ты не нужен им со своим непомерным честолюбием! Они готовы пожертвовать тобой и твоими воинами, чтобы жить, как прежде! Я говорю тебе это, чтобы ты знал: у тебя нет надежды! Не предай они тебя, и этот твой поход мог увенчаться успехом! Но вместо этого он станет последним!!!

Смех колдуна потонул в ударе грома. Небо вдруг потемнело, и черные тучи закружились над самой водой. Волны поднялись стеной и ринулись со всех сторон на корабли. Море вспучилось, и ошеломленным атлантам на миг

показалось, что скалы и стоявший на них маг исчезли далеко внизу. Сквозь рев хлынувшего с неба дождя Грайу услышал последние слова, предназначавшиеся только ему:

— Ты никогда не вернешься...

Он знал, что это правда. Ему уже не вернуться. Никогда...

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Гнев Хотата на тебя, Гонар! — проревел Кулл, врываясь в зал Совета. Разодетые придворные шарахнулись в стороны от гигантского варвара в запыленных доспехах, яростный взгляд которого не предвещал ничего хорошего. Страшное богохульство, которое он произнес, повергло многоопытных государственных мужей в ужас. Один только виновник королевского гнева, седовласый Гонар, оставался спокойным. Он поднялся навстречу и, поклонившись, вопросительно посмотрел на Кулла. Тот навис над сухощавым колдуном. Казалось, король еле сдерживается, чтобы не схватить Гонара за горло.

— Отвечай, старый пес, кто ты? Уж не король ли Валузии?

Первый гнев прошел, и голос Кулла звучал спокойно, но Гонар не обманывался, понимая, что на самом деле король вне себя от ярости.

Он хотел было осторожными фразами успокоить атланта, но сразу сообразил, что только разозлит его еще больше. Поэтому маг лишь поклонился в ответ.

— Ты мне не кланяйся! Отвечай, кто из нас Властелин Валузии! Ну! — Правый кулак Кулла со звоном впечатался в его левую ладонь.

— Конечно ты, Ваше Величество! — Маг как будто даже обиделся, — Но мне непонятно, в чем же я провинился...

— Да ну? Если я все-таки король/то почему же ты, Гонар, принимаешь единоличные решения? Кто тебе приказал уничтожить эскадру Тысячеглазого?

— Но, мой повелитель, ведь это разбойник, которого не терпят даже собственные сородичи... Он бы напал на долину Маранда, и резня...

— Ну так слушай же, старый! — Кулл не договорил, не найдя нужного слова. — В следующий раз потрудись, прежде чем устраивать бойню, посоветоваться с Копьебоем или Кану. Ты испортил весь мой замысел. Неужели ты думаешь, что так можно избавиться от набегов атлантов? Мы разработали план, по которому Грайу обязательно попадал в ловушку. Пять тысяч Черных Стражей во главе с Гериобаром зажали бы атлантов в ущельях Зальгары,

едва те ступили бы на берег. И Тысячеглазый на этот раз мог угодить прямо в расставленные сети, если б не ты... Я хотел предложить Грайу его мечту — собственное королевство, и он бы вряд ли отказался. Я собирался заключить с ним мир и тем самым открыть дорогу к примирению с Атлантидой. Союз с кланом Морской Лошади означал бы безопасность побережья. А ты все загубил!

— Но... Какие земли? Неужели ты хочешь отдать каким-то варварам часть нашей цветущей страны? — пролепетал маг и побледнел.

— Не забывай, Гонар... — спокойно начал Кулл и вдруг взревел: — Я точно такой же варвар!!! И я твой король!!!

Раньше никто не смел так разговаривать с ним, но Гонар понимал, что гнев Кулла справедлив, — и опустил голову.

Король Валузии некоторое время разглядывал его, а потом вздохнул:

— Я слишком строг к тебе, маг. Ты, конечно, всего лишь желал оградить наше королевство от бед. Ты всегда помогаешь мне, взять хотя бы Конана... Прости мою резкость, но, я надеюсь, ты понимаешь, чем она вызвана. Из-за твоего самоуправства и поспешности я потерял возможность приобрести сильного союзника. Ведь нам предстоит большая война... А насчет земель... Я собирался помочь Грайу

вышибить лемурийцев с северных островов...
Быть может, он спасется...

— К сожалению, мой король, это невозможно,— тихо произнес Гонар, и в его голосе Кулл услышал нотки раскаяния.

* * *

В свете яркой молнии, полыхнувшей сквозь пелену водяных брызг, вождь атлантов увидел, как чудовищная волна налетела на соседний корабль. Гул удара, когда ее бешено крутящаяся верхушка гигантским бичом обрушилась на палубу галеры, слился с раскатами грома. Обрывки снастей полетели в разные стороны. На несколько мгновений мелькнули в воде черноволосые головы его воинов. Мелькнули и пропали из виду. Ужас и боль переполнили душу вождя, тут же сменившись дикой яростью. Волна — отголосок смертоносной водяной горы, захлестнула палубу, сбив его с ног, но он тут же вскочил, и голос человека на мгновение перекрыл рев ветра.

— Проклятие! Проклятие вам, морские боги!!! Где ты, Великая Мать Пучины? Ты пожираешь своих детей по указке гнусного колдуна, никогда не ступавшего на палубу корабля!! Почему!? Почему ты слушаешь его?! — Грайу воздел могучие кулаки, грозя небесам.— Где

же справедливость? Отвечай! Почему ты обрекаешь на гибель моих людей!? Возьми мою жизнь, но не губи свой народ!

Стоя на плясавшей под ногами палубе, атлант сам походил на древнего морского бога. Глаза его яростно сверкали, отражая вспышки молний, мокрые волосы напоминали изодранное знамя. Он потерял счет времени. Казалось, небо всей своей исполинской мощью навалилось на его плечи. Но Грайу и не думал отступать... И шторм сдался. На миг послышался тяжелый вздох, волны опали, и вождь увидел свой истерзанный флот. Как ни странно, стихия унесла лишь один корабль. Великий груз внезапно перестал давить на него, и воин едва не упал от неожиданности...

Вдруг его сознание помутилось, взор заволокло туманом, и только небо, яркое и безоблачное, засияло прямо перед глазами. И в синеве раскрылось окно, за которым он увидел... Лицо. Нет, не лицо — лик. Грайу даже не сразу понял, что он принадлежит женщине. Великая Мать! Она смотрела прямо в душу вождя, и в глазах ее он увидел печаль.

— Я прощаю тебе твою дерзость, воин.— Ее голос был тих, но сила, которая звучала в каждом звуке, повергла Грайу в смятение.— Ты правильно поступил, призывая меня. И я не возьму твою жизнь. Ты тот, кто заложит бу-

дущее моего народа. Великое будущее. Но вам придется обрести себе нового покровителя. Я покидаю ваш мир. Ищи Старца Горы... И еще, мой сын, найди своего брата. Прощай и берегись...

Окно в небе замерцало и пошло волнами, как будто Грайу смотрел на него из-под воды. Невнятные образы закружились вокруг, в ушах вождя зазвенели колокола. На миг он увидел лицо человека, похожее на его собственное. Холодные синие глаза глядели куда-то вдаль, и в них атлант увидел далекие горы. Потом он почувствовал под головой доски и понял, что лежит на палубе «Ежа». Кто-то влил ему в рот глоток вина, и голос Айар произнес:

— Вставай, мой вождь. На горизонте — горы Му.

Грайу, шатаясь, поднялся, опираясь на сильную руку воительницы, и посмотрел по сторонам. Корабли, изувеченные штормом, медленно приближались к земле. Вождь узнал горы: их он только что видел в глазах своего неизвестного брата.

Воины, приветствуя вождя, радостно взвыли:

— Грайу Тысячеглазый! Грайу Победитель Шторма!

Он гордо вскинул голову и, забыв о боли, крикнул:

— Эти горы станут нашей родиной! Мы завоюем их!

В ответ прозвучал боевой клич клана, и Грайу понял: если раньше эти воины пошли бы за ним штурмовать врата небес, то теперь они, не задумываясь, спустятся вслед за ним в Страну Теней.

* * *

Примерно в это же время Конан смотрел на горы Му с другой стороны. Быстроходный боевой корабль валузийского флота нес маленький отряд к берегам Королевства Тула. На полпути их встретили дромоны гойделов и взялись сопроводить в порт.

Свинцовые волны Своенравного моря становились у бортов кораблей изумрудно-зелеными, пенные следы оставались за кормой, и Конан думал о том, что пройдут тысячелетия, а волны морей ничуть не изменятся. Море — единственное, что объединяет эти два мира. Море и, пожалуй, еще горы. Проплывающие по правому борту каменные громады вдруг напомнили киммерийцу о далекой юности, о тех временах, когда он забирался на верхушки неприступных скал просто ради забавы. Эти вершины казались ему не столь высокими, как горы его детства, но они были именно такими

суровыми, как те, что помнил король. Снеговые шапки венчали некоторые из них, и ветер выводил в прибрежных скалах странную мелодию. Король некоторое время как замороженный слушал ее. В песне ветра он слышал извечную печаль и тоску, сопровождавшую тех, кто обречен терять... Лица давних друзей проплывали перед его мысленным взором, большинство из них были уже мертвы. Любовь, ненависть — все это ветер извлекал из глубин памяти короля. Валерия... Белит... Испарана... Имена и лица любимых. Потом и другие лица начали всплывать в его памяти. Отец, Вульфер, Сигурд... Затем вдруг возникло лицо Кербалла, и король внезапно понял, что побратим никогда не вернется в Киммерию. Именно ему суждено сгинуть в бескрайних просторах этого чужого мира.

Но Конан помнил, что тот, кто не умеет терять, никогда не сможет обрести. Он постоял еще немного, жадно вдыхая свежий морской воздух, в котором смешались запахи соли и просмоленных досок палубы, но, вспомнив, что пора отдохнуть, направился на корму: предстоял переход через горы, а в таком случае лучше заранее выспаться и набраться сил.

В каюте горела масляная лампа. Кербалл с Алкемидом о чем-то переговаривались, сидя на койках. Они приводили в порядок снаряже-

ние, и Конан даже расслышал пару слов аквилонца. Тот говорил что-то о заточке зингарских клинков. Не успев даже удивиться отнюдь не философской теме разговора, король лег и мгновенно уснул.

Сплошной мрак окутывал все вокруг. Даже острое зрение киммерийца не позволяло поначалу ничего разглядеть. Темнота пахла влажным камнем и еще чем-то смутно знакомым. Где-то далеко капала вода...

Конан решил, что находится в пещере. Обостренные чувства подсказали ему: что-то бесконечно огромное и могучее находилось здесь, погруженное в вековый сон. «Аракон? Пещера, судя по эху от капель, достаточно велика». Конан потянулся к оружию, однако ножны были пусты. «Проклятие!» Наклонившись, он нащупал под ногами увесистый булыжник и, подняв его, медленно двинулся вперед.

Мрак слегка рассеялся, и в серой пелене начали проступать расплывчатые контуры. Пещера и в самом деле оказалась огромной. Слабый, рассеянный свет, которого Конан поначалу не замечал, шел откуда-то сзади, но, оглянувшись, король не нашел его источника. Киммериец медленно продвигался вперед и вскоре увидел нечто похожее на колонны в зингарском стиле, сужавшиеся в средней час-

ти. Конан не первый раз попадал в пещеры и знал, что это известковые натёки, но и не предполагал, что они могут достигать таких размеров... Становилось светлее, а быть может, глаза все больше привыкали к темноте. Впереди мрак снова сгущался, образуя некую фигуру — что-то вроде исполинской статуи сидящего человека. Конан задрал голову, чтобы получше разглядеть лицо гиганта... «Кром!!!»

Капли вдруг начали капать быстрее, словно забилося сердце человека, резко пробудившегося ото сна. Послышался далекий рокот, будто начиналось землетрясение, и «статуя» открыла глаза. В них, ничуть не похожих на человеческие, не было зрачков. Казалось, в глазницах каменной маски плещется синий колдовской огонь. Уже можно было рассмотреть лицо, иссеченное морщинами, «каменные» брови сурово сдвинуты, крылья прямого носа раздуваются, словно проснувшийся бог видит впереди бесчисленные битвы. Исполин повернул голову к Конану и произнес: «Здравствуй, пока еще не рожденный сын мой!»

Король проснулся в холодном поту и рывком сел. Каюта была пуста, с палубы доносились возбужденные голоса спутников и крики чаек. В голове кузнечными молотами грохотали слова бога: «Следуй за Огненной Девой!»

* * *

Следующие несколько дней король был задумчив и почти не обращал внимания на происходящее. Казалось, его занимает только, как быстро движется их маленький отряд. После высадки в Рудрайге, южном порту Соединенного Королевства, они втроем, пополнив запасы продовольствия, отправились верхом на юг, к предгорьям Слияб ли Котайг — так гойделы называли северную часть гор Му. Алкемид, покачиваясь в седле, делал записи в своем дневнике, отмечая названия мест, через которые они проезжали, их особенности и обычаи населения. Кербалл подтрунивал над ним, не забывая смотреть по сторонам. Конан ехал впереди на крупном гнедом жеребце, и его мысли витали где-то далеко.

В предгорьях их остановили воины короля Конхобара. Застава представляла собой небольшую крепость с мощными стенами, которая стояла на дороге к перевалу. В ней находилось несколько десятков человек, набранных из народа, населявшего хребет Котайг, родственного другим горцам Му. Рослые воины в кожаных доспехах, черноволосые и сероглазые, были вооружены кривыми мечами и арбалетами.

Их командир, седой ветеран в кольчуге, увидев охранную грамоту короля Валузии, предупредил Алкемида, что сейчас в горы ехать опасно. Вот уже несколько дней, как через границу идут беженцы, прося защиты короля Тулы. По ночам за горами полыхает зарево.

Там располагалось небольшое княжество, каких сотни в горах Му. Горные племена жили сами по себе, постоянно враждуя друг с другом, за исключением разве что тех, которые входили в Соединенное Королевство. Видимо, в горах снова начались усобицы, а может, напали чужаки. Беженцы, в основном женщины и дети, ничего не могли сообщить толком...

Конан, который, пока шел разговор, молча смотрел на дорогу, вдруг сказал:

— У нас нет времени! Поехали! — И вскочил на коня.

Звякнула сбруя. Гнедой, красуясь, заплясал на месте. Конан ударил его каблуками, и жеребец помчался к перевалу, унося нетерпеливого всадника. Кербалл с Алкемидом поспешили следом.

Старый солдат, качая головой, проводил взглядом безумных чужеземцев, которые вряд ли вернутся назад.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Он назвал захваченную крепость Риа Маав в честь Великой Матери. Построенная на вершине высокой скалы, она позволяла следить за приморской долиной. На открытой площадке центральной башни было ветрено. Грайу стоял у самого парапета и смотрел вниз, на зеленые луга этой благодатной страны. Его страны.

Тучные стада, отобранные у прежних владельцев, бродили по бескрайним пастбищам. Не распыли их бывшие хозяева свои силы, атлантам было бы гораздо сложнее победить. Местные жители оказались не менее свирепы в бою, чем воины Грайу. Только опыт полководца давал вождю атлантов преимущество, и он одолел неприятеля.

Первый бой на этой земле они приняли прямо на побережье. Около трехсот горских воинов ринулись на атлантов со скал, когда те вытаскивали на песок корабли. Врагов было

меньшие, но дрались они с безудержной яростью, не соблюдая порядка и строя. Длинные мечи в их руках повсюду сеяли смерть.

Но на сей раз горцы, которых в цивилизованном мире ценили как отменных бойцов, встретили достойных противников.

Вытаскивая клинок из тела очередного врага, вождь подумал, что хороших воинов легко может погубить плохой командир. Так и случилось. Вскоре все нападавшие отправились в царство мертвых.

Оставив при кораблях раненых и полсотни человек для охраны, Грайу повел воинов в глубь суши. Они шли быстро, далеко во все стороны высылая разведчиков и дозоры. Вождь атлантов хотел опередить слухи о своем появлении. Сначала это ему удалось, и посреди ночи атланты, внезапно атаковав, захватили небольшую крепость, которая охраняла перевал, ведущий в долину. Кто-то из горцев, правда, сумел улизнуть и передать своим весть о нападении, но атланты не оставили им времени подготовиться к защите.

Ранним утром, когда туман еще заполнял распадки между холмами, войска Грайу построились на равнине. Из крепости, венчавшей неприступную скалу, выходили отряды воинов гор. Бегуны (разведчики) сообщили, что со всех концов долины к крепости идет подкреп-

ление, и если не разбить врагов сейчас, то к полудню можно будет оказаться в ловушке. На месте вражеского вождя Грайу бы не торопился, а, дождавшись подкрепления, раздавил бы дерзких пришельцев. Но князь вывел своих бойцов из крепости, намереваясь сам стяжать всю славу, и тем, даже не подозревая этого, помог атлантам.

Стена из больших прямоугольных щитов выросла перед воинами клана Морской Лошади. Враги загревели оружием, выкликая какое-то имя. По рядам атлантов прошел шепоток: «Поединок. Они хотят поединок!»

Грайу шагнул вперед, вынимая меч из заплечных ножен. Навстречу ему из строя врага вышел рослый воин в стальной броне. Грайу, не замедляя шага, на ходу присматривался к противнику. Идет мягко, движения точные, спокойные — по всему видать, не впервой. Опытный боец, опасный враг...

Когда они встретились, вождь успел увидеть только глаза, с ненавистью глядевшие на него из-под забрала. В следующий миг противник напал. Напал стремительно, так что Грайу едва успел подумать: «Ему есть за что меня ненавидеть... Я пришел отнять его землю». Это не было раскаянием — атлант просто не знал такого чувства. Отражая первый удар, он не сомневался, что отнимет эту землю.

Противник оказался настоящим Мастером Меча. Он рвал, крушил, разбивал оборону атланта, но и тот не вчера родился. Стальная мельница крутилась посредине поля, грозя перемолоть в кровавые брызги слабую человеческую плоть. Поединчики стояли друг друга.

Легкость, быстрота, сила — все наравне. Войска затихли, наблюдая за небывалым боем. Невероятное мастерство воинов вызывало уважение, граничащее с преклонением.

Мир рассыпался, рассеченный молниями клинков, и в это мгновение атлант увидел свой шанс. Отбитый в сторону меч врага устремился к его левому бедру. Грайу рванулся вперед. Закаленное железо вонзилось в ногу. Взыли от радости враги, но их вой тут же сменился криком отчаяния. Тяжелый меч атланта со страшным звоном разрубил шлем врага. Брызнула кровь. Изуродованное тело рухнуло под ноги победителя. Грайу пошатнулся

Горцы, воя от ярости, ринулись вперед, ломая строй и мечтая только о том, чтобы уничтожить, растоптать убийцу. Но и атланты не мешкали. Десять лучших сынов клана Морской Лошади рванулись вперед, чтобы своими телами прикрыть отступление победителя. Остальные, построившись клином, устремились навстречу врагам.

Грайу не отступал, пока рядом не увидел Морна, Бреки и других. Горцы налетели тучей, и маленький отряд на миг оказался в окружении. Вождь и его отборные воины, забыв о ранах, сражались с безумием демонов. Через несколько мгновений, которые показались вечностью, клин атлантов отшивырнул прочь горцев, сломавших свой строй.

Грайу оказался среди своих. В голове шумело. От потери крови путались мысли, но прежде чем потерять сознание, он все-таки успел послать полторы сотни из задних рядов в обход правого фланга врага. Скоро все было кончено.

Атланты не брали пленных... Подошедшие к полудню отряды подкрепления нашли лишь поле, усеянное трупами сородичей. Но и этим не удалось уйти. Атланты окружили их и разбили наголову. Победа была полной.

Убитых врагов похоронили в огромной братской могиле, над которой пришельцы воздвигли курган. Со временем они поставят здесь каменный знак — каирн. Любой, кто знает Язык, прочтет в каменном кружее повесть о храбрецах, лежащих под курганом...

Подняв голову, вождь заметил орла, который парил в вышине над его страной. Орел —

символ воинского духа. Хороший знак для молодого королевства. Птица, кружившая там, наверху, казалась вестником Великой Матери. Совсем скоро из Атлантиды придут корабли. Старейшины не смогут удержать воинов, когда те узнают о предательстве. Тогда Грайу станет сильным и сможет расширить свое пока еще маленькое королевство. И он действительно никогда не вернется назад. Напротив — он пойдет вперед.

Теперь, когда потеряно много людей в волнах колдовского шторма и в битве с врагами, рано думать о завоеваниях. От его войска осталось две трети, но оно достаточно сильно, чтобы защитить новые земли...

Грайу быстро обернулся, услышав шаги за спиной. Левое бедро отозвалось тупой болью. На площадку поднялась Айар. Высокая и сильная, как и большинство женщин атлантов, она носила кожаные штаны, заправленные в мягкие сапоги. Грудь ее закрывала кираса из шкуры морского зверя с нашитыми на нее бронзовыми чешуйками, к широкому боевому поясу крепились ножны прямого длинного меча. Атланты обычно не носили шлемов, но у Айар по этому поводу было свое мнение. Высокий бронзовый шлем с нащечниками и назатыльником надежно защищал ее черноволосую голову.

Грация и сила этой женщины всегда поко-
ряли Грайу, но она приходилась ему родствен-
ницей в седьмом колене — по обычаям атлан-
тов, достаточно близкое родство, чтобы свадь-
ба стала невозможной. Поэтому Айар была
ему только другом, но другом верным и пре-
данным, и не раз выручала его в бою. Часто
Грайу казалось, что она тоже сожалеет об их
родстве, однако это не мешало ей советовать
вождю найти себе жену среди других воитель-
ниц...

Сейчас в ее зеленых, как море, глазах чита-
лось не то удивление, не то растерянность, но
голос Айар звучал, как всегда, ровно.

— Вождь, на северном перевале десяток
Эрмы остановил троих всадников. Они говорят
на языке, похожем на диалект Южного остро-
ва, где живет клан Кар-анах. Еще знают пикт-
ский... Требовали свободный проезд, но Эрма
показал им боевой топор. Это их почему-то
развеселило, и они сказали, что хотят видеть
вождя. Эрма дал им проводника: уж больно
похожи на атлантов... А один и вовсе...— Вои-
тельница запнулась на полуслове.— В общем,
сам посмотришь. Ждут внизу.

— Не думал, что топор Эрмы может кого-то
развеселить... Зови их сюда.

— Они отказались сдать оружие.

Грайу усмехнулся:

— Это в наших обычаях. Кар-анах не враги Морской Лошади. Пусть идут. Да крикни Морна — пусть будет трое на трое.

* * *

В первое мгновение Конан решил, что у него двоится в глазах или снова начались видения. Такое сходство казалось просто невозможным, и все же... Два человека стояли друг перед другом, и отличить их было можно только по одежде. Двойник был одет в шерстяной килт, перетянутый на талии пластинчатым боевым поясом, к которому крепились ножны короткого меча. Ноги вождя обуты в сапоги из толстой кожи, обшитые металлическими бляшками. Мощную шею обвивала золотая цепь. Могучие плечи, широкая грудь — вылитый Кербалл. Даже шрам на щеке такой же формы. Левое бедро вождя скрывала повязка, сквозь которую проступали бурые пятна. Видимо, Тысячеглазому, как называли его воины, было еще нелегко стоять после ранения, поэтому он опирался на огромный меч, не уступавший королевскому.

Конан взглянул на побратима. Обычная напускная беспечность слетела с того, как листья, сорванные с дерева осенним ураганом. Кербалл во все глаза смотрел на своего двой-

ника, и лицо его, в точности отражая изменения, происходящие с лицом Грайу, постепенно вытягивалось от изумления. Вождь атлантов первым пришел в себя и, обращаясь к стоявшей рядом воительнице, что-то спросил. Конан разобрал лишь «почему». Та в ответ только пожала плечами.

Глаза Кербалла, когда он вслед за вождем посмотрел на воительницу, вспыхнули от восторга и тут же обрели осмысленное выражение. Конан прекрасно его понял.

Женщины атлантов, даже больше чем киммерийки, знакомы с воинским ремеслом. Насколько Конан успел заметить, почти четвертую часть дружины Грайу составляли воительницы, причем видно было, что их принимают как равных. Хорошее начало для колонии... А в том, что эти ребята собираются здесь поселиться, король не сомневался.

Вдруг что-то привлекло его внимание. Там, на горизонте, вершина. Не может быть...

— Бен Морг! — его голос заставил всех вздрогнуть.— Кербалл, Алкемид! Это же Бен Морг!

Конан шагнул к парапету, указывая рукой на юго-восток. Все посмотрели туда, и в этот миг две исполинские призрачные фигуры поднялись над вершиной, окруженные огненным заревом. Могучий мужчина обнял женщину,

они постояли так немного — темные силуэты на фоне пламени, потом женщина, взмахнув рукой на прощание, начала быстро удаляться. Мужчина остался стоять, сложив руки на груди, потом его силуэт начал таять и наконец исчез вместе с заревом.

* * *

— Теперь, когда я обрел брата,— вождь положил руку на плечо Кербалла,— а новый покровитель моего народа явил себя, мне остается выполнить только один совет Великой Матери — побережься.— Он рассмеялся.— Но я этого не умею!

— Мы позаботимся об этом, король! — Гулкий бас Морна заполнил пиршественный зал.

Воины, сидевшие за длинными столами, подняли чаши, утверждая новый титул вождя.

— Слава королю атлантов! — воскликнула Айар.— Слава Грайу, Победителю Шторма!

Воительница сидела рядом с Кербаллом, и глаза ее лучились от счастья, ведь он-то не был ее родственником.

Грайу не ревновал. Наоборот. Когда друг находит счастье, только низкий человек станет завидовать. Он тоже поднял чашу, опасаясь только, как бы его не перехвалили. Гости от-

давали должное яствам. Синеглазый великан, превосходивший шириной плеч даже Морна, что-то объяснял своему седовласому спутнику. До Грайу донеслись слова: «Бен Морг», «Кром». С первого взгляда вождь атлантов признал в Конане предводителя воинов, вождя, равного себе, а потом Кербалл сказал, что он правитель могучей империи, как Кулл. Миссия этих троих — настоящий подвиг. Грайу не все понял, но решил помогать им до конца. Они идут туда, где живет новый покровитель его народа, а Кулл... Что ж, мир с Валузией для его молодого королевства сейчас лучше войны...

* * *

Опустошив свою чашу, Конан задумчиво обвел взглядом окружающих. Атланты и пировали-то, как киммерийцы,— с суровым достоинством. Никто пока под столом не валялся, хотя выпито уже более чем достаточно, не слышно привычной для нордхеймских пирушек похвальбы, разве что провозгласят здравицу вождю да кому-нибудь из наиболее отличившихся в битве.

Конану показалось, что он давно знает всех этих людей, словно нет тысячелетий, которые отделяют Киммерию от Атлантиды. Пронесутся войны, и из пепла и крови встанет могучее

королевство. Впитав в себя местное население, полив эту землю кровью, атланты сделают горы Му своей родиной. Грянут две великие катастрофы, сгинет в войнах с пиктами королевство атлантов, но «безумцы с мечами» пронесут через века несгибаемое мужество и любовь к этой земле. Их клинки станут каменными, и Окровавленное Копье получит обсидиановый наконечник. Но настанет время, и потомки тех, кто сидит в этом зале, снова начнут свое триумфальное восхождение...

Мысли короля перекинулись на другое. Глядя на переливающееся во вновь наполненном кубке багровое вино, он вспомнил тот мир, из которого пришел сюда, и то, за чем пришел. Пелиас сказал, что они должны довериться своему сердцу. Зная, что может погибнуть здесь, Конан не жалел о принятом решении. Совсем не важно, в каком из миров умереть. Гораздо важнее, где жить, а главное — как жить.

— *Как мы вернемся? — Конан по привычке выяснял пути возможного отступления. — Здесь портал открываешь ты, а там?*

Пелиас кашлянул, потирая руки, и с улыбкой посмотрел на короля:

— *То, что ты услышишь, Конан, может тебе не понравиться, но так уж и быть... Но прежде*

чем я объясню, скажи, как по-твоему, чем отличается маг от простого человека?

— Чем? — Конан скривился, будто съел что-то кислое.— Да тем, что обладает силой, которую получает посредством всяких там ритуалов. Поэтому некоторых из них чуть сложнее прикончить. А так онидохнут совершенно как обычные люди.

Улыбка Пелиаса стала печальной.

— Я понимаю тебя, король. Говоря о «всяких там ритуалах», ты намеренно опустил слово «омерзительных». И я не обижаюсь, потому что знаю, насколько близко тебе пришлось познакомиться с магами вроде Тзоты или колдунов Черного Круга...

— Зато и они познакомились со мной.

— Да, и здесь им не повезло, но об этом — потом... Взгляни на меня. Только что я открыл путь в другой мир. Я маг, но где же ритуалы?

Конан покосился на портал. В стене оружейной залы зиял проем, которого там раньше не было, словно часть кладки превратилась в клубы пара или тумана, которые беззвучно двигались в пределах проема, будто какая-то невидимая стена мешала им перетечь в оружейную и заполнить ее.

— Ты сильный маг,— буркнул он,— и к тому же белый...

Пелиас расхохотался:

— Мой король! Белых магов не бывает! А точнее, не бывает белой магии. Магия едина, а оттенки ей придают те, кто ее использует. Что же до силы, то скажи, а чем отличается сильный маг от слабого?

— Волей,— не задумываясь, ответил Конан.

— Правильно. Но ведь и обычные люди могут обладать могучей волей — вот как ты, например. Впрочем, я не прав. Ты далеко не обычный человек... Так вот, маги этой волей еще и руководят, сосредотачивая на том, что им нужно. Некоторые делают это посредством ритуалов, а другим, у которых есть прямая связь с Силой, ритуалы не нужны. У тебя, Конан, такая связь есть...

— Что!? — Король словно со стороны услышал свой голос.— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Ты успокойся, Конан,— улыбнулся маг, глядя, как рука короля нащупывает рукоять меча.— Я вовсе не собираюсь подтрунивать над тобой, а тем паче оскорблять. Вот скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему магия в большинстве случаев на тебя не действует, а если и действует, то слабее, чем на других?

— Я знаю, что колдовство опасно. Но я знаю, что оно смертельно для того, кто заранее сдался. Мне всегда помогала ярость...

— Воля — вот что тебе помогало! — Пелиас сиял от удовольствия, словно получил награду.— А прямая связь с духом у тебя от рождения! Когда ты поминаешь своего Крома, ты поддерживаешь эту связь и вызываешь Силу, стоящую за именем бога.

— Ты хочешь сказать, что я маг? — Конан смачно плюнул на пол, выложенный узорной плиткой.— Всегда ненавидел этот народец за жадность и жестокость. Не прими на свой счет, Пелиас, но я действительно очень мало встречал среди вашего брата честных людей.

— А много ли ты их встречал вообще? Силе сопутствуют соблазны, и обойти их ох как не легко.— Пелиас нахмурился, и глаза его стали черными, словно ночное небо. — Но дело не в соблазнах. Вопрос в том, кого считать магом. Все люди имеют такие способности, но не у всех хватает силы и воли, чтобы осознанно пользоваться ими. Ты всегда делаешь это, не задумываясь. Поэтому ты, Конан, не маг, а воин.

— Слава Солнцеликому Митре! Успокойл. Но ты мне голову-то не морочь. Наплел про магию... А ведь я спрашивал, как нам вернуться.

— Иногда, Конан, ты меня удивляешь.— Пелиас покачал головой и снова принялся разглядывать свои руки, потом взглянул на коро-

ля и, отвернувшись к порталу, сказал: — Вот к этому и наплел. Так как твоя воля настолько сильна, что тебя можно, с некоторыми оговорками конечно, назвать магом, чтобы вернуться, достаточно будет твоего желания. Просто очень сильно захотеть — и все... А теперь положите руки друг другу на плечи. Ты, Конан, встань слева — будешь направляющим. ..

Спутники короля подошли поближе, и он услышал, как Кербалл тихонько спросил Алкемида:

— Эй, философ, ты пожрать с собой захватил?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Посреди ночи он проснулся, как от толчка. Завернувшись в шерстяной килт и надев сандалии, Конан двинулся к выходу из комнаты, осторожно обходя мебель. Застегивая пояс с мечом, он выглянул в коридор. В замке стояла непривычная тишина, лишь трещали факелы, укрепленные в держателях вдоль стен. Сводчатый потолок покрывала копоть. Король прислушался, и ему показалось, что справа, со стороны главного зала, доносятся какие-то звуки. Песня? Женский голос выводил странную мелодию на непонятном языке.

Конан мягким кошачьим шагом двинулся по коридору. Чем ближе он подходил, тем глубже проникали в его душу звуки музыки, а в воздухе разливался странный запах, напоминавший тот, который остается после близкого удара молнии. Проходя мимо других комнат, киммериец слышал за дверями ровное дыхание

спящих людей, и ему казалось удивительным, что никто, кроме него, не слышит песни. Наконец коридор закончился, и Конан вошел в зал.

Ярко пылал огонь в камине, освещая даже высокий потолок и капители тяжелых колонн. На фоне огня в пол-оборота к королю стояла воительница и, опираясь на спинку высокого кресла, пела. Сияние пламени мешало разглядеть ее лицо, и Конан решил было, что это Айар. Девушка обернулась, едва он вошел, и мелодия умолкла. Теперь огонь освещал воительницу сзади, очерчивая четкий чеканный силуэт.

Лишь подойдя ближе, король понял: это не Айар. Меч будто сам собой вылетел из ножен. У Айар не может быть таких глаз! На темном фоне силуэта они казались прорезями в металлической маске, сквозь которые било рыжее пламя. Грозовой запах стал еще сильнее, и Конан заметил вдруг, что вовсе не огонь в камине дает столько света, а существо, стоявшее перед ним. Он опустил меч. «Так вот ты какая, Огненная Дева!»

Словно в ответ его мысли, нестерпимое сияние погасло. Девушка сделала шаг вперед и развела руки, показывая, что безоружна, но киммериец знал: она сама и есть оружие.

Высокую грудь Огненной Девы защищал панцирь, повторяющий очертания фигуры, и к нему присоединялись короткие наплечники. Боевой пояс стягивал немыслимо тонкую талию, над которой нависал шипастый край нагрудника. Бедра закрывала пластинчатая юбочка. Доспех дополняли поножи и легкие наручи. Оружия при ней не было. Теперь, когда она стояла совсем рядом, Конан смог разглядеть, что глаза у нее вполне человеческие, вот только странного золотисто-рыжего цвета, как и волосы, подобные языкам пламени.

— Я звала, и ты пришел.— Низкий грудной голос.— Чтобы отдать, нужно обрести, а чтобы обрести — отдать. Ты готов отдать часть себя, чтобы обрести меня?

Она едва заметно, уголками губ, улыбнулась. «Проклятие! Что она хочет сказать?» Услышь он эти слова от обычной женщины, у него не осталось бы сомнений, но эта...

— Ты еще сомневаешься? — Она усмехнулась.— Никогда не подумала бы, что ты такой нерешительный... — Огненная Дева отстегнула левый наплечник и положила его на стол.

Мысли лихорадочно метались в голове Конана: «Тысяча демонов! Может, это сук-куб? Как быть... Ведь Кулл... Это его Меч...»

— Не мучай себя.— Нагрудник со звоном упал на каменные плиты, и у короля перехва-

тило дыхание.— Я не суккуб. Но, несмотря на свое магическое происхождение, я женщина. И овладеть моей силой ты сможешь, лишь овладев мной. Иначе тебе никогда не найти меня. Тебе что, не нравится такой способ?

— Очень нравится, задери меня Нергал! — Киммериец наконец обрел дар речи.— Но я не могу этого сделать, ведь ты принадлежишь Куллу...

Ее смех серебряными бубенчиками раскатился по залу.

— Я не принадлежу никому. Такие, как я, лишь снисходят к смертным. Но уверяю тебя: мы знаем, что такое любовь! А чтобы передать меня Куллу, ты должен сначала найти и обрести!

— Это сон... — прорычал Конан, сжимая ее в объятиях.

Тело Огненной Девы источало нечеловеческий жар. Но сейчас он не обжигал, а... Руки девушки скользнули по его спине, утонули в волосах. Запах грозы. Жаркие губы. Стон...

«А что ты называешь явью?» — коснулась сознания короля ее мысль. Потом все утонуло в пламени...

* * *

Дно долины покрывала изумрудная трава, и кое-где возвышались редкие деревья.

Стоя на гребне скальной гряды, спускавшейся в долину, Кербалл мог видеть, как внизу пасется маленькое стадо оленей. Насколько хватало глаз, повсюду кипела жизнь, в небольших озерцах плескались стаи диких гусей. «Прямо Земля Счастливой Охоты, как в легендах пиктов». Киммериец посмотрел на своих спутников, которые тоже разглядывали долину.

Айар, присев на корточки, не отрываясь следила за оленями. Она напоминала Кербаллу самку снежного барса, свирепую и грациозную. Яркие губы тронула легкая полуулыбка: она заметила его взгляд. Айар отказалась остаться в крепости и отправилась в путь вместе с ним. Даже если бы не было той ночи, теперь Кербалл не сомневался бы в ее чувствах.

Стоявший рядом с ней Алкемид вовсе не походил на чопорного ученого, с которым киммериец отправился в путь из Тарантии. Старый солдат, закованный в стальные доспехи аквилонского офицера, выглядел под-стать своим спутникам. Опираясь на копье с широ-

ким наконечником, он разглядывал вершину, лежавшую на другой стороне долины.

Конан, замыкавший маленький отряд, тоже смотрел в ту сторону. Он только что вышел на гребень, и вершина сразу привлекла его внимание.

Шлем, который король нес в руке за подбородочный ремень, лязгнул о край заброшенного за спину щита.

— Нам туда,— произнес Конан, указывая на гору.

Кербалл пожал плечами и начал спускаться вниз. «Бен Морг, так Бен Морг» — подумал он. Главное он уже нашел.

* * *

Уже несколько дней, как короля не оставляло ощущение, что за ними следят. Путники не могли укрыться от посторонних глаз, даже спускаясь в овраги, промытые маленькими, быстрыми речушками, русла которых устилала разноцветная галька. Сначала они пытались обнаружить преследователей и устроить им засаду, но, как оказалось, следом за ними никто не шел. Несмотря на это, ощущение чужого пристального внимания не проходило, словно

кто-то невероятно зоркий следил за людьми с вершины одной из гор, окружавших долину...

Кербалл и Айар по очереди уходили далеко вперед, разведывая дорогу. Несколько раз они натыкались на стада странных зверей, похожих на заросших шерстью горбатых слонов с огромными изогнутыми бивнями. Тогда маленькому отряду приходилось обходить стороной живые холмы: слоны, шерстистые они или нет, на воле имеют прескверный характер...

Склоны Бен Морга все приближались, и теплый поток, зовущий Конана за собой, с каждым днем все усиливался. Огненная Дева ждала короля где-то там, впереди, и он старался не думать о том, что будет, когда они добудут Меч. Поэтому Конан думал о другом. Например, о том, что через многие века климат здесь станет жестче. Исчезнут буйные травы, уйдут стада зверей. Цветущий край превратится в каменистую равнину, на которой будут воздвигнуты курганы — могилы вождей. И гигантский зуб Стоячего Камня станет охранять покой мертвых воинов...

Глядя на то, как слаженно действуют Кербалл и Айар, разжигая костер, Конан понимал, что предсказание Пелиаса верно. Один из них точно не вернется отсюда. Конечно, может погибнуть Алкемид или он сам (король не в пер-

вый раз смотрел в глаза смерти), но Кербалл останется здесь, даже если выживет в последней битве. И, быть может, первый курган на этой равнине будет его...

В том, что битва все же предстоит, Конан не сомневался. Об этом говорил весь многолетний опыт, накопленный им в тысячах подобных приключений. О том же кричали чувства: невидимый наблюдатель продолжал злобно сверлить взглядом затылок.

После привала путники снова двинулись вперед, и, когда солнце начало спускаться к горам по невидимой небесной тропе, отряд наконец достиг подножия великой горы. Только теперь Конан обратил внимание на одну странность. Несмотря на теплый климат, ледяная шапка на Бен Морге казалась гораздо больше, а граница снегов проходила гораздо ниже, чем в его времени.

Из-под ледника стекали тысячи ручьев, несущих в долину чистые холодные струи, и в воздухе звенели их голоса, возвещающие о начале новых времен... Снег таял, но это началось совсем недавно, как подозревал киммериец — почти сразу после его «посещения» пещеры Крома, поэтому вход в нее все еще скрывала толща льда и снега. Но зов Огненной Девы звучал откуда-то сверху, и отряд начал подъем.

На них напали, как только путники пересекли границу снегов...

* * *

Когда со всех сторон из-под снега полезли воины в меховых накидках, вооруженные мечами и прямоугольными щитами, он даже не успел испугаться. Приняв чужой клинок на край щита, Алкемид ударил противника умбоном в грудь. Тот отшатнулся, и широкий наконечник копья пронзил его шею. Со всех сторон доносился лязг оружия: его товарищи вступили в бой. Аквилонец закинул щит за спину и начал прокладывать себе дорогу, чтобы присоединиться к спутникам. Он рубил и колот наседавших врагов тяжелым копьем, которое наносило ужасные раны, и в конце концов прорвался к своим, получив лишь скользящий удар по шлему и пару-другую зазубрин на нагруднике. Но передышки не вышло: здесь творилось нечто невообразимое. Горцы лезли со всех сторон. Киммерийцы вместе с Айар стояли спина к спине, и снег вокруг них, усеянный телами врагов, пропитался кровью. Аквилонец поспешно метнулся к сражающимся, и вместе они составили квадрат, причем Алкемид с Конаном заняли противоположные углы, чтобы

их хуже защищенные доспехами друзья были прикрыты с боков.

Поднятый ногами воинов снежный вихрь стал красным от капелек крови, срывавшихся с клинков. Оружие с хрустом рубило панцири. Падали отсеченные конечности, хрипели умирающие. Вот Кербалл с рычанием обрушил на врага свой топор, и тут же зазвенел пробитый нагрудник. Вот кто-то бросился на Айар сбоку, но Алкемид вонзил копье в прорезь его шлема, и жуткий вопль заставил содрогнуться горы.

Враг опрокинулся под ноги наступающим, и они растоптали его, еще живого, стремясь побыстрее прикончить четверых чужаков... И вдруг наступила тишина. Нет, враги не ушли, они просто отступили, собираясь с силами, как отступает волна, чтобы потом с грохотом обрушиться на берег, сотрясая скалы...

— Проклятие! — Кербалл яростно сплюнул, глядя себе под ноги.— Снова змеиная башка на человеческих плечах!

Из-под рассеченного забрала на него смотрели мертвые глаза змеи. Конан перевернул еще несколько тел. Половина нападавших оказалась людьми. Но только половина.

— Похоже, они подменяют королей не только в Валузии,— просипел Алкемид. Во время боя он сорвал голос.

Видимо, Конан ожидал чего-нибудь подобного. Его взгляд еще раз скользнул по телам врагов и обратился к вершине. В двухстах шагах вверх по склону из снега торчала черная верхушка скалы. Там они смогут защищаться.

— Вперед! — Король указал на нее мечом.— И благодарите богов, что здешний народ не любит баловаться стрельбой из лука.

* * *

Когда плотный наст под его ногами неожиданно дрогнул и начал проваливаться куда-то вниз, остальные уже почти добрались до скалы. Конан отступал последним и в это мгновение как раз обернулся, чтобы проследить за врагами. Твердая корка оледеневшего снега вдруг начала крошиться, и король попытался перепрыгнуть опасный участок, но было уже поздно. На миг ему почудилось, что снизу, сквозь снежную толщу полыхнул оранжевый свет, и в следующее мгновение мир закружился в бешеной пляске.

Огромные глыбы слежавшегося снега с грохотом срывались и падали вниз. Воздух тут же наполнился мельчайшими кристалликами льда. Конан попытался ухватиться за какой-

нибудь выступ, но руки соскользнули, и он со-
рвался в разверзшуюся бездну...

Падение длилось недолго. Нутром почуяв,
что дно близко, Конан извернулся, чтобы
упасть на четвереньки, и... Рухнул в верхушку
огромного сугроба. Снежные глыбы, разбив-
шись о дно расселины, образовали мягкую
рассыпчатую подушку.

Выбираясь из снега, Конан кашлял и чихал,
словно больной нордхеймской лихорадкой.
Мелкие колючие снежинки набились под дос-
пехи и одежду, запорошили глаза, мешали
дышать. Он, наверное, раз двести помянул
Нергала и всех демонов, пока продирает глаза,
но, осмотревшись, понял, что трудности толь-
ко начались.

Отвесные стены расселины уходили далеко
вверх, откуда падал призрачный свет. Но и его
оказалось достаточно, чтобы понять: наверх не
взобраться. Сплошной лед. Теперь ясно, поче-
му он не смог уцепиться за тот выступ. Впро-
чем, это не так уж и плохо. Выберись Конан
здесь, и он стал бы для врагов легкой добычей.
Нужно искать другой выход...

Расселина оказалась довольно длинной, и
киммериец понадеялся, что она хоть немного
задержит врагов и даст его спутникам время
занять оборону. Сверху не доносилось ни зву-
ка...

Еще раз посмотрев по сторонам, он начал обследовать ледяную ловушку. Эхо здесь казалось каким-то странным. Словно... Конан замер, прислушиваясь. Да! Откуда-то слева, из темноты, слышался слабый звук. Очень знакомый — звон падающих капель. Король двинулся в ту сторону, держа оружие наготове, и почти сразу же почувствовал теплый поток. Огненная Дева звала его! Он пошел быстрее, потом побежал. Стены расселины сомкнулись над головой. Лед сменился камнем. Времени нет! Там, наверху, наверняка уже идет бой...

* * *

Враги снова откатились, оставив у скалы еще несколько трупов. Перевязывая обрывком полотна рассеченное бедро, Кербалл подумал, что их с Грайу теперь и родная мать не отличит. Он оглянулся, услышав звяканье металла: Айар собирала трофеи. Теперь они имели пару прямоугольных щитов из толстых досок, оббитых кожей, в два с половиной локтя длиной, пяток кинжалов и мечей, а также пару булав. Все, кроме щитов, могло послужить метательным оружием, а значит, врагам достанется еще до рукопашной. Ай да умница!

Алкемид, наблюдавший за противником с гребня скалы, крикнул, предупреждая об опасности. Кербалл забрался наверх и увидел, что аквилонец напряженно разглядывает что-то ниже по склону.

— Ты только посмотри! — сказал он, не оборачиваясь.— С ними маг, и он, если я не ошибаюсь, собирается наслать на нас мертвецов.

Человек, на которого он указывал, ничем не отличался от прочих суетившихся внизу, кроме того, что вместо щита держал в левой руке копьё со странным наконечником. Но то, что он проделывал со своим оружием, явно было магическим ритуалом: острое оставляло в воздухе светящийся след, который складывался в узор, и узор этот Кербаллу совсем не нравился, тем более что трупы врагов, оплетенные сияющими нитями, начинали подергиваться и вставать. Киммериец почувствовал, как волосы на голове поднимаются дыбом.

— Вот дерьмо! — прорычал он сквозь зубы.— Будьте прокляты, поганые змеи!

* * *

Ледяной саркофаг мягко светился во мраке пещеры. Его поверхность покрывали рельеф-

ные узоры — ломанные линии и угловатые спирали, которые, причудливо переплетаясь, скрывали от посторонних взоров того, кто покоился внутри. Но Конан *знал*: там спит она, Душа Огня.

Поверхность ее сияющей тюрьмы излучала невообразимый холод, но киммериец чувствовал, как за ледяными стенками бьется жаркое пламя. «Разбей саркофаг! Разбей!» Ее голос звучал в ушах короля, хотя она не могла произнести ни слова. Он попытался сокрушить ледяные оковы, но его меч оставлял на узорах лишь едва заметные зазубрины. «Разбей саркофаг!»

— Но я не могу! Меч не берет его! — Голос Конана громовым эхом отдавался под потолком зала.

«Можешь! В твоём оружии — сила!»

— Проклятие! Я знаю! Но не умею ее вызывать! Мне этот меч никто не приносил на блюде, как я делаю это для Кулла! — Конан еще раз ударил по крышке саркофага. — Всего лишь еще одна царапина!

«Вовсе не нужно, чтобы ее поднесли тебе на блюде. — Конан даже не сразу сообразил, почему «ее». — Предсказание касается только меня и Кулла. С твоим оружием все по-другому. Вспомни, ведь ты же сын гор! Сможет ли Земля отказать тебе?»

— Отказать?! — Конан внезапно все понял.— Вот о чем говорил Пелиас! — Он расхохотался, ощутив вдруг безмерную силу, таившуюся в нем. Он смеялся, и морозный воздух пещеры смеялся вместе с ним.— Воля! Направить волю!

Клинок взлетел к сводам пещеры. Свист воздуха, вспоротого железом, прозвучал соловьиной трелью. Загрохотал гром, сверкнула черная молния, и тень, очертаниями напоминавшая женскую фигуру, обняла саркофаг. И тогда ледяной гроб взорвался...

* * *

Чьи-то руки вцепились в него, пытаясь добраться до горла. Аквилонец наугад — кровь заливала глаза — ударил булавой, послышался треск, будто раскололся арбуз, упавший с высоты. Попал! Но руки ничуть не ослабили хватку, да к тому же что-то обвило ноги, и воин пошатнулся. «Если повалят — конец!» Он бил и бил булавой, пока измочаленные конечности врага не соскользнули с него. Рядом раздался хриплый рык, сопровождаемый лязгом стали, и голос Айар: «Сбрасывай их вниз! Быстрее!»

Передышка. Киммериец перевязал ему голову. Левый глаз заплыл и ничего не видел. Обороняющиеся опять очистили вершину, но враги снова шли на штурм. Теперь уже все они были покойниками, но маг раз за разом посылал их в атаку — мертвецам все равно.

Поначалу он пытался наслать чары и на защитников вершины, но Алкемид вовремя вспомнил древний боевой прием. Он где-то читал, что обычай греметь оружием о щиты возник не случайно. Звон металла охранял от вражеских заклинаний. А когда они к этому звуку добавили боевой клич, маг и вовсе прекратил свои попытки.

В отличие от мертвых, не знавших усталости, люди уже еле стояли на ногах, и их поддерживали только ярость и отчаяние. Но спасения не было. Маг осмотрительно держался поодаль, после того как Айар с сорока шагов всадила ему в ногу кинжал, а пока он жив, мертвецы будут атаковать. Правда, некоторые из них, оставшись без рук или ног, не могли больше лезть на скалу, но с пятью десятками вооруженных зомби три человека справиться были не в силах.

Они снова здесь. Аквилонец выдернул копье из кровавого месива, в которое превратился снег на вершине скалы. Руки предательски дрожали. «О, Митра! — подумал он, — на этот

раз нам не выстоять!» Волна нелюдей захлестнула скалу. В первые мгновения ему еще удалось отбросить нескольких тварей назад, действуя копьем, как дубинкой, но потом в него вцепились со всех сторон. Кербалла тоже облепили гнусные твари. Зомби даже не пытались сражаться оружием, они впивались зубами, грызли, рвали на части. Позади яростно закричала Айар, приветствуя свою смерть... И тут горы ожили.

Гигантские глыбы льда взлетели в воздух. Скала дрогнула так, что все, кто на ней был, посыпались вниз, как горох. Алкемид оказался в самой середине площадки, но и его подбросило вверх, а затем ударило б скалу так, что едва не вышибло дух. Хрипя и кашляя, он цеплялся за ходивший ходуном камень, искореженные доспехи ломали ребра. И вдруг безумная пляска прекратилась. Аквилонец, повинуясь странному чувству, поднялся на ноги...

Прямо под скалой разверзся жуткий провал, из которого валил дым вперемешку с паром, а на его краю стоял... Конан? Нет, сам Митра, Повелитель молний! Огромная фигура источала сияние, похожее на закатное солнце. В руке исполин держал меч, истекающий багровым пламенем. Перед божеством скорчилось ничтожное существо. Маг змеелюдей? Неужели он еще жив?

Но маг не только был жив, он пытался сопротивляться. В его сплетенных пальцах свивались клубки бледных призрачных нитей, которые постепенно создавали кокон, укрывший змеечеловека от жаркого сияния. И тогда бог поднял меч.

Из клинка исторглось слепящее пламя, на глазах изумленного аквилонца принявшее очертания прекрасной женщины в воинских доспехах. Она, смеясь, развела безоружные руки, и яростная вспышка заставила Алкемида зажмуриться. Когда он снова открыл глаза, там, где совсем недавно стоял маг, курился маленький столбик жирного дыма. Божество... Нет... «Конан?! Неужели жив?!»

— Конан! — хрипло завопил Алкемид. В этот миг король был для него единственной родной душой в этом чужом мире.

Человек внизу тяжело поднялся на ноги, посмотрел в его сторону, и он вдруг бросился к скале, крича на бегу:

— Философ! Помоги этим дурням забраться обратно наверх!

На два человеческих роста ниже вершины, цепляясь за острые выступы левой рукой, висел Кербалл. Айар пыталась, ухватив за пояс, втащить его к себе. Правая рука киммерийца, похоже, была сломана...

ЭПИЛОГ

Граждане великолепной Тарантии так и не узнали, где их король отсутствовал целые сутки. Да, да, не удивляйтесь! Всего лишь один день и одна ночь протекли здесь, в Аквилонии, хотя все путешествие по Валузии и другим королевствам того мира заняло у нас по меньшей мере три недели.

Его Величество Конан Аквилонский, вернувшись в столицу, тотчас занялся государственными делами.

На следующее утро в Тарантию прибыл граф Троцери Пуантенский. По этому поводу народу было объявлено о Большом Королевском Смотре Гвардейских частей и армии Аквилонии.

На это поистине захватывающее зрелище собралось посмотреть множество любопытствующих бездельников со всех концов королевства. Не замедлили пожаловать и зарубежные

гости, на которых произвела огромное впечатление боеготовность королевской армии.

Трубы ревели, герольды возвещали, а барабаны гремели. Сверкал полированный металл доспехов. Тяжкая поступь аквилонских легионов, лес сарисс гандерской фаланги и прославленные боссонские лучники привели толпу в неистовый восторг.

Тяжелая рыцарская кавалерия, как всегда, поражала своим великолепием и выездкой боевых коней. Король остался доволен...

В довершение праздника были проведены показательные учения на равнине перед рекой Хорот. Армия построилась в боевой порядок и по сигналу, переданному с помощью ярких флажков, двинулась в наступление...

После окончания учений послы зарубежных государств немедля кинулись испрашивать у короля аудиенции. Получив таковую, они всячески старались заверить Конана в своих мирных намерениях и постоянно твердили о том, что прямо-таки жаждут добрососедства. Оно им было обещано, в честь чего был дан пир.

На улицы из королевских погребов выкатили бадьи с добрым вином, чтобы народ не чувствовал себя обделенным. Аквилонцы веселились, славя королевскую щедрость, на радостях позабыв мрачные слухи, еще вчера терзавшие город, слухи о том, что король исчез:

то ли заколдован, то ли отравлен... что на небе видели странные знаки, а Пелиас приезжал во все не для того, чтобы искать невесту для Конана, а совсем с иными целями. Говорили много о чем, но всей правды о случившемся не ведал почти никто.

Лишь ближайшие друзья знали, что Короля действительно не было в этот день во дворце, как не было его и в Хайборийском мире. Но приближенные хранили молчание, а королевский брадобрей приписал отросшие за три недели волосы Его Величества своей забывчивости, ибо был в весьма преклонных летах. Таким образом, о слухах мало-помалу забыли.

Лишь теперь, через год после описанных выше событий, я, Алкемид Аквилонский, составил этот эпилог и присовокупил его к своим запискам.

О том, что случилось с Кербаллом, Айар и Грайу позднее, можно узнать из легенды о короле Кулле и Меч-Деве. Эту старинную историю обнаружили высеченной на камне в развалинах подземного храма, на который не так давно наткнулись охотники в горах Пуантена.

Я сам лично переводил валузийские иероглифы, ведь кроме меня их знает сейчас лишь горстка ученых и магов. Но это уже совсем другая история. История о Кулле Валузийском...

СОДЕРЖАНИЕ

Ирвинг Керидж

ГЛАЗ СКОРПИОНА

5

Дэн Ферринг

БРАТСТВО МЕЧА

337

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И БРАТСТВО МЕЧА

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Анны Новиковой*

Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.06.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 7000 экз. Заказ 782.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы
о новой серии

«САГА О КУЛЛЕ»

по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzap@info.pro.spb.su

•Северо-Запад®

**Читайте в новой серии
издательства «Северо-Запад»
лучшие книги отечественных
авторов!**

*Научная фантастика и фэнтези,
альтернативная история и мистика
ждут вас на*

"Перекрестке миров"

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Ахвилонского, орды варваров предают
Хайборию огню и мечу.
В этот жестокий мир приходит воительница,
неустршимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»

РЫЖАЯ
СОНЯ

И ВЕТЕР БЕЗДНЫ

РЫЖАЯ
СОНЯ

И ВЛАДЫКА ПАДШИХ

•Северо-Запад®

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ С КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА**

*Вместе с героями Говарда
окупитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.*

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •

В СЕРИИ
«САГА О КОНАНЕ»

ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

1. Конан и четыре стихии
2. Конан и боги тьмы
3. Конан и меч колдуна
4. Конан бросает вызов
5. Конан и повелители пещер
6. Конан и песня снегов
7. Конан и Небесная Секира
8. Конан на Дороге Королей
9. Конан принимает бой
10. Конан и карусель богов
11. Конан и дар Митры
12. Конан и Ночные Клинки
13. Конан и грот Дайомы
14. Конан и Зеркало Грядущего
15. Конан и Время Жалящих Стрел
18. Конан и бич Нергала
19. Конан и город плененных душ
20. Конан и Источник Судеб
21. Конан и сердце Аримана
22. Конан и Багровое Око
23. Конан и призраки прошлого

•Северо-Запад®

24. Конан и воинство мрака
25. Конан, варвар из Киммерии
26. Конан и Рыжий Ястреб
28. Конан и заговор теней
29. Конан и копье Крома
30. Конан и врата вечности
31. Конан и алмазный лабиринт
32. Конан и расколотый идол
33. Конан и чаша бессмертия
34. Конан и ледяной страж
35. Конан и торговцы грезами
36. Конан и алтарь победы
37. Конан и битва бессмертных
38. Конан и пожиратели плоти
39. Конан и Берег проклятых
40. Конан и оковы безмолвия
41. Конан и Владычица Небес
42. Конан и Древо Миров
43. Конан и кольцо власти
44. Конан и зов Древних
45. Конан и пророк Тьмы
46. Конан и гнев Сета
47. Конан и Храм Ночи
48. Конан и король воров
49. Конан и подземный огонь

•Северо-Запад®

fantasy

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

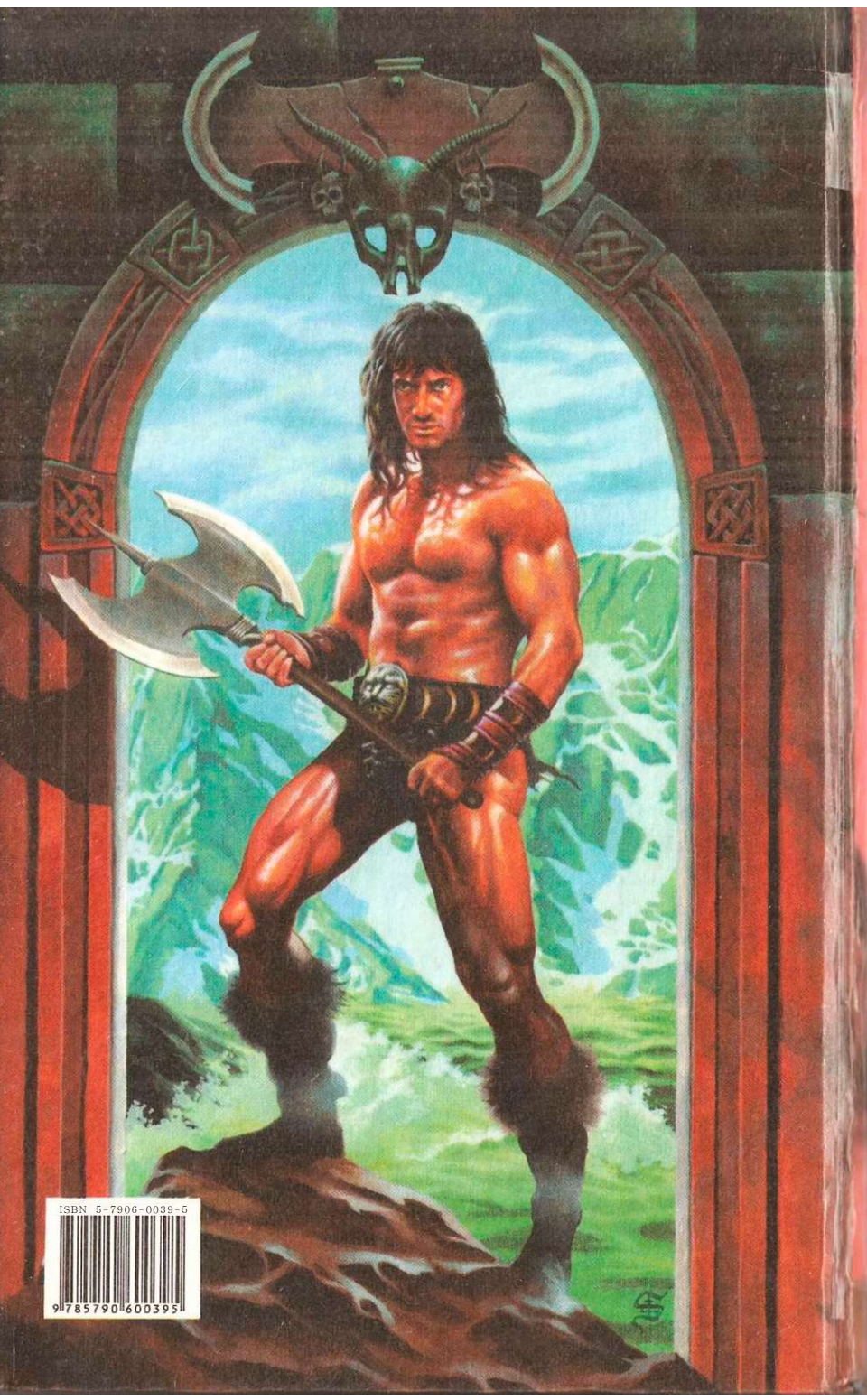
МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

ISBN 5-7906-0039-5

9 785790 600395